

Маска Киборга

МАРАТ КАБИ

Супергерои прочно заняли свою нишу в массовой культуре. Кино, книги, комиксы, посвященные супергероям, уже полюбились миллионам. Миллионам детей? Совсем не обязательно! Конечно, нет никаких возрастных ограничений для любителей зрелищных сцен, фантастических подвигов и захватывающего экшена.

«Маска киборга» — как раз про это. По классике жанра, жизнь главного героя по имени Мартин течет размеренно и счастливо, пока не происходит перелом, после которого он обретает суперспособности и причину, использовать их для борьбы со злом.

В образе Мстителя, так называет себя Мартин, собрались множество знакомых нам супергеройских качеств. Он ловок, как Спайдермен и орудует супер-девайсами, как Бетмен, но все же его история нова, а его характер неповторим. Супергерой Мститель — это столкнувшиеся мальчик идеалист и разуверившийся в человеческом разуме и гуманности робот. Две стороны борются внутри героя, и читателю до конца не понятно, кто же одержит верх.

Кинематографичные драки и погони, настоящая любовь, перелом и становление героя, а еще размышления о смысле жизни, добре и зле. Кажется, под обложкой «Маски Киборга» замиксованы все необходимые ингредиенты настоящего супергеройского романа.

МАСКА КИБОРГА

Ночной город всегда вызывал в нем чувство противоречия. Красота огней, яркая беззаботность рекламных щитов, величие зданий, освещенных прожекторами, привлекали, очаровывали. Но в то же время он ни на секунду не позволял себе забыть, что этот величественный город таит в темноте переулков ненависть и жестокость, что зло скрывается там, куда не достает свет ночных фонарей.

Здесь, на крыше небоскреба, гул машин почти не нарушал тишины. Ветер играл полами его плаща, развевал его темные волосы, обычно спадающие на лоб. Он подставил ветру лицо и ощутил дуновение на левой щеке. Луна вышла из-за облака, луч выхватил из темноты его белое лицо — печальная маска Пьеро с навечно замершей на щеке слезой. Спокойствие и величие этого города обманчиво, нельзя терять бдительность, город не будет ждать.

Его слух уловил drobный стук каблучков. Он чуть поморщился, концентрируясь: искусственная ушная мембрана выделила этот звук из ночного гула. Он всмотрелся вниз, туда, где, не подозревая о его присутствии, торопливо шла худенькая девушка. Стук ее каблучков отзывался эхом, отражаясь от глухих кирпичных стен. Девушка испуганно оглядывалась: отзвук чьего-то выкрика, скрип тусклого фонаря, крысиная возня в мусорной свалке — каждый шорох казался ей враждебным. Даже звук ее собственных шагов казался слишком громким, способным привлечь опасность. Ей хотелось скорее миновать эту темную, освещаемую единственным уцелевшим фонарем улицу и оказаться среди людей, в свете ярких витрин, рядом с мелькающей фарами машин дорогой. Стук каблучков становился все чаще, ветер толкал ее в спину, путал ее длинные рыжие волосы, закрывая ее лицо, заставляя глубже прятать руки в карманы короткой кожаной куртки.

Человек не способен противостоять злу. Стоявший на крыше приблизился к краю. Зло правит миром, а человек слаб. За спиной его бился плащ, плечи были спокойно разведены, мерно поднималась и опускалась грудь. Человек слаб, страх живет в нем с рождения. Ветер ударил в его лицо с новой силой, он выше поднял подбородок, в свете луны блеснул металл.

Но страха нет здесь. Страх умер вместе с человеком. Он шагнул в пустоту и разом окунулся в ночную темноту города.

.....

Страх умер во мне вместе с человеком. Теперь я — Мститель, машина, не чувствующая страха.

...Ловко приземлился — вышло почти беззвучно, ноги по-кошачьи пружинисто коснулись земли. Темная улица, на которой я оказался, изгибалась и сужалась, будто ей трудно было протискиваться между тесно расставленными громадами домов. Девушка достигла подрагивающего круга света, пролитого фонарем, ее волосы блеснули медью, и через мгновение вся ее фигура снова скрылась в темноте. Несмотря на обостренный от страха слух, она не заметила, что за ней следует человек в темном плаще.

Я на секунду остановился, чтобы оставить в стене микрокамеру. Привычно ощутил тяжесть капсулы-зонда, выдвинувшейся из ладони, и точным движением послал ее в стену угрюмого здания напротив. Острый наконечник легко вонзился в кирпич, прочно закрепив капсулу. Все в порядке, радар активизирован. Я чувствую привычное напряжение в правой части головы. Это в правый глаз — изящнейшее устройство, вживленное в человеческую плоть, — по тончайшим микросхемам передается сигнал. К обычному зрению прибавилось изображение улицы, зафиксированное камерой. Мститель чуть заметно кивнул.

— Повеселимся, парни! — чуткая мембрана выхватила грубый голос из множества звуков. Легкое жжение в правом виске, от напряжения чуть заметно дрогнули брови на бледном лице, и тут же обострился нечеловеческий, механический слух. Голова наполнилась звуками, они переплетались в невыносимом хоре: голоса прохожих из соседнего квартала, шум улицы, гудение машин, нестройное пение бездомного соединились с ритмом танцевальной мелодии, раздающейся из колонок торгового центра, возня осмелевших крыс и завывание ветра меж стен заброшенного здания. Концентрируйся! Шум утих. Четко слышны только неровный перестук каблучков рыжеволосой девушки и агрессивные голоса, они совсем неподалеку... Здесь, за углом.

Тусклый фонарь качнулся от налетевшего ветра и беспомощно моргнул.

Голоса, отзывающиеся в голове Мстителя, принадлежали группе парней. От таких веет животной агрессией, даже когда они поодиночке просто проходят мимо, толкнув плечом, заходят в метро, цепко ощупывая взглядом пассажиров, усмеваются, показывая зубы. У таких парней взгляд исподлобья, в котором читается постоянная готовность ударить. Они всегда сбиваются в стаи, им необходимо подпитываться злобой друг друга.

— Повеселимся! — это голос бритоголового, крепкого парня. Он демонстрирует неестественно накачанные бицепсы, поигрывая массивным ножом. Вздувшиеся мышцы грудной клетки и рук — дело явно не обошлось без стероидов. Рядом с ним высокий длинноволосый парень, в его руке мерно покачивается тяжелая цепь, с не меньшим изяществом она опустится на голову невезучего прохожего, в этом сомнений нет. За их спинами переговариваются еще два головореза, со смехом задирая друг друга. Они должны контролировать другую часть улицы. Чуть ближе к углу дома — худой, долговязый пацан. Мешковатые штаны и толстовка призваны скрыть его худобу. Он крепко зажал в руках битую и, примеряясь к удару, рассекает ею воздух. В его движениях решительность: кто бы ни появился из-за поворота, получит сокрушительный удар в голову. Этот пацан ударит настолько сильно, насколько сможет, ведь тогда он будет принят. Не принятый никем, он должен быть принят хотя бы здесь, в этой стае.

— Раскройшь башку первому, кто подвернется, — станешь одним из нас. Станешь частью банды койотов! — выкрикивает ему в спину длинноволосый.

— Не беспокойся, скоро здесь будет много крови! — парень старается отвечать как можно беззаботнее, но в его голосе проскальзывает напряжение.

«Много крови!» — отдается в голове Мстителя. А стук каблучков слышится все дальше.

«Эти парни мне не нравятся, Ларри...» — он проговаривает это про себя, зная, что искусственный интеллект Ларри, его друга, его помощника и проводника, уже просчитал возможный ход событий.

— Учитывая обстоятельства, существует лишь один вариант последовательности событий, — механический голос Ларри, как всегда, не заставил себя ждать.

Напряжение в правом виске сменилось визуальными образами: все движется мучительно медленно, и можно рассмотреть в подробностях каждую деталь. То, как фонарь, качнувшийся от порыва ветра, все еще не может оправиться от этой встряски, и лампочка все мигает, но почти не дает света. То, как девушка поворачивает за угол и делает шаг навстречу парню с занесенной битой. Как расширяются ее глаза и раскрывается рот для крика, который не успевает прозвучать. То, как, описав дугу, бита рассекает ее левый висок, как закидывается ее голова, как руки в беспомощном взмахе отпускают сумочку, из которой на грязный асфальт летят телефон, губная помада, ключи с забавным брелком, маленькое зеркальце, дающее трещину, ударяясь о стену. Можно увидеть, какими стеклянными стали глаза парня, заносащего биту для повторного удара, как из рассеченного виска девушки течет кровь, заливая лоб, окрашивая в темное рыжину ее волос, спускаясь вниз по щеке к шее, затекает за ворот куртки. Как медленно бита опускается на ее голову второй раз и как красные брызги становятся алмазными, попав в свет мигнувшего фонаря. Как все застилает темнота смерти...

Видение промелькнуло за долю секунды. Фонарь качнулся назад и, наконец, снова слабо осветил часть улицы. Лицо Мстителя стало чуть бледнее, на белой маске Пьеро заметнее очертилась нарисованная черным капля слезы.

— Я понял тебя, Ларри.

Остановить ее, просто попросить ее, просто сказать...

— Подождите, девушка! — его механический голос звучит еще более гулко, отражаясь от кирпичных стен. Девушка испуганно оборачивается, она не ждала, что кто-то идет за ней в темноте.

— Что вам нужно? — бросает она и ускоряет шаг, приближаясь к повороту, к стае койотов, к занесенной для удара бите.

— Подождите, прошу. Пожалуйста, вам не нужно туда идти!

Как успокоить ее? Как объяснить, что он не причинит ей вреда, что там, за углом, ее ждет смерть? Он вытягивает руку — в ней нет оружия, это мирный жест.

— Прошу вас, не надо идти туда.

Испуг на лице девушки сменяется раздражением, даже злостью. Еще один ненормальный, возмнил о себе невесть что, нацепил плащ и разгуливает по городу. Таким место в сумасшедшем доме, а не среди нормальных людей.

— Иди домой, понял? Отстань от меня. Не смей приближаться! — Она поворачивается к Мстителю и пугается сильнее, увидев белый грим на его лице, его вечно печальную маску. Она пятится назад, она не понимает и не может понять его. Этот город отравлен страхом, каждый его житель давно потерял веру в людей... Возможно, не зря...

— Не смей идти за мной, придурок! — она показывает ему средний палец, она давно усвоила, что лучшая защита — это нападение. Она делает еще один шаг...

Все как всегда. Короткое усилие, и все движения вокруг замедляются. Девушка поворачивается и видит занесенную биту, искажается гримасой лицо парня и вздувается вена у него на шее. Бита в движении — подставить руку. Вот так.

Как всегда в такие моменты, мое сознание будто отключилось, тело действовало само по себе, управляемое сигналами, не мыслями. Бита разлетелась на щепки, она больше никому не причинит вреда. Удар. Под моим кулаком сминаются кости грудной клетки худого парня, до моих ушей, будто откуда-то издалека, доносится их хруст. Тело отлетает далеко в сторону и, ударившись о стену здания, сползает на асфальт. Теперь парень больше похож на небрежно брошенную тряпичную куклу, чем на человека.

Краешек моего человеческого сознания улавливает, как в полных ярости глазах остальных головорезов на мгновение вспыхивает ужас. Бритоголовый громила первым оправляется от потрясения. Он крепко сжимает в руке нож.

— Ах ты сука ряженая!

Перехватить. И рука уже сжимает занесенную для удара руку здоровяка. Пальцы сжимают его запястье. Сильнее, еще сильнее, сейчас снова затрещат кости... Еще небольшое усилие — и нож со звоном ударится об асфальт и отлетит в сторону. Лицо бритоголового так близко. Приоткрытый рот и широко раскрытые глаза придают его круглому лицу глуповатое выражение. Камера правого глаза считывает информацию, главный компьютер в голове проводит поиск на соответствие — миллионы видео с камер по всему городу промелькнули перед глазами. Ах, вот то, что нужно, этот парень нам уже знаком — короткое видео прокручивается в голове. Вот он наносит удары старику в коричневом пальто. Идет дождь, вокруг никого, и бритоголовый всаживает в оседающее тело нож еще и еще раз. Он вытаскивает из кармана коричневого пальто бумажник и быстро бежит, не глядя под ноги, наступая в лужи... Здоровяк уже убивал, и не раз.

Голос Ларри подводит итог, его слова звучат четко:

— Сканирование завершено. Объект определен. Эрик Митчел, тридцать два года. Неоднократно совершал убийства.

Кажется, уже пора привыкнуть, но на секунду сознание отделяется от беспристрастности компьютерной программы. Будто что-то лопнуло в мозгу, гнев мешает дышать.

— Ты не заслуживаешь жизни! Тебя остановит только смерть.

Нож не упадет на асфальт, нет. Тело снова обретает автономность. И рука, сжимающая руку бритоголового, теперь не дает ему разжать пальцы, обхватившие рукоятку ножа. Длинное лезвие, направляемое моей рукой, пронзает горло бритоголового, мягко входит глубже и, пробив затылочную кость, выходит наружу. Чувствуется что-то теплое и липкое на руке. Неважно. Лицо здоровяка навсегда замерло с приоткрытым ртом и глупо расширенными глазами.

Сознание, контролируемое компьютером, подсказывает повернуться. Моя выставленная вверх рука останавливает цепь за мгновение до того, как та обрушивается мне на голову. Длинноволосый не ждал такой быстроты реакции, выражение превосходства на его лице сменяется ужасом. Как просто вырвать цепь из его рук... Сильный взмах рукой, поворот всем корпусом, моя рука как будто удлинилась для этого удара. Брызги крови разлетаются в стороны, и тело длиноволосого, изрезанное на куски, оседает на асфальт. Только сейчас

замечаю выдвинувшиеся из костяшек моей руки стальные лезвия. Мое тело быстрее меня. Лезвия быстро входят обратно в руку, будто их и не было. Доказательством служит разве что изрезанное тело у моих ног.

Цепь все еще в руке, ее конец все еще летит по заданной траектории. Кажется, что она движется очень медленно. Хотя, скорее всего, оставшиеся мерзавцы не могут даже различить ее движения. Удар. Этот парень даже не пытается бежать — оцепенел от страха. Теперь он вряд ли когда-нибудь сможет хотя бы ходить. Последний уцелевший из шайки сорвался с места и бежит. Бежит как дикий зверь, петляя и пригибаясь. Цепь летит ему вслед и обвивается вокруг ног, мне слышно, как крушатся и ломаются его кости. Он падает и тяжело скользит по грязному асфальту, как брошенный кусок мяса.

Кажется, что эта схватка длилась вечность, но я понимаю, что прошло от силы десять секунд. Рыжеволосая вжалась в стену спиной и дрожит. Ее рот открывается и закрывается беззвучно, по-рыбьи. Ну что ж, не каждый день увидишь пять искалеченных окровавленных тел. Наверное, дуреха так и не поймет, что была на волосок от смерти и что я спас ее жизнь.

Зонд, оставленный мной в стене здания, снова собирается в капсулу и послушно ложится в мою вытянутую ладонь. Вкладываю его в клапан на бедре. Как странно, что когда-то я привыкал к этому костюму. Сейчас он моя вторая кожа.

Девушка наконец пришла в себя. Испуганно закричала и, подхватив сумочку, побежала, стуча своими каблучками, прочь от меня, от изувеченных тел, от этого ночного кошмара, который не раз еще разбудит ее среди ночи. В последний раз окидываю взглядом еле освещенную улицу. Обшарпанные стены домов, свалка под окнами дешевых квартир, узкая полоска темного неба между крышами. С плаката на кирпичной стене белозубо улыбается лицо кандидата в мэры: «Голосуйте за нового мэра города!» Эти плакаты расклеены повсюду, будто не очевиден этот нелепый контраст холеного лица, дорогого костюма и крупных часов на приветственно поднятой руке очередного лжеца с убожеством этих трущоб.

Пора уходить. Девчонка может со страху вызвать полицию. А на сегодня мне уже точно достаточно общения с незнакомцами.

Тело, как всегда, чуть опередило мое сознание. Ядвигаюсь вверх по кирпичной стене, оставляя внизу изуродованные тела, мусор улицы и лживые плакаты. Шипы, выдвинувшиеся из подошв ботинок и толстой кожи перчаток, легко входят в кирпичную поверхность стены. В ушах шумит ветер, полоска неба, казавшаяся такой узкой с земли, становится все шире и шире. Стена обрывается, и я, с силой оттолкнувшись от ее края ногами, оказываюсь в темном, тяжелом, но напоенном свежестью небе. То ли падая, то ли паря, я чувствую подобие счастья. Я не знаю, могу ли я в самом деле испытывать счастье. Но это чувство полета будто бы освобождает меня, будто немного ослабляет сжимающую мое сердце металлическую клешню. Сейчас я могу быть собой. Я устал от испуганных криков, от искаженных ужасом лиц. Люди не принимают меня таким. Какую злость я вызвал в той девушке, просто заговорив с ней, просто пытаюсь ей помочь... А тот толстяк за рулем такси, перед которым я оказался вчера, неосмотрительно выйдя из подворотни? Он был спокоен и доволен собой, ковырял в зубах зубочисткой, глядя в зеркало на лобовом стекле. И какое отвращение я прочитал на его лице, когда он заметил меня! Заметил мой плащ, мое разрисованное черным и белым лицо, непохожее на его — розовое, толстое, сытое. Он уже был готов достать свой припрятанный под сиденьем пистолет, купленный на случай ночной разборки или неожиданного нападения. Нападения! Я не совершал нападения. Я не угрожал.

Я не сказал ни слова. Но люди этого города так запуганы, так пропитаны страхом и ненавистью друг к другу, что первое чувство, которое вызывает у них нечто непривычное, — это слепая ярость. Желание напасть, пока на тебя не напали. Это поведение больных диких зверей, загнанных в угол, а не разумных существ. Тогда я отступил в тень арки. Я исчез для него, стал коротким видением. Скорее всего, он со смехом потом рассказывал своим друзьям в грязном баре, что ему примерещилось чучело с белым лицом — чуть было не выстрелил в него, да оно вовремя пропало. И друзья будут покатываться со смеху вместе с ним, заливаясь виски и затягиваясь вонючими сигаретами. Тогда я исчез для него. Но я всегда буду там, я накрепко связан с этим городом.

Я отталкиваюсь ногами снова, и крыша высотного здания оказывается далеко внизу. Я лечу и падаю, отталкиваюсь снова, еще и еще, пока не оказываюсь далеко от центра города, на крыше, так высоко, что огни мегаполиса перестают затмевать небесные огни. Так, издавелека, он вилен как на ладони. Он кажется игрушечным со всеми этими огоньками и башнями, он кажется безобидным. Кажется... Я вдыхаю ночной воздух, и железная хватка, сжимающая мое сердце, снова слабеет на мгновение. Этот город уничтожает себя сам. Я знаю это. Я знаком с жестокостью, с ненавистью, с болью. Я знаю о смерти даже слишком много. Но я не могу уйти, не могу оставить этих несчастных, обозленных, измученных людей.

Как мало человеческого во мне осталось. Я испытал слишком много боли, слишком. Теперь мне не нужно многого. Я просто исполняю свое предназначение. Я не меняю мир. По левой щеке медленно сползает слеза и чернеет, смешиваясь с краской нарисованной капли.

Я всего лишь делаю мир чуть лучше, чем он есть.

Занимался рассвет. Волна света медленно, но неуклонно заполняла собой город. Дотронувшись до крыш небоскребов, спустилась ниже и отразилась во множестве окон, увеличив этим свою мощь. Скоро она дотянется и до самых темных, неприметных улочек, разольется по обшарпанным стенам, разбитому асфальту, сделает явной ущербность городских трущоб и на время отпугнет их ночных обитателей. А это значит, что пора возвращаться.

.....

Город еще только начал просыпаться: голоса торговцев уличных рынков, звуки шагов первых прохожих, сонных, но уже спешащих на работу. Из колонок круглосуточного супермаркета донесся нарочито бодрый голос диктора.

— Доброе утро всем, кто с нами в этот ранний час!

Все эти звуки доносились до сознания Мстителя, но, смешиваясь, превращались в неразборчивый шум. Ненавязчивый, немного угрюмый, но все же приятный и легкий шум утра. Он означает, что начался новый день, день обычной жизни, почти что беззаботной, почти что спокойной, почти, что счастливой жизни.

Почти что... Он был погружен в себя и почти не обращал внимания на дорогу, тело привычно слилось с мотоциклом, и редкие автомобилисты даже не успевали заметить черную тень, проносящуюся мимо. Он может позволить себе эту скорость: если что, Ларри всегда позаботится об управлении, а значит, можно ненадолго забыть обо всем. Ведь когда-то не было Мстителя, не было искусственного зрения, металлической вставки в черепе, тончайшей ушной мембраны, фиксирующей каждый звук. Не было ночных прогулок по крышам. Не было ослепляющей ненависти и желания мстить. Не было этих беспомощных

рыжеволосых девушек, запуганных, уставших, жалких. Не было жестоких полулюдей, с битами и цепями ожидающих за углом.

Не было?

Он прищурился и совсем четко, будто бы это и не воспоминание вовсе, увидел медный блеск в волосах девушки. Нет-нет, не девушки, девочки, сидящей у окна. Чуть подавшись вперед, она внимательно слушает учителя. Она не замечает, как серьезно сведены ее брови. Кажется, она всегда была такой. Мелани, девочка за соседней партой, все воспринимающая всерьез, девочка с рыжими волосами, до которых хочется дотронуться, да только страшно спугнуть этот играющий в них солнечный блик. Могла бы Мелани стать одной из тех запуганных и запутавшихся девушек из гулких ночных переулков? Трудно представить. Страшно представить.

А вот из тех ребят с задних парт вполне могли бы выйти ночные смельчаки с низко опущенными капюшонами, тяжелыми взглядами, желанием сбиваться в стаи. Разве так бывает? Ведь это дети. Но издевка в глазах мальчугана, оторвавшегося от разрисовывания парты, сверкнула совсем как во взгляде взрослого парня с ночной улицы, чувствующего свое превосходство, силу, безнаказанность. Это Стив Уоллкет. Да, так его звали. Столько времени прошло, а память почему-то продолжает хранить даже такие мелкие, казалось бы, ненужные детали. Детали совсем другой жизни — жизни не Мстителя, а паренька по имени Мартин, готового максималистски рассуждать на уроке истории о коллективном разуме, изредка бросая взгляд на рыжие волосы Мелани, не замечая насмешливых перемигиваний Стива и его дружков. Простое, смешное, глупое время. Невероятно счастливое время. Его никогда не вернуть, не вернуть того Мартина и его непоколебимую уверенность в том, что мир устроен сложно, но правильно, что разум царствует в нем, а насилие никогда не сможет одержать верх. Поэтому каждая деталь бережно хранится в памяти, каждая деталь драгоценна — это составляющие детского, обыденного и незаметного счастья, ценность которого в полной мере осознается только сейчас.

Звуки утреннего города совсем перестали тревожить его слух, он полностью погрузился в воспоминания: весенний день, школьный класс, залитый солнцем. Он говорит, не замечая, как пальцы нервно теребят карандаш.

.....

Мистер Уилсон, учитель истории, серьезно слушает, иногда слегка кивая. Мартину кажется, что этими кивками он отмечает главные моменты в чуть сбивчивой речи ученика, каждый кивок вызывает в нем толчок благодарности. Мистер Уилсон умеет слушать, поэтому Мартину кажется важным объяснить ему свою теорию о коллективном интеллекте как можно яснее, убедительнее и проще. Так, как это у него выходило в долгих разговорах с дедушкой.

— Мартин Стоун представил нам интересную концепцию, да, коллеги? — мистер Уилсон обводит взглядом класс. Он единственный из учителей называет школьников коллегами, и Мартину это нравится.

— Итак, Мартин считает, что наша земная цивилизация управляется коллективным человеческим разумом. Таких теорий существует довольно много. Попросим Мартина пояснить, на чем основано его личное заключение.

Мистер Уилсон говорит очень серьезно, а глаза его смеются. Он прекрасно понимает, что «коллегам» куда интереснее было бы сейчас выбежать на улицу, вдоволь пошуметь, потолкаться, засмеяться во весь голос, а не слушать подробности этого доклада. Но Мартин,

машинальным движением поправив очки, с готовностью продолжает, он слишком увлечен, чтобы разглядеть ироничные искорки в глазах учителя. Кроме того, он чувствует щекой, что Мелани внимательно смотрит на него и ловит каждое слово. Почему-то Мартину ужасно неловко было бы повернуться и прямо взглянуть на ее сосредоточенное лицо, его щека начинает розоветь, поэтому он спешит быстрее перейти к своим доводам, вернуть свою уверенную сосредоточенность.

— Согласно данным археологических раскопок, наш вид человека разумного — кроманьонец — появился на земле около сорока тысяч лет назад, на территории современной Франции. В это же время существовал и другой вид — неандертальский человек. Получается, что два вида людей существовали в одно и то же время. Никаких данных о том, что они соперничали и истребляли друг друга, нет. Неандертальский человек просто исчез. Я думаю, этот вид был переходной фазой к виду человека разумного, современного человека. И, выполнив свою функцию, он просто прекратил свое существование...

Пока Мартин говорит, задние ряды понемногу оживляются. Стив Уоллкет написал что-то на мятом тетрадном листе и показывает соседям по парте. Видимо, его острота касается Мартина, потому что парни, поочередно прочитав написанное, бросают взгляд на говорящего ученика и утыкаются лицом кто в парту, кто в тетрадь, кто в сложенные ладони. Поводов повеселиться море: Стоун очкарик, Стоун хилак, Стоун не бесится, как все, на переменах, а усаживается в углу с книгой и, идиотским движением поправив свои очки, отключается от окружающего мира. Уоллкет с парнями называют такие моменты «Стоун в отключке» и стараются досадить очкарику, бросив в него ластиком, прилепив к плечу липкую бумажку с обидной надписью, громко крикнув ему в самое ухо. Но этому отмороженному хоть бы хны: на секунду оторвется от чтения, рассеянно посмотрит поверх книги и снова уткнется в нее носом, будто такие мелочи его совершенно не тревожат. Это бесит больше всего. Стив знает толк в издевательствах, он уже не первый год остается в этом классе и, хоть и не силен в учебе, уж точно знает, как довести слабака до слез. А Стоун не поддается, как будто он выше Стива, как будто он, а не Стив, сильнее, как будто он знает что-то для Стива неизвестное, что делает очкарика неприкасаемым. От одной мысли об этом Стива начинает трясти, ему хочется вмазать по очкам этого всезнайки, толкнуть его на землю и прижать ногой, чтобы тот полежал в пыли и уяснил себе раз и навсегда, кто здесь главный. Да ведь били уже этого чокнутого, но ни разу не получилось довести его до слез или заставить просить о пощаде. Всегда он молчит, смотрит исподлобья. Даже в тот раз, когда Алекс не рассчитал удар и сильно разбил ему губу, толкнув к двери, Мартин только смерил того взглядом и вышел из класса, зажав рот рукавом. Алекс все боялся, что его вызовут к директору, и до вечера ныл об этом, а потом оказалось, что очкарик ни словом не обмолвился ни об Алексе, ни о Стиве, ни о других парнях. Это будто бы делало их обязанными ему, а значит, усиливало ненависть.

— Решил поиграть в рыцарей, придурок! — зло цедил сквозь зубы Стив. — Ненавижу таких, как ты, профессорский сынок.

Все в школе знали, что отец и дед Мартина — какие-то шишки в науке. Отец даже приходил как-то к ним в класс, рассказывал о своей профессии. Стив на пару минут заинтересовался его бреднями об искусственных органах, о человеке будущего и сложных хирургических операциях, меняющих жизни людей, но Стоун-старший говорил и говорил, не умолкая, а, наоборот, только распаляясь, совсем так же, как Мартин, поправляя свои очки.

Стив давно перестал слушать его и старательно обводил контуры нового рисунка на своей парте: монстр с уродливо раскрытой пастью, не по-человечески, а как бы вертикально, когтистые лапы тянутся к убегающему человечку, а тот кричит в ужасе, ибо ему не уйти. Стив мирно обводил острые линии зубов, когда понял, что в классе подозрительно тихо, и, подняв глаза, увидел, что Стоун-старший, слегка оперевшись рукой о его парту, с улыбкой смотрит на незаконченный рисунок.

— Я рад, что среди вас есть уже определившиеся с выбором профессии. Вот, например, перед нами — свободный художник. Ну, не будем отвлекать вас своими научными разговорами, продолжайте, пожалуйста. — Он, как ни в чем не бывало, выпрямился и прошагал обратно к доске, а класс взорвался хохотом. Никто еще не разговаривал так со Стивом, и, кроме всего остального, он выглядел ужасно нелепо: застигнутый врасплох, с высунутым от старания кончиком языка. А как он покраснел, не найдя, что ответить на это вежливое замечание! Не засмеяться было невозможно. А Стив не знал, куда провалиться от стыда, и пообещал себе отомстить Мартину за эту насмешку — не старший Стоун, так младший, разница невелика.

Сейчас Мартин пустился в объяснения своей дурацкой теории и, сверкая глазами, говорил:

— Коллективный разум есть у муравьев, пчел, термитов. Это очевидно, поскольку эти объекты малы. Коллективный разум у человечества невозможно выявить сразу, но...

Стив не выдержал и запустил ему в затылок крепко скрученный бумажный шарик. Шарик отскочил от тощей шеи Стоуна, а тот сбился и недовольно-вопросительно обернулся.

— Уоллкет, что вы себе позволяете?! — Мистер Уилсон вопросительно приподнимает подбородок, брови его тоже слегка поднимаются, выражение лица становится презрительным. Он переводит взгляд на Стоуна и кивает, чтобы тот продолжал.

— Да врет он все, сам выдумал и лепит, что в голову взбредет, а вы слушаете, раскрыв рот! — Стив сам не ожидал от себя такого красноречия, но сейчас ему удалось привлечь потерянное внимание ребят из класса, и он был собой доволен.

— Он не врет и знает, что говорит! Он умный, в отличие от тебя! — Это Мелани выкрикнула с места и, кажется, сама немного испугалась своей горячности, но продолжила смотреть гордо и прямо, только закусила губу от волнения.

Стив только рад лишний раз уколоть Мартина:

— Нашел себе защитника, Стоун, ничего не скажешь. Попридержи свою невесту, а то она, кажется, броситься может. Рыжая, ты на людей не кидаешься? А то взгляд как у дикой зверюги.

На светлой коже Мелани быстро выступает пунцовый румянец. Никуда от него не денешься, не спрячешь. Мартин, наоборот, бледнеет, сжимает кулаки.

— Стивен, немедленно прекратите свои излияния. Они никого не интересуют. На вашем месте я попытался бы сосредоточиться и слушал бы Мартина не отрываясь. Вы прекрасно знаете, что вам грозит еще один год за этой самой партой, если вы продолжите в том же духе.

Оживившийся было класс тут же затих. Мартин выдохнул и продолжил говорить как можно невозмутимее. Только все не мог разжать кулаки. Уоллкет тем временем уже незаметно делал своим друзьям знаки: сейчас он точно знал, чем займется после уроков. Показав глазами на Мартина, он подносит кулак к своей широкой скуле. Его жест ловит Алекс, худощавый парень с желтоватыми зубами и вечно сальными волосами. Он неприятно

улыбается.

— Потолкаемся, — еле слышно, одними губами говорит Стив, многозначительно поднимая брови.

Перегнувшись вперед, Алекс тыкает ручкой в спину круглоголового крепыша Джонни. Этот недалекий мальчуган — вторая часть вечной свиты Уоллкета.

— После уроков проведем беседу со Стоуном, — многозначительно шепчет Алекс.

— Чего? — Джонни мучительно морщит лоб. До него редко доходят эвфемизмы.

— Со Стоуном. По-бе-се-ду-ем. — Каждый слог Алекс легонько отбивает кулаком по парте. До Джонни, наконец, дошло, и он расплывается в улыбке, как будто ему пообещали бесплатную пиццу.

— По-бе-се-ду-ем, — довольно растягивает он слоги.

— Тебе конец, урод, — шипит Стивен в сторону Мартина. Тот, будто не замечая, заканчивает свой доклад и спокойно оглядывает класс, ожидая вопросов. Мистер Уилсон дружески кладет ему руку на плечо:

— Ну что же, Мартин, твоя теория имеет право на жизнь, в ней есть своя логика. Садись, за твою работу я поставил тебе «отлично».

Мартин спокойно садится за свою парту и, будто ни к кому не обращаясь, проговаривает:

— Странно, что один неандерталец все еще живет в наше время.

На лице мистера Уилсона на секунду появляется улыбка, но он тут же стирает ее, чего не скажешь о детях: те не скрывают своих смешков и открыто смотрят на краснеющего от злости Стива.

— Посмотрим, кто из нас неандералец! — шипит он, но тут же краснеет еще сильнее, поняв, что неправильно выговорил заумное обзывательство. Ничего, сегодня хилак ответит за каждый смешок в сторону Стива, за все ответит.

...Мартин понимал, что сегодня ему не уйти от драки. Он уже привык к стычкам с Уоллкетом и его друзьями и воспринимал их как неприятное, но неизбежное событие. Наверное, так некоторые смотрят на дождь, от которого никуда не деться, нужно просто перетерпеть его и продолжать путь, ну, или уж вовсе не выходить из дому. Правда, каждый раз, когда драка все-таки начиналась, ему еще ни разу не удавалось сдержать свой гнев. Он выходил из себя и, сжав кулаки до белизны в костяшках, пытался ударить обидчика в ответ. Обычно его попытки прекращались где-то через минуту, и он оказывался на полу, или утирал разбитый нос, или поправлял разорванный ворот рубашки, или ловил ртом воздух, согнутый в три погибели, с головой, зажатой под локтем одного из здоровяков. У него были свои правила на этот счет: нельзя кричать, нельзя бежать и, конечно же, нельзя плакать. Эти низколобые оболдуи только и ждут, что ты начнешь просить их о пощаде, а давать им то, чего они ждут, Мартин ни в коем случае не собирался. Поэтому он изо всех сил отбивался, а потом терпел. Он знал, что это выводит обидчиков из себя, и внутренне торжествовал этой полупобеде.

Сегодня ему не уйти от драки, но привычного сосущего ощущения в животе как не бывало. Мелани шла рядом и, чуть наклонив набок голову, слушала его. Ее рыжие волосы были собраны в хвост, и только одна непослушная прядка то и дело выбивалась и падала на щеку. Мелани торопливо убирала ее за ухо, но прядь выбивалась снова. А Мартин, автоматически продолжая говорить что-то о человеке каменного века и его эволюции, следил за этой борьбой и забывал бояться.

— Вообще, я считаю, что все человеческие расы возникли одновременно. А вот сейчас физическая эволюция человека закончилась и началась эволюция человеческого сознания. Понимаешь, о чем я? Некая разумная сила управляет развитием мира. Для нашего разума она пока непостижима.

Мелани чуть замедлила шаг и ответила с небольшой запинкой. Она не боялась показаться глупой, но все же взвешивала каждое слово.

— Но разве людей создал не Бог? — Она пристально посмотрела на Мартина, чуть сощуриив глаза, будто проверяя, насколько может ему доверять.

— Бог, если хочешь. Мы можем называть творца мира, а возможно, коллектив творцов, Богом. Так проще, верно?

Мелани не успела ответить, дорогу им преградил Стив Уоллкет с его вечными телохранителями. Она не успела еще понять, что происходит, и в ее голове пронеслось: «Какой же он жалкий, этот Уоллкет». Большеголовый, толстоватый здоровяк Стив смотрел исподлобья. Он спрятал кулаки в карманы его растянутых тренировочных штанов и слегка покачивался: с носка на пятку, с пятки на носок, будто вышел навстречу Мелани и Мартину во время легкой спортивной разминки. Тяжелые челюсти снова и снова перемалывали жевательную резинку. Алекс и Джонни встали чуть позади него и тоже спрятали руки в карманы. Мелани знала, что отец Уоллкета часто наказывает сына, что с каждым годом успеваемость и оценки за поведение Стива отнюдь не становятся лучше, несмотря на отцовскую науку, а взгляд становится все более мутным, более неживым. Да ему просто нужно срывать на ком-то свою злобу, ему просто нужно нравиться хоть кому-то, поэтому он и таскает с собой этих двух клоунов, поэтому он и задирает Марти. Принципиального, честного Марти, которого невозможно заставить пойти на компромисс...

Эта мысль пронеслась в голове Мелани и тут же сменилась резкой неприязнью: Уоллкет самодовольно ухмыльнулся и сплюнул жвачку им под ноги. Алекс сделал шаг вперед, поравнявшись со своим предводителем, а Джонни будто невзначай легонько отбивал размеренный ритм, опуская в ладонь сжатый кулак. Мелани на секунду представила, как этот кулак ударяет по острой скуле Марти, и ее передернуло. Она краем глаза взглянула на Мартина. Тот стоял спокойно, только чуть напряглись его плечи и взгляд стал ужасно холодным.

— Ну что, попугаи-неразлучники, прогуливаемся? Щебечем о высоком? — Стив выдержал паузу и с издевкой перевел взгляд с Мелани на Мартина. — А мы тут по-простому. У нас разговор короткий. — Он сделал небольшой шаг к ребятам и оказался совсем близко, угрожающе нависнув над ними и загородив небо.

— Мы сейчас с тобой по-своему говорить будем, да, Алекс? — Стив смотрел Мартину прямо в глаза и не обернулся, когда Алекс услужливо поддакнул ему.

— Мы тебя так отделаем, что резко все поймешь, — решил тоже внести свою лепту в угрожающий монолог Джонни. И решив, что разговоров было уже достаточно, резко толкнул Мартина в грудь.

Мелани попыталась толкнуть Джонни в ответ, но в следующую секунду уже была откинута в сторону, как надоедливая мошка.

— Прекратите сейчас же! Вы не имеете права трогать его! Я сейчас позову учителя, и вам здорово достанется! Понятно?! — Она прокричала это зло, даже не пытаясь подняться с газона, ощущая полную беспомощность перед этими глупыми, но сильными парнями.

— Не унижайся, Мел, — проговорил Мартин сквозь зубы. — Это только внешне они

похожи на современных людей, а в развитии они еще в первобытной эпохе.

— Это кто здесь первобытный? Мы? — Стив будто бы даже обрадовался этому оскорблению. — А может быть, ты?! — Он резко ударил Мартина в лицо. Тот отшатнулся и тут же прижал руку к носу. Сквозь пальцы медленно закапала кровь. Он попытался занести руку для ответного удара, но Алекс и Джонни уже крепко схватили его за локти.

— Ну, кто? Кто! Здесь! Первобытный! — На каждое слово Стива приходилось по новому удару. В живот, по ребрам, в живот.

— Вы! Вы звери! Вы просто тупые, голодные, загнанные звери! Дикие и жалкие! — Мелани кричала, не замечая, как по щекам текут злые слезы. — Отпустите его, слышите?! Отпустите немедленно! — Она снова попыталась оттолкнуть обидчиков, но ее опять отшвырнули в сторону.

Алекс и Джонни выпустили руки Мартина, и он неловко повалился на землю. С него слетели очки, и он, беззащитно щурясь, шарил руками по асфальту, пытаясь найти их. Парни посмеивались, не трогая его. Наконец, устав от этого представления, Джон с силой пнул Мартина ногой. Тот снова потерял равновесие и повалился набок. Парни накинулись на него с новой силой, нанося удары ногами. Их прервал громкий окрик. Из-за угла школьного здания показался Том Сандерс, преподаватель по физкультуре. Он вглядывался в фигуры дерущихся, еще точно не понимая, что происходит.

— Сандерс! Валим! — выкрикнул Алекс и первым рванул в ближайший переулок. За ним, тяжело топая, побежали Стив и Джонни.

— Мы еще не закончили, ты понял, умник? Мы еще выясним, кто из нас животное! — выкрикнул Стив, перед тем как скрыться в подворотне.

Когда мистер Сандерс подошел, Мартин уже успел подняться на ноги и рукавом рубашки вытирал кровь. Мелани, еще секунду назад плакавшая, уже достала из своего ранца платок и помогала другу остановить кровь.

Она осторожно приложила платок к опухшему носу Марти:

— Очень больно?

— Не очень, но все же неприятно. — Он поморщился от неловкого прикосновения. — Не страшно, пройдет.

Мистер Сандерс взял Мартина за плечи и осторожно развернул к себе.

— Ну-ка, что тут у нас? Так, нос тебе разбили здорово, но перелома нет. Руки-ноги целы? Согни-ка локоть. Так. Хорошо. — Он поворачивал Мартина из стороны в сторону, внимательно осматривая места, где уже начали проступать синяки.

— Кажется, ты невероятно везуч, дружище. Ничего серьезного — одни синяки и ссадины. А шрамы, как ты знаешь, украшают мужчину. — Он подмигнул Мелани.

Мартин только недовольно хмыкнул, потирая отбитую руку.

— Ну, и кто же над тобой так поработал, если не секрет? — Том Сандерс невозмутимо потряхивал колени.

— Бандерлоги, чье развитие прекратилось еще сорок тысяч лет назад! — Мартин снова почувствовал приступ злости, но постарался загасить его в себе. — Да какая разница?

— Большая. Имена-то у твоих бандерлогов есть?

Мартину показалось, что голос преподавателя прозвучал мягче.

— Стив, Алекс и Джонни Митчелл! Они втроем напали на Мартина! — Мелани выпалила это прежде, чем Мартин успел что-либо ответить. Она тяжело дышала от негодования.

— Трое на одного! Они держали его руки, а я ничего не могла сделать! — она оборвала себя, почувствовав вдруг, что говорит слишком громко, и потупила взгляд.

— Да, трое на одного — это не дело, — проговорил мистер Сандерс. — Чувствуешь-то ты себя как, а, Мартин?

— Больно, но это естественно. Тело человеческое несовершенно, а боль — это проявление инстинкта самосохранения организма. — Мартин уже снова был спокоен. Гроза прошла, и можно было продолжать путь.

— Да ты умник, — хмыкнул Сандерс.

— Дедушка говорит, что у меня просто такая форма мышления, — пожал плечами Мартин, будто виноватый. Сандерс усмехнулся.

— Ну что ж, драчуны будут наказаны, это я беру на себя. А тебе с твоей формой мышления я бы посоветовал походить ко мне на занятия по карате. Я как раз открываю секцию, ты смело можешь записываться.

— Вы учите насилию? — переспросил Мартин.

— Я учу защищаться. — В глазах Сандерса на секунду промелькнула серьезность, но тут же сменилась шутливым прищуром. — Тренирую этот твой, как ты его называешь... инстинкт самосохранения.

— Тогда я, наверное, приду! — Мартин с новым интересом взглянул на преподавателя.

— Ну что ж, буду ждать. К медсестре тебе можно не идти, а за сопровождение я спокоен, — он кивнул Мелани.

Сандерс поочередно подал ребятам руку. Крепко пожал ладонь Мартина и, будто с некоторой опаской, аккуратно, ладошку Мел. Он еще раз оглянулся на них, уходя, и улыбнулся чему-то.

Мелани рассеянно подняла с земли то, что недавно было очками Мартина. Дужки погнулись, а одно стеклышко разбилось. На щеке ее снова заблестела злая слеза.

— Ты даже не думай бояться их, слышишь, Мартин! Том Сандерс разберется с ними, ты же сам видел, ему можно доверять! — Она зло стряхнула слезу со щеки.

— Я и не боюсь! — ответил Мартин. — Я не боюсь, Мел, — повторил он уже тише.

Она еще раз судорожно вздохнула и уже совсем спокойно взяла его за руку.

— Ну что, пойдём? Я помогу тебе донести рюкзак.

Мартин чуть смущенно передал ей одну лямку своего ранца.

— Спасибо, а то у меня что-то сильно болит рука. Ох, хотел бы я иметь более совершенную форму! Человек так слаб. Прошло уже сорок тысяч лет, мы сделали огромный шаг в развитии интеллекта, но физический облик человека остался прежним. Как бы я хотел усовершенствовать человеческий организм! — Глаза Мартина мечтательно заблестели, он даже на время забыл о боли в руке.

— Но как, Марти? — Мелани уже сделалось интересно и весело, она шла чуть вприпрыжку, заглядывая увлеченному Мартину в лицо.

— Я давно думаю над этим. Мой дедушка считает, что будущее принадлежит человеку, который не будет зависеть от внешних условий. Человеку, который сможет подчинить их себе.

— Ты хочешь сказать, что человек станет роботом? — в голосе Мелани прозвучала тревога.

— Ну что ты, нет. — Мартин улыбнулся чему-то в своих мыслях. — Он не станет роботом, но он будет совершенным. Его будут называть технотроником!

Они шли, держась за руки, болтая и смеясь. Они рисовали себе в воображении совершенное будущее, в котором человек не только умен, но и силен, вынослив и вечно здоров. Они в красках расписывали друг другу, как будет выглядеть человек будущего, будто бы им уже завтра предстояло представить друзьям настоящего технотроника.

— Он будет двигаться нелепо, как робот? — смеялась Мелани.

— Ну что ты, Мел! Он будет пластичен и ловок! О, да ты представить не можешь, как технотроник будет бегать, прыгать... А как он будет танцевать! — Мартин совсем забыл про свои ушибы и изобразил какое-то невероятное по своей нелепости танцевальное па, правда, тут же схватился за больную руку. Мелани на секунду испугалась, но, вспомнив движение Марти, прыснула со смеху. Мартин захохотал во весь голос.

.....

...Тем временем в большом зале городской публичной библиотеки отец Мартина абсолютно серьезно демонстрировал первые шаги к созданию технотроника. Талантливый микрохирург, он был лучшим из учеников своего отца, знаменитого профессора Стоуна. Совсем недавно ему удалось совместить кибернетические разработки отца и свой огромный опыт, чтобы провести операцию по имплантации искусственной руки. Его с детства поражало совершенство человеческого организма, то, как идеально продумана кожа, обтягивающая костную конструкцию, капилляры, артерии и вены, переплетение мышц, работа сердца — все гармонично и взаимосвязано. Он мечтал воссоздать человеческий организм силами науки, воссоздать этот идеальный механизм, заменив в нем лишь некоторые материалы, некоторые связи, тем самым сделав его еще совершеннее — прочнее, долговечнее, сильнее. И наконец он приблизился к своей мечте. Министерство обороны США предложило провести эту рискованную операцию, обеспечило финансирование, предоставило пациента.

Крис Стоун сразу же вспомнил бледное лицо молодого капитана ВВС, Эдварда Смита, потерявшего руку во время задания. Вспомнил, как тот с опаской смотрел на сложные чертежи, которые Крис считал нужным ему показать. Как он спокойно кивнул Крису перед операцией, будто совсем не боялся, как там все пройдет, и как при этом немного дергалась его правая бровь — единственный признак его страха. Ведь Крис заранее предупредил, что процесс заживления может быть невероятно сложным: адаптация, долгие тренировки, привыкание к новым ощущениям, возможно, дикие боли. Что говорить, он боялся и сам. Но когда оказался перед операционным столом, все лишние мысли исчезли. Он видел перед собой задачу, сложную, необыкновенно интересную задачу, которую он мог решить. Крис не заметил тогда, как прошли пять часов операции — не так уж много, в сущности. Но они пронеслись как единое мгновение, которое можно было растянуть в памяти и рассмотреть каждое действие, каждый жест Криса в отдельности, — ни единой ошибки. Вживляя совершенные детали новой руки в плоть Эдварда, он сам хотел ощутить себя непогрешимым механизмом, и похоже, что ему это удалось.

Сейчас, на этой пышной презентации, он чувствовал себя немного неловко. Министерство обороны поспешило поднять свой рейтинг: в самые короткие сроки была создана пиар-кампания, журналисты со всего мира съехались брать интервью у Криса и Эдди, ошеломленных своей победой. Медицинские, научные, технические журналы пестрели заголовками: «Искусственная рука, приживленная Эдварду Смиту, превосходит по качественным показателям человеческий организм», «Шаг в будущее», «Сенсация в мире науки». Его лицо и лицо совершенно измученного всеми этими разговорами, вспышками, и

суматохой Эдди в какой-то момент мелькнули на экране маленького телевизора в углу палаты во время вечерних новостей.

С одной стороны, Крис был рад возможностям, открывающимся перед ним благодаря этой шумихе, а с другой — хотел поскорее выбраться из своего строгого костюма, закинуть в угол галстук, провести время только с семьей. Да и разве это его, Криса, заслуга? Разработки отца — без них не вышло бы ровным счетом ничего.

На огромном экране за спиной Криса началась видеопрезентация. После нее он должен будет произнести торжественную речь — все как хотели организаторы. Скорее бы уже... Он повернулся к экрану. Вот его лицо в медицинской маске, он склонился над операционным столом. Вот Эдди Смит впервые пошевелил пальцами своей новой руки, на его осунувшемся лице удивление, потрясение, радость, усталость и удовлетворенность — все одновременно. Вот кадры, на которых Эдди научился держать ложку, научился писать свое имя. А вот самый, кажется, ценный из кадров: Эдвард проводит рукой по голове своей маленькой дочки — микродатчики на искусственной ладони передают сигналы в мозг, создавая осязательный эффект. Это заметно по тому, как вздрогнули брови Эдди, как он на мгновение замер, потрясенный этим ощущением, а в следующую секунду рассмеялся счастливо, забыв о камерах, о врачах, обо всем на свете, и подхватил свою маленькую дочку, закружил, подняв на вытянутых руках.

Крис решительно постучал пальцем в микрофон, проверяя, включен ли он, и, выдохнув, обвел глазами зал.

— Уважаемые гости, коллеги! Вы сейчас наблюдали за сложной операцией, которую я провел на основании разработок моего отца, профессора кибернетики Энди Стоуна. Я рад вам сообщить, что сегодня мой отец здесь! Он приехал по моему приглашению!

Имя Энди Стоуна, значимое в научных кругах, было встречено аплодисментами.

— Дело в том, что мой отец много лет работал в исследовательской лаборатории Министерства обороны, и вот сейчас в нашей клинике появляется возможность проводить подобные операции. Это стоило нам больших сил и определенных финансовых затрат, но я верю, что все наши усилия не будут напрасными!

Крис вглядывался в лица людей. В первых рядах перед сценой он видит голубые глаза, поблескивающие из-за стекол очков, аккуратную седую бородку, чуть ссутуленную фигуру отца.

— Папа, пожалуйста, поднимись на трибуну!

Отец смущенно качает головой. Но через пару секунд все же соглашается подняться к Крису. Он кивает собравшимся в зале и на секунду задумывается, а затем как ни в чем не бывало говорит, наклонившись к микрофону:

— Ну что ж... Здравствуйте, уважаемые коллеги и гости. Что я могу сказать? За десять лет работы в своей лаборатории я провел много аналогичных операций, и достаточно успешно. Новые открытия в области кибернетики дают нам возможность использовать их и в практической медицине. Уверен, что скоро такие операции станут обычными и доступными для простых людей.

Он с гордостью кладет руку на плечо Криса.

— И, конечно же, я очень надеюсь, что мой сын продолжит мое дело!

Слова профессора вызывают новые аплодисменты. Когда же шум стихает, он снова поворачивается к микрофону:

— Стремительное развитие нанотехнологий и робототехники приводит меня к мысли,

что в недалеком будущем облик современного человека может качественно измениться. Мы с вами, друзья, счастливые свидетели того, как человек подходит к новой ступени своего развития. Совсем скоро человека разумного сменит человек технологический.

В зале происходит легкое оживление, к трибуне продвигается мужчина.

Журналист говорит совершенно спокойно, в руке его подрагивает красный огонек диктофона.

— Правда ли то, что лабораторию, которую вы возглавляли, закрыли? Многие ученые считают, что ваши разработки не имеют будущего и деньги налогоплательщиков расходуются на сомнительные проекты.

Отец не показал волнения, но Крис почувствовал, как тот напрягся. Голос профессора ничуть не изменился, он говорил так же мягко, деликатно и при этом отчетливо:

— Руководство Министерства обороны действительно прекратило финансирование моей программы по созданию человека будущего. Однако я верю, что невозможно воспрепятствовать стремлению человека стать совершенным, стать бессмертным и победить все болезни. Это заложено в основе эволюционного развития цивилизации.

Журналист чуть приподнял брови:

— Вы хотите превзойти Бога?

— Только Бог и дает мне надежду, что я иду по правильному пути. Мир с каждым днем становится все более сложным и опасным. Тело человека беззащитно перед катастрофами будущего. Его душа наполнена страхом. Только новый человек, человек технократической эры, будет способен решать самые сложные и великие задачи. Этого от нас ждет Создатель. Именно поэтому он заложил в нас ген творца. Но нам необходимо помнить, что все наши помыслы должны быть чисты и благородны. — Профессор не повышал голоса, но отчего-то слова его звучали особенно четко, будто бы в каждое слово он вкладывал особую силу.

Позже, когда все слова были произнесены, официальная часть презентации окончена, а гости расслабленно беседовали, попивая шампанское, будто забыв о научном свершении века, Крис пробирался через нарядный зал, лавируя между официантами и группами гостей, пытаясь найти глазами жену. Внезапно на его плечо легко опустилась чья-то рука.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся, внутренне готовясь отвечать на очередной каверзный вопрос пронырливого журналиста, но тут же облегченно выдохнул:

— Сэм, Эшли, как я рад вас видеть! Как ваши дела? Как малышка?

Крису нравилась эта семья. Сэм Риверс — начальник местной полиции. Собранный, требовательный к себе и окружающим, немного скованный на публике, он менялся до неузнаваемости, когда оказывался в небольшом семейном кругу. Да и сейчас его глаза засветились нежностью, стоило только Крису заговорить о его дочке.

Где-то полгода назад Крису разбудил ночной звонок. Мужской голос из трубки доносился глухо, как-то сдавленно:

— Вас беспокоит начальник полиции Сэм Риверс. Прошу извинить за поздний звонок, но это действительно важно.

Крис судорожно начал прокручивать в голове штрафы за парковку, оглянулся на мирно спящую жену, в голову уже полезли страшные мысли о сыне.

— Говорите быстрее, что-то с Мартином?

— Нет, нет, успокойтесь. Простите. Я звоню по личному вопросу. Моя дочь... Мы... — Он на секунду умолк и заговорил снова, еще более глухо: — Мы с женой попали в автомобильную аварию. Никто из нас не пострадал, но на заднем сиденье спала дочка.

Осколки стекла... Знаете, осколки вышибло при ударе... И ее лицо... Ей так больно, доктор Стоун. И нам сказали, что увечья останутся на всю жизнь. Ей всего шесть. Я звоню вам из клиники. Нам сказали, что действовать нужно срочно. Я знаю, что вы лучший хирург в этом городе... Да что там в городе... Доктор Стоун, вы меня слышите?

Сэм Риверс умолк.

— Я выезжаю, — быстро сказал Крис и повесил трубку.

Тогда он спешно осмотрел девочку. Действительно, нужно было начинать операцию как можно скорее. Тогда он сделал что смог. А затем еще несколько раз приходил к ним домой делать перевязки, смотреть, хорошо ли заживают недавние раны, и привязался к этой семье.

Сейчас на их лицах не было и следа тревоги.

— Малышка замечательно! Крис, вы знаете, как мы благодарны вам. Вы вернули нашу девочку к жизни. Наверное, это Бог послал вас нам. — Эшли говорила чуть смущенно, не глядя на него. Только договорив, взглянула ему в глаза и улыбнулась счастливо.

— Вы знаете, доктор, что можете ждать от нас любой помощи. Любой. И в любое время. — Сэм взвешивал каждое слово, а договорив, крепко пожал руку Криса.

— Я знаю, Сэм, я вижу. Хотя, надеюсь, помощь начальника полиции мне не понадобится, — рассмеялся Крис. — Ну, всего доброго! Нужно разыскать жену и смыться отсюда. Знаете, у нашего сына сегодня день рождения, — добавил он доверительно.

Он уже было отчаялся успеть на праздник сына. Крис остановился у колонны с бокалом шампанского, ловко подцепленным с подноса проходящего официанта, когда знакомые руки закрыли его глаза.

— Я повсюду тебя ищу! Ух, каждый раз забываю, какая ты у меня красавица.

Элен в ее черном вечернем платье и убранными назад волосами и вправду была прекрасна, особенно хороши были глаза — смеющиеся, огромные, искрящиеся голубым и зеленым. Точно такие же у Мартина, только они часто будто немного затуманены — этот мальчик вечно где-то витает.

Элен рассмеялась.

— Вспоминай об этом почаще, дорогой. Ну как, все ведь прошло отлично, да?

— Да, это просто поразительно, как может быть счастлив всего один человек. Для работы открываются новые перспективы, и инвесторы заинтересовались нашим проектом. У меня полные карманы визиток, я не шучу! А главное, я ужасно люблю тебя, и сейчас мы с тобой отсюда сбежим — разве не замечательно?

— Ты прав. И ты даже не представляешь, как я люблю, когда у тебя вот так горят глаза. А не забыл ли ты, счастливый человек, что у твоего сына сегодня день рождения?

— Нет, не забыл, а иначе зачем бы нам было так рано покидать этот праздник жизни? — Он отпил шампанского. — Сейчас только предупрежу отца, что мы уходим. Ты-то не забыла, что нам еще заезжать за четвероногим подарком?

— Не забыла! Иди к отцу. Мартин весь в него, тоже вечно витает в облаках.

— Такой же мечтатель! — с улыбкой пожал плечами Крис.

Оглядываясь в поисках отца, Крис наткнулся взглядом на группу людей. Хорошие костюмы, дорогие часы, широкие улыбки, пустые глаза. Это мэр города Эрик Хайден с помощником Алексом Норманом и приспешниками. Этого типа со шрамом на пол-лица Крис видел впервые, но и он не внушал доверия. Заметив взгляд Криса, Хайден и Норман приветственно подняли бокалы, но улыбки на их лицах были скорее издевательские, чем добродушные.

— Кто это? — Элен хмурит лоб. — Они так пристально смотрят на нас.

— Это мэр и его свора. Не обращай внимания. — Хорошее настроение Криса тут же улетучилось, но он старался не подавать виду.

— Что-то случилось, Крис?

— Абсолютно ничего страшного. Просто я отказался делать вложение в их фонд развития города, на что имею полное право. Только и всего.

— Но почему? Ведь ты всегда говорил о том, как важно помогать городским властям в их начинаниях...

Как не хотелось Крису сейчас начинать этот разговор, как хотелось забыть обо всех мерзостях, которые каким-то образом постоянно просачиваются в оберегаемую им счастливую семейную жизнь...

— Мне попались в руки финансовые отчеты фонда. Это лишь прикрытие: все средства потрачены на избирательную кампанию мэра.

Элен поежилась, будто от холода, провела рукой по руке мужа.

— Ты не сможешь изменить этот мир, Крис. Просто не думай об этом.

— Я не хочу изменить мир. Я пытаюсь сделать его немного лучше, чем он есть.

— Зачем же ты их пригласил?

— Их не приглашают, Элен. Они приходят сами, по праву сильного! — Он уже начал закипать.

— Тише, тише. Не заводись. Тебе надо посоветоваться с отцом.

— Отцу не стоит об этом говорить. Я сам со всем справлюсь. — Он ласково посмотрел на жену. — Подождешь меня в машине, хорошо?

Крис нашел отца стоящим у окна, задумчиво глядящим в потемневшее небо. Как он умеет это — всегда оказаться в одиночестве, наедине с собой, даже находясь в толпе людей? Крис всегда немного завидовал этой способности отца мыслить отрешенно, подняться над проблемой и, увидев ее иначе, быстро найти неожиданное, гениальное в своей простоте решение. Крис раньше жалел, что не унаследовал от отца этот способ мышления, но, найдя себя в микрохирургии, успокоился. Кропотливая, сложная, интересная работа, каждую секунду требующая концентрации, решительности, умения применить все свои знания прямо сейчас. Созерцательная отрешенность виделась ему в характере сына. Не зря они так близки с дедом, не зря проводят вместе часы, разговаривая обо всем на свете.

Крис глубоко вдохнул и расправил плечи. Нельзя, чтобы отец увидел, что он встревожен.

— Как у тебя настроение, папа?

Профессор обернулся, будто застигнутый врасплох, но тут же его лицо осветилось улыбкой. От светлых глаз к вискам разбежались глубокие морщины.

— Все хорошо, сын. Ты знаешь, я ужасно горд. Горд тобой, Крис.

— Если бы не ты... — Крис был тронут. Его отец, единственный, чье мнение волновало его по-настоящему, единственный, на кого он хотел бы равняться в своей работе, кого он уважал, говорит, что гордится им.

— Но ведь ты мой сын! — Профессор положил руки на плечи Криса, чуть отстранив его от себя, чтобы получше рассмотреть. — Мой сын, мой такой взрослый сын... Жаль, мама сейчас не видит, каким ты стал, она была бы так счастлива.

— Я очень скучаю по ней, папа. Очень.

— Ну что ж, я думаю, она наблюдает за нами с небес и сейчас радуется вместе с нами.

Когда отец говорит о маме, у Криса в горле появляется ком, а в носу начинает щипать, как в детстве. Не хватало еще пустить слезу среди всех этих людей, на глазах мэра и его шайки.

— Папа, ты не забыл, что у твоего внука сегодня день рождения? — Крис спросил это нарочито бодро, чтобы отвлечь отца и самому отвлечься от щемящей сердце нежности, которая появляется, стоит только вспомнить маму. Ее улыбка, смех и теплые руки... Как же ее не хватает... Даже сейчас, спустя столько лет.

— Конечно, не забыл, просто не знаю, как быстрее сбежать отсюда! — отец тут же перенял бодрый тон Криса. — Мне еще нужно заехать за подарком для нашего именинника.

— Мы с Элен тоже уйдем пораньше. Нам нужно заехать к знакомым: мы обещали подарить Мартину маленького щенка. Давай я отправлю за тобой водителя, ты успеешь на праздник, просто будешь чуть позже?

Профессор согласно кивнул:

— Хорошо, сын, я как раз успею пройтись по клинике. Вчера привезли аппаратуру из моей лаборатории.

Крис нахмурился. Он знал, как тяжело отцу далась потеря нового проекта. Кажется, он стал совсем седым именно тогда, когда по каким-то причинам ему пришлось отказаться от сотрудничества с Министерством обороны. Они никогда не обсуждали подробности. Отцу не позволял говорить подписанный им контракт, да он, кажется, и сам был рад поскорее уйти от этой тяжелой для него темы.

— Отец, мне жаль. Мне правда очень жаль, что они закрыли твою программу.

— Мою программу никто не закрывал, я сам отказался... — Отец говорил спокойно, даже немного задумчиво. — Некоторые условия военных не позволили мне продолжить работу... Ведь человек никогда не должен поступаться своими принципами, верно, сын? Даже если на кону самая интересная на свете работа, самые важные исследования. Я прав, Крис? — Он с улыбкой посмотрел на сына.

— Конечно. А уж если ты отказался от любимого дела, для этого наверняка были очень веские причины.

— Я уже стар, Крис, и не мне обманывать себя...

— Тогда я поддерживаю твое решение... Как и всегда, папа.

Профессор благодарно потрепал сына по плечу, и Крис на мгновение ощутил себя совсем маленьким мальчиком, одновременно с этим почувствовав ответственность за отца, за своего старого, ранимого, доброго отца.

— Крис, я думаю, если у человека есть идеи и знания, то ему никто не мешает в осуществлении своей мечты. Помогать простым людям и лечить их — это достойная работа! Многим и многим больным мы можем дать второй шанс в этой жизни.

— Я хочу верить в это... — Крис вспомнил светящиеся счастьем лица Эшли и Сэма Риверс. — Я верю.

Отец улыбнулся и слегка встряхнул седой головой, будто сбрасывая налет серьезности и грусти.

— Все получится, сын, но ты беги, беги, надо обязательно подарить Мартину щенка! Я знаю, он очень этого ждет. Скоро увидимся!

Крис напоследок взглянул в светлые голубые глаза отца и поспешил к выходу. Элен, наверное, уже ждалась его. Он не замечал, что его провожают пристальные и недобрые взгляды.

Мэр Хайден уже давно наблюдал за Крисом Стоуном. Может быть, он и вправду неплохой врач, но только с этим далеко он не пойдет. Сейчас, когда только о нем и жужжит весь город, да что там — весь научный мир перевернулся от этого его нового протеза! Сейчас ему нужно брать быка за рога. Подкинуть немного денег туда и сюда, познакомится с нужными людьми и, конечно, не ссориться с ним, с Эриком Хайденом, тогда деньги бесперебойным потоком потекут в его руки. А этот кретин сюсюкается с женой и папочкой и отказывается от самого выгодного для него сотрудничества.

Хайден на дух не переносил таких людей. Они не мечтатели, не романтики, не гении. Они глупцы. Глупцы, возомнившие о себе, что они лучше, честнее, выше таких, как Хайден. А разве может быть что-то честнее, чем признаться себе, что ты мерзавец как минимум потому, что все люди — мерзавцы? Всегда быть только за себя и, если потребуется, растерзать любого, кто встанет на пути, захочет забрать себе твой кусок мяса. Разве не это заложено в людей природой? Эрик Хайден честнее самого возвышенного Криса Стоуна, потому что может найти в себе силы, глядя в зеркало, видеть в нем не воображаемые нимб и крылья, а реальность. Грубую, неприятную, грязную, но честную.

Хайден чуть повернул голову к своему помощнику Норману. А тот тут же подскочил поближе, услужливо подставив ухо.

— Что слышно?

— Стоун отказался платить. — Норман на мгновение поднимает глаза на своего хозяина, чтобы оценить, стоит ли продолжать. Но Хайден спокойно продолжает цедить виски, и Норман добавляет: — Думаю, его пример может стать заразительным для других...

— Этот доктор думает, что сможет спокойно работать в моем городе. — Хайден говорит очень спокойно, но Норману становится не по себе.

— Что будем делать?

Хайден делает еще один большой глоток. На его желтоватых зубах хрустнула льдинка.

— Пора с ним кончать.

Крис немного замешкался возле гардероба, он копался в карманах, пытаясь отыскать пару долларов, чтобы оставить на чай женщине, так любезно подавшей ему пальто. Ему всегда бывало неловко, когда официанткой, гардеробщицей или горничной оказывалась женщина в возрасте. Ему всегда бессознательно хотелось усадить такую даму на стул и сказать что-то вроде: «Отдохните, вы ведь в матери мне годитесь. Сейчас я сделаю все сам. Мне несложно, честное слово».

Крис так увлекся своими поисками, что не заметил, как к нему приблизился тот самый мужчина с длинным шрамом на щеке. Лейтенант Робертсон только недавно подключился к делам мэра, но уже подмял под себя всю верхушку этой компании и стал доверенным лицом Хайдена. Мэру нравился простой подход Робертсона: если проблема появлялась, ее нужно было решить, и способ не имел значения — чем проще, тем лучше. Смерть всегда казалась Робертсону одним из наиболее простых способов.

Крис рассеянно поднял голову и почти столкнулся с Робертсоном. Он еще машинально перебирал мелочь в карманах, но выражение его лица тут же изменилось, стало холодным, неприязненным.

— Большие люди просили передать, что за тобой должок, — проговорил Робертсон, приблизившись к уху Криса. Он улыбнулся, от чего шрам исказил лицо сильнее обычного.

— Передай своим хозяевам, что я никому ничего не должен, — спокойно, с нескрываемым презрением ответил Крис.

Робертсон улыбнулся еще шире, показав зубы.

— У тебя красивая жена, ты не боишься, что...

Криса захлестнула волна ярости, накрыла его с головой, в ушах зашумело. Этот подонок смеет говорить о его жене, смеет смотреть на нее?!

Робертсон не успел договорить. Крис резко ударил его кулаком в челюсть. Тот даже не шелохнулся — спокойно вытер кровь с разбитой губы и с интересом взглянул на испачканные пальцы. Только глаза его блеснули затаившейся злобой.

— Ты подписал себе смертный приговор, лекарь, — проговорил он тихо и сплюнул кровь под ноги Крису.

Крис обернулся. Гардеробщица испуганно смотрела на него из-за прилавка, не понимая, что произошло. Охранники у входа недоуменно переглядывались. Криса здесь знали и не могли ожидать от него даже грубого слова, не то что драки.

— Уберите этого человека. Он немного перебрал, — громко проговорил Крис, обращаясь к охранникам. — Прошу прощения. Это вам, — он протянул перепуганной гардеробщице пару мятых купюр.

Робертсон оттолкнул руки охранников:

— Не смей!

И спокойно вышел из здания.

.....

...Разве так бывает, что можно просто идти рядом с кем-то и молчать, не ощущая напряжения, скованности, необходимости поддержать разговор о погоде? И так же просто, оказывается, с этим человеком говорить. Говорить о чем угодно, не боясь показаться смешным, глупым или назойливым. Раньше Мартин подолгу разговаривал только с бабушкой. С папой и мамой он тоже разговаривал, но они часто оказывались заняты, им нужно было бежать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. А у бабушки почему-то всегда находилось время для разговора. Когда у Мартина возникал сложный вопрос и он задавал его деду, тот задумчиво хмурил брови, а затем говорил: «Сходим прогуляться?» Это означало, что они пойдут в кофейню за углом, где оба закажут какао, или пройдутся до моста и будут стоять в самой его середине, глядя на темную воду, или просто отправятся по незнакомым Мартину улицам и будут примечать необычные вывески, интересно одетых людей, красивые и странные дома. Во время таких прогулок бабушка обычно не только успевал ответить на «сложный вопрос» Марти, но и задать ему пару-тройку своих. И они вместе принимались за поиски ответов на них, споря или соглашаясь друг с другом. Такие прогулки выдавались нечасто, но всегда яркими вспышками отмечались в памяти Марти.

Сейчас, когда он, прихрамывая, шел домой рядом с Мелани, он ощущал что-то похожее. Конечно, эти разговоры были совсем иными. Если с бабушкой он чаще спрашивал, переспрашивал, начинал спорить и тут же заслушивался его ответом, то здесь скорее он, Мартин, становился на место отвечающего. Это было совсем не скучно. Мелани так серьезно слушала его, так неподдельно радовалась и удивлялась его рассказам о будущих сверхлюдях, о цикличности истории, о секретах физики, химии и биологии, которые людям еще только предстоит раскрыть, что Мартину хотелось говорить еще и еще.

Иногда они замолкали и просто шли рядом, думая каждый о своем, не ощущая при этом скованности. Мелани говорила мало, но из-за этого все сказанное ей казалось Мартину весомым и личным. Мел рассказывала, как она любит своих младших братьев, хотя они часто мешают ей делать уроки своими шумными играми. Она давно научилась управляться с

ними, так даже мама говорит и спокойно оставляет на Мелани братьев, когда уходит на ночную смену, или идет на очередное собеседование, или сама отправляется посидеть с чужим ребенком. «За этих сорванцов я спокойна, ведь с ними Мел», — так она говорит и целует дочь в лоб на прощание. Еще Мел рассказала, что больше всего на свете любит, когда остается дома одна.

— Это случается очень редко — когда мальчиков отправляют на выходные к бабушке, а мама уезжает по своим делам. Тогда я могу делать абсолютно все что захочу. Я наливаю себе молока, беру книгу и усаживаюсь с ногами в кресло на веранде. Оно огромное и старое, но удобнее кресла я еще не видела. Мама рассказывала, что папа нашел его на каком-то блошином рынке, притащил в дом, заново перетянул обивкой и гордо предлагал каждому гостю передохнуть, сидя в «удобнейшем из кресел, когда-либо созданных». Папа вообще был смешным. Я немножко помню, что он умел доставать монету у меня из-за уха. Я никогда не могла понять, как он это делает, и каждый раз приходила в восторг. Сейчас-то я понимаю, что он просто прятал ее в рукаве. У него были ловкие и сильные пальцы. Он был скульптором. У нас не осталось его работ, мама говорит, что пришлось продать их за бесценок, когда родился Томми. Но я уверена, что он был хорошим скульптором. Мама говорит, что он умер от того, что был настоящим художником, у него не выдержало сердце. У настоящих художников сердце все чувствует в тысячу раз сильнее, чем сердце обычных людей. Это небывалая нагрузка, ее трудно выдержать, вот папа и не смог. Веришь мне, Мартин? — она строго смотрела на Мартина, прищурив глаза.

И от этого взгляда все доводы Мартина о строении человеческого организма, о сердце, которое, как насос, перегоняет кровь, о деятельности мозга, которая отвечает за эмоции, — все они рушились, и он коротко кивал.

— Конечно, верю. Сердце художника — известный факт.

Когда они уже подходили к особняку Стоунов, Мартин неожиданно вспомнил про свой праздник. Ему захотелось, чтобы Мел пришла к нему домой и хлопала в ладоши вместе с другими гостями, когда он задует свечи на праздничном торте, чтобы она поиграла с его щенком, которого родители обязательно ему подарят, увидела книги и пластинки, о которых он ей рассказывал.

— Мел, ты придешь ко мне на день рождения? Приходи, будет здорово.

Она почему-то смутилась и опустила голову.

— Я спрошу у мамы. Я бы очень хотела прийти.

— Дедушка хочет подарить мне андроида. Это такой маленький робот-человечек. Дед сам его для меня сконструировал. — Мартин ничуть не хвастался, но Мелани пораженно вскинула брови.

— Твой дедушка — изобретатель?

— Он профессор кибернетики, — пожал плечами Мартин. — На самом деле, я куда больше жду подарка от мамы и папы, они обещали подарить мне маленького щенка. Он будет расти вместе со мной и станет мне настоящим преданным другом.

Мелани даже вскрикнула от восторга и захлопала в ладоши.

— Как я рада, что у тебя будет собачка! А у меня есть котенок!

— Здорово, вот только щенка нужно будет выгуливать. Мама сказала, что я должен брать на себя ответственность и каждый день гулять с ним, — рассудительно объяснил Мартин.

— Будем выгуливать его вместе? — Мелани уже видела себя на лужайке, бросающей

пушистому щенку яркий мячик. — Это будет так весело, Марти!

— Я согласен, — ответил он с готовностью.

— Ну, я пойду? — Мелани повернулась и пошла, то и дело оборачиваясь на Мартина.

— Я буду ждать, приходи сегодня!

— Хорошо! — Мелани обернулась и посмотрела на Мартина, а потом будто приняла важное решение и быстро пошла назад, словно боясь передумать, если остановится. Приблизившись, она приподнялась на цыпочки и поцеловала Мартина в щеку, а затем убежала, не дав ему вымолвить и слова.

Мартин ничего не понял, он стоял, как одурманенный, еще чувствуя на щеке этот быстрый поцелуй, еще ощущая запах волос Мелани. Он неосознанно провел рукой по щеке и, пошатываясь, пошел к своей двери.

...Мартин хотел незаметно проскользнуть в свою комнату, чтобы еще немного оттянуть момент, когда родители увидят его опухшую губу, новые царапины и синяки. Что-то подсказывало ему, что мама не отнесется ко всем этим приобретениям так же спокойно, как мистер Сандерс. Но стоило ему сделать пару шагов, как он увидел, что навстречу ему по коридору ковыляет щенок. Абсолютно белый, пушистый, с угольным носом-пуговицей, он напоминал полярного медвежонка. Мартин уже не верил своему счастью — слишком много хорошего свалилось на него за один день. Он опустился на колени и протянул руки к щенку.

— Иди, иди сюда! Хороший, хороший. Ты ведь мой? Мой пес? Иди сюда, мой хороший. — Он приговаривал, сам не понимая, что несет, но определенно что-то радостное и ласковое, боясь отпугнуть щенка, не веря, что это теперь его, Мартина, собака, верный друг.

Но щенок, казалось, все понял. Завиляв хвостом, он бросился к протянутым рукам мальчика. Он так торопился, что, приблизившись к Мартину, не сумел вовремя затормозить: передние лапы разъехались, и он смешно растянулся на паркете. Мартин рассмеялся и сгреб неуклюжего приятеля в объятия, а щенок в ответ лизнул его шершавым языком в нос.

— Вот и подружился! — Родители, тихо наблюдавшие за первым знакомством из-за приоткрытой двери столовой, покинули свое укрытие и, уже не сдерживая смеха, смотрели, как Мартин гладит щенка.

— Мам, пап! Это ведь мне? Это ведь мой, мой щенок? — торопливо спрашивал Мартин, пытаясь увернуться от слюнявых нежностей нового друга.

— Тебе, конечно. Я что-то не вижу здесь других именинников, — шутливо успокаивал его отец. — Ну, вот что. Кажется, твои родители тоже заслужили хорошие объятия, — с напускной строгостью заявил он.

Мартин, опустив щенка на пол, обхватил руками шеи сразу обоих родителей.

— Спасибо, спасибо! Я так рад, вы даже не представляете. Я даже не думал, что в одного человека может поместиться столько радости разом!

— О, кажется, это ваша с папой общая черта, — рассмеялась Элен.

— И не самая худшая, скажу я тебе! — отвечал Крис.

— Подожди-ка, что у тебя с лицом? — Элен заставила Мартина повернуться к свету и испуганно оглядела ссадины на лбу и щеке, разбитую губу, синяк, проступивший под глазом. Мартин старался высвободить свое лицо из ее ладоней и недовольно морщился.

— Да все хорошо, мам. Мне совсем не больно. Честно.

— Может, тебе и не больно, а мне — больно. Мне больно на такое смотреть. А где твои очки?

Она не укоряла Мартина, но ее голос звучал так расстроено, что ему стало не по себе.

— Ну, мам, надо же мне менять свой стиль. Я стал старше на год, мне нужны стильные очки в модной оправе. Вот я и избавился от старой модели, — попытался пошутить он.

— Что-то в последнее время слишком часто ты меняешь свой стиль, и в ход идут почему-то всегда только очки. Ну, с кем ты подрался? Снова эти трое? — Элен уже думала о том, что нужно предпринять: смазать ссадины антисептиком, прикладывать холодное уже поздно, синяк скоро потемнеет, нужно что-то рассасывающее... А эти дикари из школы? Снова звонить директору? Это бесполезно, беседы их не вразумляют. Перевести Мартина в другую школу? Она подальше, но, кажется, там выше уровень преподавания, и не будет этой вечной беспричинной травли от одноклассников...

— Марти, давай переведем тебя в другую школу? Сколько можно терпеть эти издевательства? Ты ведь даже не можешь объяснить, из-за чего они к тебе пристают. Как мы можем решить проблему, которой будто бы нет? Давай...

Мартин не дал ей договорить:

— Не нужно меня никуда переводить. Дураков полно в любой школе. Не будут приставать эти — пристанут другие. С этими я сам разберусь, не волнуйся, — он успокаивающе положил маме руки на плечи. — Не волнуйся.

— Подожди, но за что они тебя побили? Ведь была же какая-то причина? — Элен всматривалась в лицо сына. Тонкие черты лица немного исказились из-за отека, большие голубые глаза смотрели спокойно, но немного рассеянno и беспомощно, потеряв привычную защиту очков. Мартин улыбнулся и пожал плечами, будто говоря: «Ну что с них взять?»

— Думаю, дело в том, что я не похож на этих мальчиков. Не похож на них и им непонятен. А непонятное кажется им враждебным. Вот они и доказывают свое превосходство единственным доступным им способом.

Мартин опустилcя на колени и притянул к себе щенка.

— Да и вообще, ты знаешь, мам, я нашел себе друга в школе. Так что переводиться в другую было бы глупостью, ты же сама говорила, что настоящие друзья — это богатство, которое нужно ценить и беречь. Вот я и буду беречь.

Элен заинтересованно вскинула брови.

— Друг? Это замечательно. Как же его зовут?

— Мелани, — ответил Мартин, не переставая тормошить щенка. — Мел.

— Твой друг — девочка? Интересно было бы с ней познакомиться, да, Крис? — Элен лукаво взглянула на мужа.

— Конечно! И я, честно говоря, не понимаю, какая разница, мальчик это или девочка. Скажу тебе, девочки часто могут дать фору самым бойким парням. Помнится, мы с твоей мамой тоже подружились еще в школе, и она... — рассеянno отвечал Крис, не замечая, что его сын начал краснеть.

Элен быстро перебила мужа:

— Послушай, ты должен пригласить ее на свой праздник!

Мартин радостно вскинул голову.

— Да, мам, я так и сделал! Мне кажется, это будет самый веселый день рождения в моей жизни.

— О! Не стоит зарекаться! — рассмеялся Крис. — У тебя впереди еще не один день рождения, и, надеюсь, они все будут неплохи. Но подожди, ты не хочешь придумать имя этому сорванцу?

Щенок вытянул из обувной полки тапочек и начал его грызть.

— Я назову его Ларри!

— Почему именно Ларри? — спросила Элен, освобождая тапочек из плена. — По моему, это самый настоящий Пушок, а скорее даже Пират.

— Ну нет, мам. Это Ларри. Настоящему другу — настоящее имя.

— Это верно, сын. Ко всему в этой жизни нужно относиться серьезно. И к друзьям, и к врагам. Поэтому у меня для тебя еще один подарок. — Крис достал из шкафа объемный сверток.

— Боксерские перчатки? — Мартин раскрыл оберточную бумагу и с удивлением поднял глаза на отца. — Но я думал, ты не приемлешь насилия.

— Не приемлю, именно поэтому дарю тебе их. Сколько можно терпеть насилие со стороны каких-то оболдуев? Пора заняться самообороной.

— Да, я тоже так считаю! Но пап, я уже решил, что займусь карате! — Мартин уже нацепил перчатки и теперь наносил сокрушающие удары по воздуху.

— Да такими темпами ты станешь грозой всех местных хулиганов! — рассмеялась Элен.

— Ха-ха! Да, мам, буду защищать слабых и униженных! А Ларри будет мне помогать! — Мартин смешно выпятил грудь. — Что скажешь, Ларри, напарник?

Щенок вилял хвостом и прыгал вокруг своего хозяина, не понимая ни слова, но радуясь всеобщему веселью и смеху.

Из столовой появилась домработница семьи Стоунов, Роза. Толстая, добродушная Роза была с ними с самого рождения Мартина и души не чаяла в своих хозяевах, а особенно в мальчике, чем-то напоминавшем ей ее собственного сына.

Она немного постояла, наблюдая за радостной возней в коридоре, но, вспомнив, что в духовке без ее присмотра оставлен корж для праздничного торта, спохватилась.

— Миссис Стоун, миссис Стоун! На кухне почти все готово, скоро начну украшать торт. Стол накрыт, не хотите сами посмотреть, все ли в порядке?

— Конечно, Роза, пойдем. Ты сегодня так помогла мне. Когда начнут собираться гости, можешь идти домой, сын тебя, наверное, уже заждался. Обещаю, ты получишь дополнительный выходной за сегодняшнюю задержку.

— Спасибо, миссис Стоун! — Роза просияла.

Элен и Роза исчезли за дверью столовой, обсуждая, когда лучше начать подавать закуски и какие бокалы лучше подходят для праздничной сервировки, а Мартин все не мог оторваться от щенка. Он так и сидел на ковре в прихожей, играя с Ларри, тормоша его, запуская пальцы в его густую шерсть. Щенок смешно упал на спину и подставил Мартину свой розовый живот.

Крис посмотрел на них и, опустившись на пол рядом с сыном, тоже начал почесывать щенячий живот.

— Послушай, сын, ты правда не переживаешь из-за этого? — он показал глазами на крупную ссадину у Мартина над бровью. — Можешь сказать мне, в отличие от мамы я менее впечатлителен.

— Иногда я так злюсь на этих парней, а еще больше на свою беспомощность, что мне становится тяжело дышать. Но это проходит. — Мартин серьезно взглянул на отца.

— Знаешь, сын, скажу тебе так: любой мужчина когда-нибудь терпит поражение, но важно то, какой урок он вынесет из этого — продолжит свой путь или сдастся на милость

судьбы.

Мартин на секунду задумался и вдруг с улыбкой поднял на отца свои голубые глаза. Сейчас они были ясными, без дымки задумчивости и очень напоминали счастливые глаза Элен.

— Я понимаю, пап! Нельзя сдаваться. В человеке важна не его сила, а его дух. Я все понимаю.

Крис улыбнулся и притянул к себе худенькие плечи сына.

— Ты все правильно понимаешь.

.....

Мелани спешила домой. Никакие заколки не могли удержать ее густые волосы. Отдельные пряди развевались на ветру, а она так спешила, что и не думала о том, чтобы пригладить их. Она встряхивала головой, и ветер сильнее спутывал пряди, уже больше походившие на язычки рыжего пламени.

Мел все прокручивала в голове момент, когда она, повернувшись, вдруг поняла, что нужно обязательно поцеловать Мартина на прощание, что иначе все будет неправильно. Интересно, что он думает об этом? Мелани краснела, ощущала жар на щеках и шее и подставляла лицо ветру, чтобы остудить. Наверное, это было нелепо. Просто глупость какая-то. Стыдно вспомнить. Он даже ничего не сказал ей. А разве она дала ему возможность? Она же сразу убежала! Вот дура... Мел низко опустила голову. Внимательно глядя на свои ноги, она чеканила шаг. Хотя, в сущности, что он мог сказать? Она подняла голову и задумчиво посмотрела вверх, на небо. «Спасибо, Мел, мне очень понравилось»? Или наоборот? «Что за телячьи нежности, Мелани, отстань»? Нет, конечно. Хорошо, это хорошо, что она так быстро убежала. И, кажется, это хорошо, что она поцеловала его. Пусть он знает, что он ей очень дорог. Кажется, дороже всех. Как хорошо, что они теперь друзья. Как хорошо, что сегодня вечером они снова увидятся, будут разговаривать, смеяться, вместе играть с его щенком. Интересно, как выглядит его комната? Наверное, она ужасно красивая, со шкафами, забитыми книгами, с постерами на стенах, с музыкальным центром и разными музыкальными дисками. А родители? Интересно, как выглядят его родители, какие они? Наверное, Мартин больше похож на маму. Есть что-то от женской красоты в его тонком лице... А папа однажды приходил к ним в школу, рассказывал о своей работе, а Мел в тот день не было: младший заболел, мама не могла пропустить работу, и ей ничего не оставалось, как в очередной раз поработать няней для своего братишки. Наверное, отец Мартина ужасно умный, в этом Мартин на него похож.

Так, то бледнея, то заливаясь пунцовым румянцем, не сбавляя шага и не замечая ничего вокруг, Мелани подошла к своему небольшому дому. Привычно проверила почтовый ящик и, тихо открыв дверь, сразу же поднялась по лестнице в свою комнату. Она хотела побыть одна. Братья гостили у бабушки, а мама, наверное, только вернулась с утренней смены в кафе и сейчас отдыхает, положив усталые ноги на подушку. Мелани раскрыла дверцы шкафа и грустно выдохнула. Непонятно, что она ожидала там увидеть: пара шерстяных свитеров, старая юбка, перешитая из маминых деловых брюк, платье в пестрый цветок, из которого она давно выросла. Небогатый гардероб был знаком ей до последней детали, но каждый раз, собираясь пойти куда-то, она зачем-то распахивала дверцы шкафа, будто бы могло произойти чудо и шкаф будет набит новыми прекрасными вещами. Что расстраивало ее больше всего — такой ход событий совсем не показался бы чудом ее одноклассникам. Однажды она шла домой, болтая о чем-то со Стейси Андрес, кажется, им нужно было

совместно готовиться к лабораторной по биологии. Они тогда попали под ужасный ливень, и Стейси предложила Мел зайти, переждать дождь и согреться. Мелани помнила, как Стейси раскрыла шкаф и скучаяще осмотрела полки.

— Держи, мне кажется, эти джинсы тебе подойдут, — проговорила она и кинула в руки Мел аккуратно сложенную вещь. — Вернешь как-нибудь. Или не возвращай. Мама зачем-то купила их мне, но по стилю они совсем мне не подходят. Эти родители...

Джинсы были совсем новые и сидели на Мелани как влитые. Она не собиралась носить их, это было бы унижительно, но они лежали на ее полке уже несколько недель, чистые и выглаженные. Набраться смелости, чтобы отдать их обратно Стейси, Мел тоже не могла.

Ну что ж... Не идти же на день рождения в старой школьной форме! Красивую розовую блузку можно взять у мамы, она однажды уже одалживала ее Мел. Осталось только расчесать эту гриву — и она будет готова. Может быть, мама даже сможет подвезти ее до дома Мартина.

Мелани подошла к зеркалу и взяла расческу. В отражении она увидела свою маленькую комнату — стену со старыми обоями, двухъярусную кровать, на которой она когда-то спала вместе с братишкой Полом, пока он не переехал в комнату близнецов, старую куклу в углу, давно забытую и покинутую своей повзрослевшей хозяйкой, картину на стене, оставшуюся от отца. Она была нарисована на листе, вырванном из детского альбома. Наверное, только поэтому она и сохранилась в их семье — никто не захотел покупать картину, выполненную с таким небрежным подходом к выбору материалов. Да и написана она была обычной акварелью Мелани. На рисунке был изображен их дом, только рядом с крыльцом росло высокое дерево, а на одной из его веток замерли качели. Газон был не подстрижен, и трава касалась ступеней веранды, а там на своем обычном месте красовалось «самое удобное кресло из когда-либо созданных». Солнце почти закатилось за горизонт, и крыша, трава, крона дерева — все отливало розовым цветом. Это была чудесная картина, Мелани знала это точно. И еще она знала, что не продаст ее, даже когда все поймут, каким гениальным художником был ее отец, а картина будет стоять целое состояние. Мама рассказала, что дерево возле их дома — не выдумка. Это был огромный и сильный дуб, на который папа действительно однажды повесил легкие качели.

— Ох, и страшно мне было смотреть, как он лезет на эту верхотуру! — закатывала глаза мама.

А потом, когда дела их шли уже неважно, а папино сердце болело все чаще и он хотел все больше времени проводить в своей мастерской, переделанной из подвального помещения, в дуб ударила молния. Удар был таким сильным, что расколол дерево надвое. Было странно видеть, как этот когда-то статный красавец был разрушен в одну минуту. Одна половина ствола почернела от огня и копоти, а вторая осталась светлой — сильный ветер и ливень не дали огню переброситься на нее. Потом его распилили и увезли. А на память о том времени, когда еще не прогремела страшная гроза, у Мелани остался папин рисунок.

Она вздохнула и принялась расчесывать спутанные пряди. Ей хотелось выглядеть красиво, но при этом так, чтобы не было заметно, как она старалась для этого. Хотя Мартин, наверное, все равно все поймет. Кажется, он все понимает и знает все на свете. В любом случае она еще не видела человека умнее. А как интересно он говорит! Страшно вставить слово, перебить его. Все-таки это удивительно, что ему захотелось дружить с ней, и это лучшее из того, что случалось с ней за долгое время.

Мелани спустилась вниз, чтобы увидеть себя в полный рост в дверце платяного шкафа.

Мама сидела на кухне и обводила в газете объявления о работе. Вообще-то она была архитектором, правда, ей не удалось закончить последний курс колледжа, потому что родилась Мелани.

— Просто в жизни появилось куда более важное дело, — так объясняла она это знакомым и указывала глазами на Мелани.

К сожалению, в городе было мало желающих взять на работу не закончившего колледж специалиста с четырьмя детьми, поэтому мама подрабатывала там, куда ее брали охотно. Уборщица, продавщица в магазине косметики, официантка, кассир в супермаркете, сотрудница колл-центра. Все эти работы приходили и уходили, невозможно выматывая, надоедая, принося маленький заработок, но все же держа их семью на плаву.

— Мел, ты что, собралась куда-то? — мама отложила газету.

— Мартин Стоун пригласил меня на свой день рождения, я собиралась пойти. Ты ведь не против? — Мелани привыкла, что она сама управляет своим временем и сама решает, что ей делать, а что нет.

Саманта, мать Мелани, нервно отпила немного кофе из кружки и, взглянув на часы, тихо сказала:

— Мелани, если честно, я хотела тебя кое о чем попросить.

Мелани продолжала поправлять волосы.

— О чем же? Говори, мама, я не хочу опаздывать.

— Мне очень нужно, чтобы ты сегодня посидела с малышом миссис Доусон. Я давно обещала ей, тем более она хорошо платит. Понимаешь, меня позвали на повторное собеседование сегодня. Это значит, что я им чем-то понравилась, они заинтересованы во мне, поэтому хотят задать еще пару вопросов. Такие встречи нельзя пропускать. — Саманта была похожа на маленькую девочку. Мелани вообще часто казалось, что она намного старше своей матери.

— Для тебя это так важно? — без капли надежды спросила она.

— Если собеседование пройдет удачно, меня возьмут на работу, а это значит, что наша жизнь станет немного легче.

— Хорошо, мама. Я останусь.

Мелани говорила не поворачивая головы, продолжая глядеть в зеркало. Только ее собственное отражение казалось ей все более размытым и нечетким. Она зажмурилась, злясь на себя за то, что так расфантазировалась и разоделась, злясь на горячие слезы, не желающие отступать, и, встряхнув волосами, медленно пошла наверх, в свою комнату. За ней так же медленно, со ступени на ступень, карабкался котенок. Он тонко мяукал, будто чувствуя грусть своей хозяйки.

Оказавшись в своей комнате, Мел быстро вытерла слезы и переоделась в домашнюю одежду. Она никогда не позволяла себе быть слабой. Этому она научилась уже давно. «Ну что ж, значит, так надо, — думала она, глядя на акварель отца. — Ведь ничто плохое не случается просто так, как и ничто хорошее не дается случайно. Просто сейчас мне это еще непонятно».

.....

...Ничто не случается просто так. Значит, не просто так в этот вечер еще один гость все никак не показывался в гостиной, где во главе стола сидел Мартин в бумажной короне и то и дело поглядывал на дверь, а гости передавали друг другу закуски, звонко сталкивали бокалы и поздравляли именинника.

Профессор Стоун все еще был в клинике. Он прошел вдоль рядов новой техники, которую на прошлой неделе завезли и оставили не до конца распакованной, неподключенной, полумертвой в пустом кабинете. Профессор любовно стер пыль с одного из аппаратов.

— Здравствуйте, мои хорошие. Как долго я вас ждал, — проговорил он еле слышно. Но тут же легонько хлопнул себя по лбу. — Но сейчас я здесь по другому, не менее важному поводу, — проговорил он непонятно кому и вышел из кабинета.

Спустя несколько часов медсестра клиники Мэри, оставшаяся на ночное дежурство, проходя по коридору, заметила, что в одном из кабинетов включен свет. Она распахнула дверь и застала профессора Стоуна сидящим на подоконнике. Он был уже в пальто и шляпе, будто собрался уходить. В руках его был свежий номер журнала о медицине. Доктор прикусил нижнюю губу и быстро перевернул страницу, даже не заметив, что Мэри вошла в кабинет.

Вдруг Мэри заметила маленького робота, резво шагающего от стены к стене. Ноги на шарнирах сильно сгибались в коленях, и робот будто бы немного пританцовывал, в очередной раз доходя до стены. Вдруг робот повернулся прямо к Мэри. Он замер, обрабатывая какую-то информацию, а затем громко проговорил механическим голосом:

— Че-ло-век. Человек. Здравствуйте, человек. Я — робот. Мое имя — А1.

Медсестра улыбнулась.

— Очень приятно, робот А1. А мое имя — Мэри.

— Очень рад знакомству! — по слогам выдавил из себя А1 и, будто запоминая, повторил, смешно растягивая слово: — Мэ-ри.

Робот кивнул головой, снабженной глазом камеры, и вернулся к своему прежнему занятию — путешествиям от стены к стене.

Медсестра снова повернулась к профессору, который так и не поднял головы от журнала.

— Профессор! Профессор Стоун!

Тот только нахмурил седые брови.

Мэри подошла к нему и легонько дотронулась до его плеча.

— Профессор, — позвала она уже негромко.

— Ах, Мэри, да-да, конечно, я сейчас, я все, я просто зачитался, Мэри. Это удивительная статья, думаю, вам тоже нужно когда-нибудь ее прочитать — не пожалеете.

Профессор уже было хотел коротко пересказать содержание, но Мэри мягко перебила его:

— Ваш сын звонил, просил напомнить, что у вас в семье сегодня важное событие, которое вам никак нельзя пропускать. Вы ведь помните, что у вашего внука сегодня день рождения? Гости собрались, вас все ждут. Ваш сын звонил и просил поторопить вас.

Лицо профессора просветлело.

— Да, да, конечно! Марти стал совсем большим, вы не поверите, как взросло и умно он рассуждает на самые разнообразные и сложные темы! Да я ведь и зашел сюда, только чтобы забрать подарок для него. Вот этого робота я собрал специально ко дню рождения мальчика. Думаю, ему понравится, как вы полагаете?

— Конечно! Какой мальчик не обрадуется такому подарку! — Мэри еще раз посмотрела на бойкую фигурку, шествовавшую от стены к стене.

— Я, видите ли, уже собрался было выходить, но вдруг на глаза попалась эта статья. Я

так увлекся, что забыл о времени. Здесь, понимаете ли, интереснейший подход. — Он снова опустился на подоконник и погрузился в чтение.

— Профессор, профессор! — Мэри рассмеялась. — Вы сейчас снова забудете обо всем. Идите, уважаемый профессор Стоун, и передайте, пожалуйста, Мартину мои наилучшие пожелания. Внизу вас уже сорок минут дожидается водитель.

— Конечно, конечно. Всего доброго, Мэри, — пробормотал профессор и направился к двери. На полпути он остановился и со смехом хлопнул себя по лбу: — Чуть не забыл! Подарок!

Он вернулся за роботом и, вынув из кармана небольшой пульт, нажал кнопку. Робот перестал ходить и медленно замер, низко опустив голову. Рядом с его камерой-глазом продолжил мигать маленький красный огонек. Профессор аккуратно обернул робота упаковочной бумагой и уложил в небольшую сумку.

— Ну все, теперь, кажется, ничего не забыл.

На улице зарядил дождь, и профессор поскорее забрался на заднее сиденье черного «мерседеса», который прислал за ним сын. Водитель Ронни приветливо обернулся к своему пассажиру:

— Что-то вы припозднились сегодня, профессор.

Ронни работал водителем Стоунов уже несколько лет и хорошо знал привычки и распорядок всех членов семьи. Мартина он старался везти по живописным улицам, потому что паренек обожал смотреть в окно на дома, которые они проезжали. Доктор Стоун всегда ценил скорость, а вот профессора нужно было быть готовым подождать, он всегда задерживался в лаборатории допоздна.

— Просматривал журналы и наткнулся на любопытную статью... — задумчиво ответил профессор. Он уже повернулся к окну и думал о чем-то своем.

«Мерседес» миновал внешний пост клиники, охранник закрыл за ним высокие ворота. Капли дождя стучали в окна, дворники на лобовом стекле работали не переставая и все равно не справлялись с потоками воды. Улица плыла, и за окном, отблескивая светом ночных вывесок, светофоров и фонарей, силуэты людей сливались в единую темную массу.

— Кажется, гроза разыгралась нешуточная, — сказал Ронни. — Как там моя Лиззи одна? Ужасно боится грозы эта женщина, что-то ей мерещится в молниях. Думает, что молния непременно должна угодить в наш дом или в дерево ударить. Глупая бедняжка... — Он умолк, увидев, что профессор не слушает его, и повернул на более узкую улицу. В свете фар мелькнул плакат с ярким изображением мэра и крупной надписью «Я обещаю процветание!». Мэр старательно показывал желтоватые зубы, изображая радушную улыбку.

— Они только обещают... Где оно, это процветание? — громко, с досадой проговорил водитель. Его слова отвлекли профессора от каких-то размышлений, и он рассеянно переспросил:

— Что вы говорите, прошу прощения?

— Да нет... Это я так. Обещают они процветание, а дороги все разбиты, сынишку страшно одного в школу отправлять, приходится подвозить, благо ваш сын позволяет машину брать. Автобус школьный до нашего дома не доезжает, такой район, — проворчал Ронни и, боясь потерять собеседника, сам задал профессору вопрос: — Вы вернетесь в Калифорнию?

— Нет. Я хочу быть ближе к своей семье, помогать сыну. Семья — это ведь самое дорогое, что у нас есть, верно, Ронни? — профессор улыбнулся.

— Что правда, то правда. А ваш сын — замечательный человек, профессор. Никогда зря

не нагрубит, всегда поможет в беде. Я горд, что работаю на такого человека, как он.

— Спасибо, Ронни. — Профессор снова взглянул в окно. Машина выехала на широкую автостраду. Здесь уже образовалась пробка, и, пристроившись в конце колонны машин, Ронни притормозил.

— Похоже, что это надолго, профессор...

— Пожалуй, я прогуляюсь, — ответил он, взглянув на часы, — здесь уже совсем недалеко. Благо дождь, кажется, унялся.

— Будьте осторожны профессор, на улицах беспокойно. — Ронни было хотел тронуться, но остановился и посигналил: — А сумка как же? Забыли!

Он выхватил сумку с заднего сиденья и догнал старика. Профессор в очередной раз хлопнул себя по лбу:

— Голова моя дырявая! Спасибо, Ронни, сегодня я совсем память потерял. Спасибо и всего хорошего.

Высоко подняв воротник, профессор спешил к дому, стараясь обходить глубокие лужи. Он думал о том, как Крис хорошо справляется со своей непростой работой, как ему легко удастся не замечать славу и сохранять достоинство. Думал о том, что Мартин стал совсем взрослым, и на некоторые его вопросы становится все сложнее, все интереснее отвечать. А иногда он уже не может найти ответы на вопросы внука, и тогда тот сам находит их, отправляясь в библиотеки или во Всемирную сеть. «Скоро он начнет учить меня, а не наоборот. Да он уже это делает, просто я пока этого не замечаю», — думал профессор.

В своих размышлениях он не заметил, что его настойчиво преследует мужчина в черной куртке и бейсболке. Запомнить его невозможно, такие люди часто встречаются на улицах города, в метро или автобусе. Они самые обычные, ничем не примечательные жители мегаполиса, их лица настолько лишены индивидуальности, что, даже пристально взглядевшись в одно из них, невозможно воспроизвести в памяти этот облик.

Профессор остановился в толпе ожидающих зеленого сигнала светофора, а за секунду до того, как вся толпа качнулась и потекла через дорогу, мужчина, так долго следовавший за ним, резко рванул сумку из расслабленной руки профессора и побежал с ней через дорогу, расталкивая прохожих.

— Пойдите! Что же это? Молодой человек, пойдите... Зачем вам? — Профессор даже не крикнул вслед грабителю, он растерянно оглядывался, ища поддержки, но люди торопились пройти мимо, не замечая его или не желая замечать.

— Негодяй! Это ведь был подарок внуку! — в сердцах крикнул он куда-то в спины уходящим прохожим.

Вор давно уже слился с толпой и при первой же возможности свернул в тихий переулок. Он тяжело дышал после быстрого бега, да и сумка оказалась тяжелее, чем он ожидал. Может быть, там у старика компьютер? Было бы неплохо, его сейчас легко можно загнать парню в двух кварталах отсюда.

Он поспешно расстегнул молнию на сумке и слегка отпрянул, увидев человекообразного робота с мигающим датчиком во лбу.

— Это что еще за хреновина? — пробормотал он и высвободил андроида из сумки. Робот вышел из спящего режима и завертел головой в поисках объекта для общения и источника новых заданий. Рабочий робот не должен сидеть без дела.

— Человек... Человек... Здравствуйте, человек. Я робот, меня зовут А1, — проговорил он своим скрипучим голосом, фиксируя в базе данных перепуганное лицо бандита.

— Твою мать! — испуганно выкрикнул вор и отбросил от себя говорящую игрушку — уж больно зловеще горел этот красный глаз. Тем более в такой шутке легко могла оказаться камера, а ему совсем не хотелось бы в очередной раз попасть в розыск. Робот упал в лужу, и какие-то контакты заискрились от попадания воды.

— Плохой человек... Плохой человек... — Красный датчик заморгал чаще, а конечности А1, еще недавно заставлявшие его так смешно пританцовывать, беспомощно двигались в воздухе.

Лицо мужчины исказила гримаса отвращения, смешанного со страхом.

— Да пошел ты... — Он со всей силы опустил толстую подошву на голову робота. По пластиковой поверхности прошла глубокая трещина.

— Пло-хой... — искаженным голосом, кажушимся от этого еще более издевательским, в последний раз проговорил робот.

Мужчина продолжал топтать его, вымещая свою бесконечную злобу, превращая механизм, созданный разумом и руками любящего человека, в бесполезную крошку.

.....

...В это время в доме Стоунов продолжался праздник. Только именинника нет за большим столом. Мартин нетерпеливо дергает телефонный провод в своей комнате.

— Алло, Мелани? Здравствуй. Почему же ты не пришла? Я тебя ждал.

— Не обижайся Мартин, мне нужно было помочь маме.

— Я тоже иногда помогаю маме, — понимающе вздыхает Мартин.

— Тебе подарили щенка? — оживляется девочка. Она не хочет подавать виду, как она рада этому позднему звонку.

— Да... Маленький, пушистый, смешной. Тебе он непременно понравится.

— Какого он цвета? — спрашивает Мелани, стараясь во всех подробностях вообразить себе щенка.

— Он белый, как полярный медвежонок. Только черный нос торчит, — усмехаясь, объясняет Мартин.

— А как ты его назвал? — допытывается Мелани.

— Ларри.

— Красивое имя!

— Конечно, ведь нельзя называть настоящего друга каким-нибудь дурацким именем вроде Шарик или Пушок! Верно я говорю?

— Конечно, ты прав. Ларри — идеальное имя.

— Так что же, завтра после уроков погуляем с Ларри? — неуверенно спрашивает Мартин, но тут же успокаивается, услышав быстрый ответ:

— Конечно. Мне ужасно хочется поскорее его увидеть! До скорого!

.....

Для всего есть свои причины. Иногда эти причины очевидны, а иногда остаются неизвестными для нас еще долгие годы. Так, профессор Стоун, добрейший и деликатнейший из людей, растерянно остановился посреди потемневшей улицы. Дождь заливался ему за воротник, а он, не замечая этого, все всматривался в проходящую толпу, будто надеясь увидеть участливое лицо или остановить незадачливого бандита, объяснить ему, как бесполезен и даже опасен может быть сложный механизм, попавший в неверные, злые руки. Но никто не останавливается, не смотрит с участием. Люди спешат обойти странного старика.

В это же время Мелани, уже уложившая чужого ребенка, вернулась к себе и задумчиво играет с маленьким котенком. Мысли ее далеко. Она представляет, что отец ее жив, а картины его выставляются в лучших галереях мира. Маме не нужно день и ночь работать на изнурительной службе, а она, Мелани, может почувствовать себя обычной девочкой без груза ответственности на хрупких плечах. Она отгоняет от себя эти мечты, потому что знает: они только разбередят душу, ослабят ее, ничего не принесут взамен, кроме тоски и горечи. Все эти испытания зачем-то нужны. Для чего-то сегодня мне одиноко и грустно, для чего-то я не смеюсь вместе с Мартином в его большом, светлом доме, среди милых людей. Для чего-то, я только пока еще не знаю, для чего. Мелани вздыхает еще раз и кладет голову на подушку. Только сейчас она поняла, что ужасно устала. Едва она закрывает глаза, как сон уносит ее из комнаты. Она видит Мартина, тянущего к ней руки. Мелани рада ему и тянет руки в ответ, хочет прикоснуться, сказать что-то, но не может. Невидимая преграда разделяет их и не дает сойтись. Лицо Мартина темнеет, становится размытым, и Мелани уже не может разобрать, смеется он или плачет. Вдруг она четко видит слезу, блеснувшую на его левой щеке.

.....

...Мартин нетерпеливо ерзал на стуле. Дедушка, теперь единственный долгожданный гость, все не шел. Мартин пытался прислушиваться к разговорам взрослых, но они казались ему скучными. Он поиграл с Ларри, пока тот не начал спотыкаться на ходу, а когда понял, что щенок уже не держится на ногах от усталости, отнес его в плетеную корзину, на дне которой лежала его старая домашняя курточка — Роза позаботилась. Мартин даже не мог есть свой праздничный торт. Методично ковыряя недоеденный кусок вилок, он то и дело скидывал голову, готовый бежать к двери. Каждый звук казался ему стуком в дверь, эхом дедушкиных шагов под окнами.

Наконец он явственно различил звонок в дверь и, спрыгнув со стула, уже ринулся было в прихожую, но понял, что эффектнее будет, если он появится перед дедушкой со щенком на руках, и повернул в кухню.

— Куда ты сорвался? Марти, а гости? Марти, папа откроет дверь! — крик Элен уже не донесся до ушей мальчика.

На кухне, куда ворвался Мартин, все дышало чистотой. Роза только что закончила уборку и сейчас стояла в своем аккуратном, чуть потертом пальто, подкрашивая губы перед зеркалом.

— А, Марти! Какой же ты огромный! Еще раз с днем рождения, мой милый. А чего ты так запыхался?

— Роза, а Ларри где?

— Ларри твой налопался и спит, вон его корзинка, я за плиту сдвинула, чтоб не мешалась.

Щенок, видимо, расслышав свое имя, сначала приподнял одно ухо, затем второе. Выбравшись из корзины и спотыкаясь спросонья, он подбежал к Мартину и счастливо замахал хвостом, да так, что сам еле мог стоять на ногах, подаваясь всем телом то в одну, то в другую сторону. Мартин и Роза не могли удержаться от смеха, и мальчик тут же опустился на колени, чтобы погладить щенка.

— Ух, какой хороший пес! Тебе надо много есть и много спать. Скоро ты станешь большим и сильным. Будешь охранять меня и моих друзей.

Ларри ничего не понял из слов хозяина, но на всякий случай залился счастливым лаем.

А заметив, что миска с молоком еще не опустела, деловито направился к ней, чтобы снова подкрепиться.

Тем временем Крис уже открывал входную дверь. Еще продолжая громко отвечать на чью-то реплику, донесшуюся из гостиной, держа на отлете тарталетку, которую ловко захватил с тарелки Элен, он улыбался и начал было шутливо-укоряющую фразу, адресованную отцу:

— Ну, а мы уже зажда...

Фраза оборвалась на полуслове. Крис продолжал улыбаться, только теперь немного растерянно. Из дверного проема на него молча смотрел человек в униформе защитного цвета и черной маске.

— Простите, я как-то... — Крис снова не закончил фразу. Человек, ничего не говоря, направил Крису в лицо длинное дуло пистолета. Крис сделал шаг назад, не подняв рук, не сказав ни слова. А человек спокойно выстрелил ему в лицо, и потом еще раз. Из-за глушителя звуки выстрелов слились со звуками музыки, доносящейся из гостиной. Будто в немым кино, Крис упал, неестественно выгнув шею, запрокинутое лицо залилось красным, острый подбородок и открывшаяся шея казались очень белыми, почти синеватыми. Человек в маске сделал шаг к лежащему и еще дважды выстрелил ему в голову. В его движениях не было суеты или нервозности. Он спокойно, даже чуть скучающе выполнял свою грязную, не очень приятную, но привычную работу. Недовольно взглянув на мелкие капли крови, запачкавшие его штаны, он перешагнул через неподвижное тело. Музыка продолжала играть, изредка ее дополняли взрывы смеха, легкий гул голосов, позвякивание бокалов.

Никто в гостиной не расслышал выстрелов и звука падения тела. Элен ответно улыбнулась на какую-то шутку, отпила из бокала и вышла в коридор, чтобы встретить Криса с профессором. Бокал выскользнул из ее руки и разлетелся на мелкие кусочки, ударившись об пол. Элен силилась закричать, но, будто в кошмарном сне, что-то сжимало ее горло, и голос отказывался звучать. Она переводила глаза с фигуры мужа, так нелепо и оттого так страшно раскинувшего руки, на стоявшего рядом с ним человека в черной маске.

Крик пробился через сдавленное горло и ворвался в гостиную, разрезав неразборчивый праздничный гул, но лишь на секунду. Пуля пробила сердце Элен и застряла в стене за ее спиной. Когда-то прекрасное, теперь искаженное криком и ужасом лицо постепенно расслаблялось, обретая выражение безразличия. Только глаза были по-прежнему широко раскрыты, а губы бессмысленно шевелились. Человек в маске выстрелил ей в лоб, и она застыла неподвижно, завалившись на бок, перегородив проход.

Короткий крик донесся до кухни. Никто не придавал ему значения. Роззи провела рукой по голове Мартина, который сидел на корточках рядом со щенком, лакающим молоко, и снова подошла к зеркалу, чтобы еще немного подкрасить губы. В отражении зеркала она видела кусочек коридора и мелькнувшую темную фигуру. Она закрыла помаду и поставила ее на стол. Не говоря ни слова, она подошла к двери и выглянула в коридор. Ее губы задрожали, она еще не понимала хорошенько, что увидела, но быстро и беззвучно закрыла дверь, крепко взяла Мартина за руку и потянула его к двери чулана.

— Роззи, ты чего? Да я же... — Мартин вертел головой, пытаясь понять, что происходит.

— Чщщ-чщщ. — Роззи, будто бы Мартин снова был малышом, прижала палец к губам. — Тише, тише, Марти.

— Но Роз...

Домработница крепко припечатала лицо мальчика ладонью, не дав ему закончить. Она

открыла дверцу чулана и мягко втокнула Мартина в темноту, где виднелись силуэты швабр и старой кухонной утвари.

— Тише, прошу тебя, тише. Пришли плохие люди, происходит что-то страшное. Прошу тебя, сиди тихо. — Она мягко закрыла дверь, заперла чулан и спрятала ключ в карман пальто. Мартин затих и прильнул к внутренней стороне двери, стараясь разглядеть что-нибудь через замочную скважину.

Убивать — это очень быстро. Какие-то пять минут назад один из лучших врачей страны и его любящая жена смеялись, ели, отпивали шампанское из легких бокалов, передавали по просьбе гостя соль или перец, нечаянно коснувшись его теплой рукой и не замечая этого. Пять минут назад они были живы. Пять минут прошло, и теперь их тела, неестественно изломанные смертью, неподвижно лежали на полу.

За первым убийцей беззвучно и слаженно через открытую дверь заходят еще трое — в таких же масках, в той же форме защитного цвета. Они перешагивают через тела и проходят к гостиной, один из них наступает тяжелой подошвой на откинутую руку Элен и тихо чертыхается, чуть было не споткнувшись. Резким движением они распахивают двери и начинают стрелять, спокойно, отрывисто переводя прицел, будто в компьютерной игре. Они расстреливают всех, не делая скидок на пол, возраст, выражение испуга на лице, отчаянный крик. Первые умирают, не успев понять, что же произошло, другие пытаются спрятаться под стол, закрывают лица и головы руками, будто бы это сможет защитить их от пуль. Музыка еще продолжает играть из колонок, и происходящее в комнате напоминает пантомиму, в которой актеры без слов изображают ужас. Наконец одна из пуль попадает в музыкальный центр, и в комнате становятся слышны только глухие выстрелы, падение тел, отрывочные крики, стоны умирающих и неровный плач.

Расстреляв всех, люди в масках спокойно расходятся по комнате. Один из них задумчиво смотрит на картину в скромной раме на стене, второй достает книгу из шкафа и, пролистав, бросает на пол. Заглянув под стол, один из убийц видит там мужчину. Он полноват, его круглое лицо бледно и покрыто испариной, через белую рубашку на плече проступило красное пятно. Мужчина мелко трясется. Губы его шепчут:

— Не надо. Не надо. Не надо. — Он будто повторяет заклятие. — Не надо. Я не скажу. Ничего не скажу.

У него начинают закатываться глаза, он вот-вот потеряет сознание.

— Не надо. Не надо, — твердит он. Человек в маске легко останавливает его истерику выстрелом в голову.

За креслом, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками, сидит молодая женщина. Она быстро качается вперед-назад, вперед-назад, из ее открытых глаз катятся слезы. Она не замечает их. Когда убийца резко отодвигает кресло в сторону, она выходит из своего ступора и, прижавшись спиной к стене, кричит срывающим голос, беспомощно перебирая ногами, будто желая вжаться в стену, слиться с ней, вобрать ее твердость и холод в свое горячее, живое и от того незащищенное тело. Обессиленная, она перестает кричать и только умоляет, мелко тряся головой:

— Прошу вас. У меня ребенок. Прошу вас, не надо. Я ничего никому не скажу. Я закрою глаза. Я сделаю все, что вы скажете.

Человек в маске утвердительно кивает ей головой. И она, на секунду поверив в свое спасение, крепко закрывает глаза, веки ее дрожат, из-под ресниц текут слезы. Человек в маске вытягивает руку и стреляет в упор: в голову, в тело, снова в голову. Он не любил слез,

не любил мольбы и стонов. Что он может поделать, если задание — уничтожить? Поэтому в таких ситуациях, будто лишний раз проверяя себя на прочность, он уничтожал наверняка, заодно заглушая в себе желание опустить пистолет.

Теперь никто из гостей не двигался, кажется, все были мертвы. Наемники переходили от тела к телу, посылая в головы контрольные выстрелы. Из дальнего угла комнаты с криком поднялся мужчина, его лицо было окровавлено, в глазах читалось безумие. С зажатым в руке столовым ножом он было накинута на одного из убийц, но, получив удар рукояткой пистолета, осел на пол. За ударом последовал выстрел в лицо. Киллера разозлил этот надоедливый человек, не желавший умирать дольше остальных. Пуля прошла через глаз мужчины. Правую сторону его лица быстро залила кровь, левый глаз закатился, показывая белок.

— Это последний, здесь все, — бросил тот, что вошел первым. — Зачистить все комнаты. Я — здесь, вы — наверх. Ты — осматриваешь двор, — он привычно указал пальцем на одного из своих людей.

Они прошли по коридорам, открывая каждую дверь. Первый вошел на кухню. Он не сразу заметил забившуюся в угол Розы. Она сидела, тяжело дыша, прижимаясь спиной к закрытой двери чулана. В руках она сжимала чайник, замотанный в полотенце. Большие карие глаза Розы смотрели скорее с ненавистью, чем со страхом. Убийца, усмехнувшись этой несуразной композиции, навел было пистолет на женщину, но что-то отвлекло его. Он удивленно обернулся и никого не увидел. Только опустив глаза, он понял, что маленький щенок пытается укусить его за ногу. Ларри грозно рычал и показывал маленькие зубы. Раньше он только слегка прикусывал ими руку хозяина, играя. Сейчас он не жалел себя и злобно, как взрослый, вцепился в ногу человека, но все же не мог причинить прочному ботинку врага никакого, даже малейшего вреда.

Мужчина усмехнулся снова и, откинув ногой щенка, выстрелил в него. Ларри забился и тонко заскулил. После второго выстрела затих.

Мартин не видел, что происходит за дверью, но слышал каждый звук. Он зажал рот ладонью, чтобы не кричать, вцепился в нее зубами и молча заплакал.

Убийца еще раз пнул ботинком щенка и повернулся к Розы. В этот момент она резко выплеснула ему в лицо кипяток из чайника.

— Убийца! Мерзавец! Животное! — От отчаяния и сознания неизбежности смерти Розы уже совсем не чувствовала страха.

Наемник закричал и сорвал маску с обожженного лица, искаженного злобой и болью. Ослепленный, он начал палить наугад, не целясь. Розы схватила нож со стола, но, не в силах ударить им живого человека, так и замерла с ним в руке, вжавшись спиной в дверь чулана. Наконец убийце удалось справиться с болью, и он выстрелил Розы в голову, в сердце, в живот. Он решетил ее полное тело, продолжая нажимать на курок, даже когда израсходовал всю обойму. Розы медленно осела на пол, ее грузное тело придавило дверь чулана.

Убийца, еще больше взбешенный тем, что пули закончились, выхватил нож из ее ослабшей руки и с ненавистью еще и еще раз вонзил его в неподвижное тело, будто в податливое тесто, желая причинить боль уже мертвому человеку.

Мартин, прижавшийся к замочной скважине, не мог оторваться от этого ужасающего зрелища. Он видел и искаженное болью лицо убийцы, и без того изуродованное шрамом, видел, как боль на его лице сменилась выражением удовлетворения, когда он пуля за пулей всадил в тело Розы всю обойму. Мартин беззвучно плакал, сам того не замечая. К горлу

подкатывала тошнота. Он был готов свалиться в обморок в этом тесном чулане, но держался из последних сил, ему казалось, что стоит только закрыть глаза, как он сразу же умрет. Ведь Ларри мертв, и Роззи лежит мертвая здесь, совсем рядом. А мама и папа? Что сейчас с ними? Темнота подкрадывалась, застилая глаза, он уперся рукой в дверцу, чтобы удержаться, но рука соскользнула.

В это время киллер, отошедший к раковине, чтобы обмыть лицо холодной водой, настороженно повернулся. Он расслышал шум, донесшийся из-за двери. С отвращением взглянув на тело Розы, закрывшее проход, он перезарядил пистолет и трижды выстрелил в дверь, целясь в центр.

Мартин был бы мертв, если бы обморок не взял его в свои темные объятия. Закатив глаза, он осел на пол за секунду до того, как пули пробили три аккуратные дырки как раз там, куда он прижимался лбом, чтобы разглядеть происходящее в кухне.

Киллер прислушался. Ни стоны, ни шороха. Он пожал плечами и вышел из кухни. В коридоре его уже ждут остальные трое. Они уже прошли по всем комнатам, заглянули в спальни и детскую, еще несущие печать спокойствия и уюта, будто бы комнаты совсем другого дома. Оглядели шкафы, бесцеремонно выкидывая из них вещи, заглянули под столы и кровати. По пути в каждой из комнат наемники оставляли взрывные устройства, уже начавшие свой отсчет, мигая красными огоньками.

Киллер, так и не надевший маску, недовольно хмурился:

— Я так и не видел мальчишку. Он прячется где-то в доме.

— Значит, он жив. А это не то, что нам нужно, — ответил ему один из убийц.

Остальные пожимают плечами:

— Второй этаж зачищен. Время уже пошло. Командир, если он где-то в доме, то он в любом случае взлетит на воздух. Здесь в радиусе ста метров не останется ничего живого. Можно не беспокоиться.

Обожженное лицо командира скривилось:

— Ладно. Проконтролируйте нижний этаж — и уходим. Быстро! Быстро!

Люди в масках спешно устанавливают последние взрывные устройства в окровавленной гостиной, в кухне, где мешком лежит неподвижное тело Розы, в коридоре, где раскинули руки в запекшихся лужах крови Элен и Крис.

— На выход! — командует главный. И один за другим, никем не замеченные, убийцы покидают дом Стоунов и садятся в припаркованный через дорогу черный микроавтобус. Водитель жмет на газ и, отъехав на приличное расстояние, останавливается.

Киллеры уже сняли свои маски и утирают вспотевшие лица. Командир со шрамом через все лицо — тот самый лейтенант Робертсон, на его губе еще не зажила ссадина, оставленная Крисом Стоуном в этот же день. Она немного кровоточит, и Робертсон, пальцами сдерживая кровь, усмехается:

— А тебе совсем не больно, Стоун. Можем считать, что ты победил, — говорит он тихо, не обращаясь ни к кому в машине. Из кармана он достает пульт и нажимает на кнопку. — Только ты покойник, лекарь, как я и обещал.

Стекла в машине вздрагивают, и где-то позади вздымается огромный огненный всполох. На секунду даже наемники теряют слух. Один из них оборачивается к Робертсону:

— Не слишком ли все это для одного захудалого дома?

— Нам не нужны свидетели. Как и лишние вопросы, — тихо говорит лейтенант, и парень тут же опускает глаза и отворачивается, пробормотав извинения.

Другой наемник ободряюще хлопает парня по плечу:

— Они просто оказались не в том месте и не в то время. Не повезло.

— Значит, это их судьба, — тихо добавляет лейтенант.

Дом, в котором только что методично убивали людей, охнул от взрыва. Стены разлетелись на части, взрывная волна откинула в стороны целые блоки кирпичной кладки, балки, трубы, куски мебели. Тело Мартина отлетело вместе с куском стены, оно безжизненно раскинулось на горячей траве, вывернув шею, в неестественной позе. Так, будто брошенная на пол кукла, лежит мертвый человек, чье тело уже превратилось в просто сломанный предмет. Кирпичи, разломанные силой удара, засыпали его, сильнее изувечив. Тонкий прут, бывший частью каркаса для стены, пробил насквозь плечо Мартина, пригвоздив его к земле.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

.....

Дождь все еще продолжался, и обломки здания шипели, дымились, но продолжали гореть, несмотря на сильные потоки воды. Через минуту появилась пожарная машина, полиция, к месту взрыва начали стекаться зеваки. Профессор Стоун шел с потоком людей, подняв воротник над головой, тревожно всматриваясь в клубы дыма. Осознав, что что-то произошло неподалеку от особняка его сына, он ускорил шаг. Приближаясь к дому, он шел все быстрее, почти бежал, минуя одинаковые коттеджи и аккуратно выстриженные садовые изгороди. Его сердце колотилось как сумасшедшее, и в голове пульсировала только одна мысль: «Живы. Живы. Были бы живы».

Увидев обломки и черноту на том месте, где должен был возвышаться аккуратный особняк, где его семья должна была праздновать рождение его внука, где он был так счастлив и где были счастливы его дети, он остановился. Профессор стоял, опустив руки, не зная, что делать, что кричать, куда бежать. Он сел прямо на землю, запустив руки в свои седые волосы, затем встал и попытался пройти вглубь, раскидывая обломки.

— Крис! Мартин! Элен! Крис! Мартин! Элен! Кто-нибудь! Кто-нибудь живой!

Он кричал, а слезы катились по его щекам. В какой-то момент ноги перестали держать его, и он упал среди почерневших от огня развалин. Не в силах подняться, он закрыл глаза. Видимо, на какое-то время он потерял сознание. Профессор открыл глаза от того, что полицейский тряс его за плечо:

— Сэр! Сэр, вы в порядке? Вы не ранены?

— Мой сын. Моя семья. Здесь... — профессор мог выговорить только несколько слов, но полицейский все понял.

— Пройдемте, я помогу вам. Сейчас спасатели ищут живых людей, которых могло придавить обломками. Мы делаем все, что в наших силах. Сэр, идемте, вам нужно выпить горячего кофе, вам станет лучше. Как только что-то прояснится, мы дадим об этом знать.

Профессор добрал до пункта помощи, разбитого тут же на улице. В его руку кто-то сунул теплый бумажный стакан. Профессор и не подумал отпить из него. Кто-то накинул плед ему на плечи, но он даже не заметил этого. Подняв блуждающие глаза на уже не горящий, но дымящийся дом, на то, что когда-то было домом, он скривился, будто от боли, и застонал. Не помня себя, он снова быстро пошел к развалинам. Шатаясь, Стоун переходил от одной груды обломков к другой. Он выкрикивал имена родных и пытался отодвинуть бетонные глыбы. Выбившись из сил, он сел прямо на черную землю. Его трясло, как в припадке.

Спасатели вынесли уже больше десяти обугленных тел. Профессор видел пластиковые мешки, видел черные фигуры, потерявшие человеческий облик, униженные этой жестокой насильственной смертью. Он не смотрел на трупы, боясь узнать в них родных, боясь представить, что его дети могут быть так же сожжены заживо. Не желая верить этому, он с новыми силами, с яростью начинал раскапывать груды кирпичной крошки.

Дальше всего от дома отбросило кухонную пристройку. Обломки шкафов, погнутая дверь холодильника, развороченная плита оказались в одной куче, засыпанные битым кирпичом и кусками черепицы. Уже было потеряв надежду, один из спасателей берется за кусок, оставшийся от огромного кухонного шкафа, отодвигает его, и поисковая собака начинает нервно лаять, царапать лапами кирпичную крошку.

— Ты что-то нашел? — Спасатель начинает раскидывать куски кирпичей и внезапно натывается на детскую курточку, потемневшую от копоти и пыли. Он кричит о помощи и продолжает осторожно разбирать завал. Под грудой обломков лежит мальчик. Его тело изломано, кости раздроблены, на его изувеченное лицо страшно смотреть. Плечо навывлет пробито железным прутком, кровь залила его курточку, он без сознания, зрачки не реагируют на свет. Но на шее слегка теплится пульс. Слабо, очень слабо его сердце толкает кровь по жилам, будто по привычке, нехотя.

— Срочно! Носилки! Он еще жив! — раздается где-то очень далеко от Мартина. Все, что он ощущает, — темнота. И слова доносятся до него словно через толщу черной воды. Будто он на дне пытается расслышать, что говорят там, высоко. Он слишком глубоко и не может разобрать слов, а еще ему нечеловечески захотелось спать. Закрыв глаза, он будто бы опускается еще глубже под воду. Крики становятся тише. Вокруг только теплая, глубокая тишина. И Мартина нет. Он — это мысль, прозвучавшая в тишине. Он — это попытка раскрыть глаза. Он — это поражение и уход в темноту. И больше ничего.

На крик спасателя бегут люди. Профессор встревожено поднимает голову, падая, спотыкаясь об обрушенные балки, бежит к группе людей, окруживших мальчика.

— Мартин! Мартин, ты слышишь?! Мартин! — Он старается кричать громче, чтобы внук услышал его, чтобы открыл глаза и ответил хоть слово. Он старается кричать, но голос срывается. Мартин лежит без движения. Его тело изувечено, лицо в крови. Его глаза закрыты.

— Он жив?! Скажите, что он жив! Я прошу вас, я умоляю! — профессор хватается проходящего врача за рукав и не отпускает, пока тот не останавливается.

— Вы родственник? Спокойно. Шанс есть. Необходима реанимация. Вы можете поехать с нами. Вы слышите?

Профессор стоит, будто оглушенный. Через мгновение он, будто бы собрав все физические и душевные резервы, молча кивает и спешит за доктором в машину скорой помощи.

Тело Мартина быстро перемещают на носилки. Мальчик не стонет, он не приходит в сознание. На его окровавленное лицо надевают кислородную маску. Дыхание есть. Шанс есть.

— Шанс есть. Шанс есть. — Профессор повторяет это как молитву. Все молитвы, которые он помнил, вылетели у него из головы. Но он знает, что Всевышний поймет его и так. — Шанс есть. Шанс есть, — повторяет он беззвучно.

После профессору никогда не удавалось припомнить и линейно выстроить события этих страшных дней. Память работала выборочно. В его сознании, будто вспышка, появлялись

отрывочные образы, фразы, ситуации.

Вот он в машине скорой помощи, рядом окровавленное, очень худенькое тело Мартина. Профессору хочется взять его за руку, но даже пальцы мальчика перебиты. Профессор отдергивает руку и просто смотрит, смотрит ему в лицо. Что-то твердит, о чем-то молит. О чем? Не вспомнить.

А вот он уже в бесконечно длинном и гулком коридоре. Белые стены, белые полы, белые потолки. Эту стерильную белизну освещают то экономичные лампы, то солнце, выглядывающее из-за многоэтажных зданий. Профессор не замечает, когда ночь сменяется сереньким светом утра. Он неподвижно сидит на скамье в коридоре. Иногда, будто бы вспомнив о чем-то важном, он срывается с места и начинает ходить, отмеряя шагами длину коридора: от скамьи до окна, от окна до скамьи.

Он нервно поднимает голову, когда кто-то в санитарной форме проходит мимо. Провожает долгими взглядами: а вдруг этот человек видел Марти, а вдруг он знает что-то, чего не знает профессор. Но санитары и врачи спешат пройти мимо.

Четко освещается в памяти момент, когда к профессору подходит хирург. Он с уважением пожимает профессору руку и без лишних церемоний, глядя прямо в глаза, говорит, что организму мальчика нанесены несовместимые с жизнью травмы. Что его конечности раздроблены, что кровопотеря огромна, но это все не так страшно, как повреждения головного мозга. Повреждения крайне значительные, и вероятность того, что мальчик сможет прийти в себя, равна нулю. Сейчас он в коме, подключен к аппарату. Он не перенесет и малейшего хирургического вмешательства.

— Не нужно лишних надежд, со всем уважением, профессор, отнеситесь к этому здраво, я прошу вас об этом как человека науки, человека здравого смысла, — напоследок говорит ему врач.

Профессор кивает и, поправив белый халат, который медицинская сестра накинула ему на плечи, заходит в палату Мартина. Правда, вся твердость старика куда-то испаряется, когда он видит мальчика на больничной койке: серое лицо с множеством кровоподтеков, кислородная маска, трубки, зафиксированные руки и ноги.

Тогда ему вдруг стало тяжело дышать, он думал было, что упадет, но удержался. Помедлил, прислонившись спиной к стене, перед тем как подойти к внуку. А потом, взглянув в его худое лицо, почувствовал не только боль, бесконечное отчаяние, но и восхищение. Этот мальчик все еще жил, несмотря на то, что тело его было практически уничтожено. Дом, в котором он находился, разрушен и разбросан на тысячи кусочков, а этот хрупкий малыш все еще цепляется за жизнь. Тогда, да-да, именно тогда профессору пришло понимание величия жизни, величия данного им с Мартином шанса на выживание. Он не заметил этого тогда, он был потрясен. Но спустя годы он понял, что это восхищение, испытанное им перед мальчиком, лежащим на больничной койке, и было началом их новой жизни.

А дальше памятных вспышек совсем немного. Это оттого, что дни стали неразличимы. Они проносились быстро, пренебрегая сменой дня и ночи, соединившись в один длинный белый коридор, такой же, что был в реанимационном отделении. Состояние Мартина не менялось, он не приходил в себя, но силами современных аппаратов и какими-то его собственными внутренними силами жизнь удерживалась в его теле. А профессор день за днем проводил рядом с ним, лишь изредка заезжая домой, чтобы переодеться, принять душ, поспать пару часов на диване и снова вернуться к Марти.

Вглядываясь в лицо мальчика, профессор представлял, что дает ему часть своих сил. Он вспоминал их бесконечные разговоры, их мечты и рассуждения о будущем. Кажется, в один из таких моментов профессор позволил себе всерьез задуматься о продолжении своих исследований, того проекта, который ему пришлось оставить незавершенным. Правительство хотело, чтобы он создал сверхчеловека, человека, который был бы идеален физически, но при этом им не было важно его сознание. Им нужны были солдаты, готовые идти на смерть, бездумные полулюди-полуроботы. А Мартин — это совсем другое. Это был шанс. Тот самый, данный по молитве, которую он твердил в машине скорой, сам себя не помня.

Так жизнь профессора изменилась. Теперь у него появилась не призрачная надежда, теперь — и он знал это — все было в его руках.

Он не переставал рассчитывать и строить новые схемы, рисовать варианты протезов. Он был лучшим специалистом по трансплантологии и кибернетике, по его методу Крис недавно успешно пришил человеку новую механическую руку, но сейчас перед ним стояла задача в тысячи, в миллионы раз огромнее. Фактически Мартину нужно новое тело. Иногда профессору начинало казаться, что он взвалил на себя непосильный груз: глупо подвергать еле теплящуюся жизнь ребенка такой опасности без каких-либо гарантий на то, что все многочисленные операции пройдут успешно и Мартин останется живым в своем теле, собранном заново. Но каждый раз, глядя в лицо внука, все также неподвижное, только более бледное и истощенное, профессор убеждал себя, что он все решил правильно, ведь это существование — и есть медленная смерть. Он начал воспринимать кому Мартина как отсрочку, за время которой он должен успеть подготовиться, все рассчитать и сконструировать. Заходя в палату, он уже не чувствовал того отчаяния, оно сменилось благодарностью за еще один подаренный день.

Профессор хотел не просто вернуть Мартину жизнь, он хотел дать ему защиту, чтобы ни один человек больше не мог причинить ему боль. Как просто сломать, уничтожить слабое человеческое тело... Профессор с содроганием вспоминал сожженные тела родителей Мартина, которых он вынужден был опознавать. Он ни на секунду не допускал вероятности несчастного случая, хотя полиция твердила ему об этом, и газеты трубили о невероятном по своей трагичности недоразумении, что-то об утечке газа или вроде того. Он пытался представить себе людей, которые могли так жестоко уничтожить чьи-то жизни, но не мог, не мог представить себе эти лица, эти глаза, эти руки. Еще страшнее для него было то, что эти убийцы спокойно продолжают жить. Он садятся в машину или спускаются в метро, они покупают газету, они едят и пьют, разговаривают, отбрасывая волосы с лица, возможно, у них есть свои семьи, и перед сном человек, убивавший Криса, целует в лоб своего сына.

Но теперь все изменится. Новое тело Мартина будет прочнее, сильнее, быстрее тела обычного человека. Его тело будет сильнее огня и пуль, оно сможет выдержать нечеловеческие нагрузки. Он всегда, всегда будет в безопасности.

За несколько недель профессор Стоун осунулся и, казалось, постарел еще лет на десять. Он почти не спал, забывал поесть, все чертил что-то в своем толстом блокноте, писал формулы, понятные ему одному. Из клиники шел прямо в лабораторию и ночь проводил за компьютером, создавая прототип будущего совершенного организма, а утром снова возвращался в клинику, чтобы увидеть Мартина. Иногда он засыпал в кресле рядом с кроватью внука, но всегда просыпался с криком: кошмар о том, что пока он спал, слабый организм Мартина не выдержал нагрузок и мальчик умер, преследовал его еще много лет,

хотя и стал со временем менее ярким, менее реалистичным.

— Поймите, профессор, вы бессмысленно мучаете себя и его. Я отношусь к вам с огромным уважением, но прошу вас как коллегу, как профессионала, возьмите себя в руки, оцените здраво, на что вы обрекаете внука, на что вы обрекаете себя. Даже если чудо произойдет и мальчик выйдет из комы, он не сможет даже пошевелить рукой, да что там рукой — он вряд ли будет разговаривать, вряд ли будет узнавать вас, даже просто понимать речь, — настойчиво, глуховатым голосом говорил ему скороговоркой лечащий врач Мартина, глядя в пол.

— Да, да... Ну, конечно, — рассеянно отвечал профессор, не отрываясь от расчетов.

— Профессор!

Старый профессор отрывался от блокнота и смотрел на собеседника несколько удивленно. Его глаза будто бы были подернуты пленкой, застилающей от него весь внешний мир.

— Есть мнение, что мальчика нужно отключить от аппарата, — еще более глухо, не глядя в глаза профессору, проговорил доктор. — Мне очень жаль.

— Мне тоже, — спокойно отвечал профессор. — Но у меня другая точка зрения на этот счет.

— Но... — доктор хотел что-то возразить, но натолкнулся на похолодевший взгляд Стоуна и умолк, оборвав себя на полуслове.

— Не волнуйтесь доктор, скоро я заберу мальчика в клинику моего сына. И с ваших плеч упадет этот груз ответственности. — Профессор смягчился. — Я понимаю, вам кажется невозможным его восстановление, но я верю, что если у нас есть хотя бы один шанс, его нельзя упустить. Я должен сделать все возможное, понимаете?

.....

За эти дни он повидал столько же недоуменно вытянувшихся, сколько скорбных и сочувствующих лиц. Он улыбнулся, вспомнив, как вошел в клинику сына. После трагедии все сотрудники уволились, и огромное пространство, опустев, казалось устрашающе заброшенным. На полу валялись оброненные и забытые кем-то бумаги. Гулко отдавались шаги, их звук объединялся с потрескиванием мигающей лампочки на потолке. Он прошел по этажам, заглядывая в палаты, которые давно не убирали, открыл дверь лаборатории и долго искал выключатель, а когда наконец неестественно ярко осветилось нераспакованное и неподключенное оборудование, покрывшееся пылью, присел на вертящийся стул и закрыл руками глаза. Усталость навалилась, и ему показалось, что он не в силах даже двинуть пальцем, не то что привести в рабочее состояние лабораторию, в кратчайшие сроки провести ряд сложнейших операций, испытаний, новых операций...

Он очнулся от легкого прикосновения. Кто-то робко тряс его за плечо.

— Профессор! Профессор Стоун! Профессор! — Медсестра Мэри смотрела встревожено. Никогда она не видела профессора Стоуна таким.

— Мэри? Что вы здесь делаете? Я думал, клиника совершенно пуста.

— Я и Рон, ваш водитель, помните? Мы с Роном продолжаем дежурить здесь, ведь все сбежали, едва только узнав о... о... вы понимаете меня... Но как можно оставить все это? Здесь аппаратура, результаты исследований... И я думала, что вы можете прийти сюда... Понимаете, я звонила вам, я хотела предложить свою помощь, любую, любую помощь, но вас так трудно найти, вы, кажется, совсем перестали бывать дома, проверять автоответчик... Профессор, я не знаю, что сказать. Как вы? — Она совсем сбилась и испуганно подняла

глаза на профессора.

Тот улыбался. Впервые за долгое время он почувствовал себя не одиноким.

— Мэри, дорогая Мэри, я лучше, чем может показаться. Моя жизнь продолжается. Продолжается и жизнь Мартина, хотя пока не в полную силу. Но мы с вами это изменим, верно? Вы ведь поможете мне, дорогая моя Мэри? И Рон? Его помощь мне понадобится!

— Конечно, всегда готов помочь, профессор. — В комнату как раз вошел водитель Ронни. Он встал, широко расставив ноги, и почему-то начал закатывать рукав старенькой рубашки, будто желая показать, что уже сейчас готов взяться за любое дело.

Профессор рассмеялся. Впервые за эти недели он смеялся и чувствовал, что что-то внутри него освобождается, как будто все это время грудь сжимал невидимый обруч, а сейчас он разжался, и профессор смог сделать вдох полной грудью. Глядя на профессора, рассмеялась и Мэри, а Рон удивленно смотрел на это абсолютно беспричинное веселье и неловко одергивал рубашку, поправлял штаны, переводил вопросительный взгляд с профессора на Мэри и обратно. Наконец он усмехнулся, махнул рукой и тоже залился хохотом.

— Ну что ж, друзья, — выдохнул профессор, отсмеявшись, — нам предстоит большая работа, и я очень рад, что вы здесь, со мной. Я не знаю, что делал бы, окажись я здесь в одиночку. Поскольку весь обслуживающий персонал, а также врачи и санитары покинули стены этой клиники, я считаю себя вправе повисить вас в должностях. Вы не против, коллеги?

Рон и Мэри со смехом отрицательно покачали головами.

— Что ж делать, если карьера идет вверх, — Рон оттянул подтяжки и громко щелкнул ими о живот. — Это кто же я теперь? Старший водитель?

Мэри и профессор Стоун снова рассмеялись.

— Это абсолютно неважно. Главное, что я прослежу, чтобы ваша работа была оплачена, и оплачена хорошо. Я ведь понимаю, что вам нужно кормить семьи, которые давно уже ждут вас в ваших уютных домах. А ведь уже почти ночь? Давайте, друзья, по домам. Завтра к вечеру я попрошу вас подготовить лабораторию и операционную. А еще нам понадобится просторная палата. Завтра вечером мы переводим сюда самого важного из пациентов, и нужно быть готовыми.

Весь следующий день профессор вместе с Роном завозили новое оборудование, подключали аппараты и устанавливали компьютерные программы. Мэри мыла полы и проводила дезинфекцию палаты, операционной, готовила все к появлению Мартина. Позже она робко постучала в кабинет профессора. Тот сидел, совсем как прежде, за своим старым тяжелым столом, перебирая научные журналы, вырезки и раскладывая нужные на столе, отмечая что-то в статьях и в своем вечном блокноте.

— Кажется, все готово, профессор, мы можем уходить? — тихо спросила Мэри, жалея, что приходится тревожить его.

— Да, да, конечно, Мэри. Завтра нас ждет трудный день. Да что уж, нас ждет очень тяжелый год, но это все не может напугать нас, верно?

— Конечно, профессор, — спокойно улыбнулась женщина. — До завтра. И прошу вас, поспите. Иначе завтра день станет куда тяжелее.

А потом наступили те самые тяжелые дни. Которые оказались куда легче, чем дни, проведенные в клинике рядом с неподвижным, безжизненным телом Мартина, проведенные в бездействии. Работа спасала, давала надежду и новые силы. Мартин лежал на специально

оборудованной койке в лаборатории, к каждому сантиметру его тела был подсоединен тонкий провод. Аппарат так же качал воздух, искусственно поддерживая в Мартине жизнь, капельница отмеряла нужное количество препарата, питающего почти разрушенный организм. В соседней комнате, отделенной от импровизированной палаты Мартина огромным стеклом, за компьютером работал профессор. Он сравнивал показания датчиков, заносил их в специальную программу. На множестве мониторов двигались вверх ровные линии цифр и знаков, они быстро менялись, и казалось, что этим очередям нет и не будет конца. Но профессор, устало сняв очки, нажал что-то на клавиатуре — и цифры понеслись с огромной скоростью, а затем исчезли, и на всех экранах высветилась общая картина. Это была модель человеческого организма. Профессор, не глядя на клавиатуру, набрал команду, и красным замигало практически все тело. В правом верхнем углу экрана одна за другой появлялись надписи: «кость раздроблена, восстановлению не подлежит», «легкие прекратили самостоятельное функционирование», «сустав разрушен, восстановлению не подлежит», «мозг частично поражен», «работа сердца нарушена». Крупно мигает надпись: «Восемьдесят процентов органов перестали функционировать». Красным обозначилось все тело, небольшие части, окрашенные в зеленый, остались в области головы и сердца.

— Ну что ж, мой мальчик, это мы знали, знали... — профессор говорит себе под нос, продолжая вбивать новые формулы. — Но ведь мы уверены в том, что делаем, верно? Мы с тобой выберемся, иначе нам нельзя.

Было еще много всего, прежде чем наступило утро перед первой серьезной операцией. Были долгие звонки и переговоры по поводу нового оборудования. Были непростые поиски. Были деловые встречи. По его чертежам были изготовлены уникальные конструкции и детали. Профессор вспомнил, как молодой предприниматель, решивший начать свой бизнес в медицинской сфере, пожимал его руку в знак заключения сделки и вдруг спросил, будто просто случайно озвучил свои мысли:

— Профессор мы подготовили все по вашему списку, только скажите мне, для чего все это? У вас новые идеи или вы решили начать войну со спецслужбами всего мира?

— Это пока не входит в мои планы, но, возможно, в будущем, — задумчиво улыбнулся он.

А потом потянулись месяцы исследований. Месяцы бессонных ночей. Каждый раз после нового опыта профессор с нетерпением ждал результатов, а когда они оказывались отрицательными, тут же принимался за новые расчеты, вводил новый препарат в кровь подопытной мыши и снова ждал, даже не надеясь заснуть. Ему казалось, что он уперся в толстую бетонную стену и, не понимая этого, продолжает упорно идти вперед, не сдвигая ее при этом ни на сантиметр. Он чувствовал, что должен взглянуть на свою задачу под иным ракурсом. Он вспомнил то ощущение, когда все вдруг оказывается невероятно простым, когда формула, будто очистившись от ненужной шелухи, четко вырисовывается в сознании. В ней нет ничего лишнего, она идеальна.

— Идеальна, — прошептал профессор. — Все не то. Все лишнее.

Он резким движением сгреб свои записи в охапку и сунул их в мусорное ведро.

— Забудем, забудем все эти тупиковые теории, начнем сначала, это наш единственный выход, мой мальчик, — тихо говорил он, глядя через стекло на худую фигурку Мартина.

Еще несколько дней профессор заново пересчитывал все показания, придумав совершенно другую систему. Он чувствовал, что ближе подобрался к разгадке, и совершенно потерял покой. Голова гудела. Он чувствовал, что так напряженно не работал никогда, он не

переставал думать ни на минуту, даже засыпая стоя или сидя, он видел преобразующиеся формулы. И внезапно он ощутил ту долгожданную пустоту, граничащую с максимальной насыщенностью. Он понял все. Закричав, он кинулся к компьютеру и торопливо ввел новую формулу.

— Как просто! Как очевидно и просто! — повторял он, не сводя глаз с экрана.

На экране появилась вращающаяся структура ДНК, а в нее вплелась новая молекула.

Профессор устало откинулся на кресле и счастливо рассмеялся, откинув голову.

— Мэри! Мэри! — закричал он.

— Что-то случилось? — Мэри торопливо вошла в лабораторию. Она никогда еще не слышала, чтобы профессор кричал.

— Мэри, дорогая моя Мэри! — профессор, улыбаясь, повернулся к ней. — Завтра состоится наша долгожданная операция, Мэри. Пожалуйста, будь готова. А сейчас иди, мне нужно еще поработать.

Он начал программировать. Модель ДНК, вращавшаяся на экране, видоизменялась.

— Ты будешь сильным, ты будешь жить, мой мальчик, — говорил профессор, вписывая новые и новые элементы кода. — Никто не сможет причинить тебе зла, причинить тебе боль. Ты — все, что у меня осталось, ты — моя семья, ты — моя жизнь. И тебя у меня уже никто не отнимет.

Он программировал всю ночь, определяя физические данные нового тела Мартина. Скорость, реакция, слух, зрение — профессор создал гениальное по силе и мощи создание, теперь его нужно было соединить с сознанием Мартина, и тогда мальчик будет спасен, он навсегда будет под защитой. Профессор закончил и перезагрузил компьютер. Упал на твердую кушетку и тут же провалился в сон.

Его разбудила Мэри.

— Профессор, профессор! К операции все готово. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, все прекрасно. Мне нужно немного освежиться и прийти в себя. Я приму душ и буду готов приступить к делу.

Мэри задумчиво окинула взглядом мониторы, занимающие всю стену лаборатории. Фигурка человека с разных ракурсов приседала, отталкивалась ногами и подлетала вверх, бежала, и в углу экрана цифры, показывающие скорость, еле успевали сменять друг друга.

— Профессор... — Мэри продолжала задумчиво смотреть на движения будущего тела Мартина. — Вам не страшно?

Она резко обернулась к профессору и заторопилась сгладить свой слишком прямой вопрос:

— Вы ведь понимаете, о чем я? Имеем ли мы моральное право? Неизвестно, как пройдет операция, неизвестно, какие будут последствия, приживутся ли искусственные органы, а если приживутся, неизвестно, как они будут взаимодействовать и функционировать... Что станет с его психикой? Я бы сошла с ума, честное слово, я бы сошла с ума! — Мэри качала головой, глядя через стекло на Мартина. Профессор всмотрелся в отражение ее лица, поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Конечно, Мэри. Конечно, мне страшно. Я живу в страхе последние полгода и уже немного даже привык к этому ощущению ледяной руки, сжимающей мое горло. У вас такое бывает? Пренеприятное чувство. Мне никогда не было так страшно за всю мою жизнь. Но разве у меня есть выбор? Разве может стать хуже, чем сейчас? Я каждый день благодарю Бога, Мэри, не смотрите так, мне есть за что его благодарить. Он не оставляет мне выбора,

он лишает меня этих бессмысленных мук. Я четко знаю, что должен сделать, потому что мне больше ничего не остается, и я благодарен за это. Я здравомыслящий человек, Мэри, и я очень люблю своего внука. Если ситуация обострится, если Мартину станет хуже, я не посмею играть с его жизнью, я сам отключу аппарат. Но сейчас, когда единственный шанс оказался в наших руках, мы не должны думать о плохом, верно, Мэри? Мы просто делаем то, что должны, и это единственный из возможных путей.

— Да, профессор, — кивнула Мэри, но тут же подняла голову и серьезно спросила: — Но это очень сложная операция. Вы ведь кибернетик, а не профессиональный хирург. Сможете ли вы провести ее самостоятельно? Может быть, стоило позвать какого-то специалиста? Я спрашиваю, потому что мне небезразличны вы и Мартин, не обижайтесь на меня за эту назойливость. — Мэри снова потупила взгляд.

— Мы справимся... За свою долгую жизнь мне приходилось не раз выступать в роли хирурга... И потом, я не хочу, чтобы об этой операции знали посторонние... Ни один врач не захочет потерять свою лицензию. Не волнуйтесь, Мэри, тело человека таит в себе куда больше тайн и возможностей, чем мы можем догадываться. И спасибо вам. — Он по-мальчишески тряхнул головой: — Ну что же? Будем готовиться? — и легко вскочил с кушетки.

Спустя годы профессор с удивлением вспоминал, что не ощущал тогда, во время первой и важнейшей операции, ход времени. Он помнил, что тщательно вымыл руки и надел перчатки, когда стрелки часов показывали десять утра, а когда вышел из операционной, вытирая пот со лба, ощущая ломоту во всем теле, с нервным чувством неопределенности, стрелки были на том же месте. «Как? Так быстро?» — пронеслось у него в голове. Он не мог предположить, что операция длилась двенадцать часов, и стрелки, обойдя циферблат, вернулись на исходную.

Тогда профессор жил в некоем параллельном мире, где ничто не имело значения, только показатели состояния больного. Пульс становился чуть чаще, чуть реже, усиливалось и падало внутричерепное давление, но все изменения оставались незначительными. Мартин был более или менее стабилен, и это радовало профессора безмерно.

— Вы понимаете, вы понимаете, что происходит? — Он взял Мэри за руки. — Мы даем его организму невероятные нагрузки, а наш мальчик принимает их как должное, он справляется с ними, и органы приживаются. Это невероятно. Я знал, что мой внук невероятно сильный, но это поразительно!

Первая операция была так страшна и важна, потому что никто не знал, что за ней последует, была возможна остановка сердца, смерть мозга. Когда же она была завершена, а состояние Мартина оставалось стабильным, уверенность возросла. Но легче от этого стало совсем не намного. Череда операций, недели на восстановление и новые операции...

— Господи, дай ему сил. Сколько боли может вынести один ребенок, сколько страданий... — тихо говорила Мэри, меняя повязки, дезинфицируя новые швы на теле Мартина.

— Иногда я думаю, чувствует ли он что-нибудь? Что происходит там, в той части его мозга, что осталась неповрежденной? Может, он что-то понимает, но не может сказать. А что страшнее этого? Даже и подумать о таком жутко, — взволнованно шептал Рон. Он каждый день заходил в палату Мартина, садился в кресло, поставленное у изголовья, и внимательно смотрел на лицо мальчика. Ему казалось, что если Мартин попытается дать какой-то сигнал, необходимо, чтобы кто-то был рядом.

— Держись, парень. Я приду завтра, а ты пока отдохни. Если захочешь что-то сказать — я не подведу. Ты, главное, не сдавайся, слышишь? — Рон доверительно наклонился к Мартину. — Я с тобой.

Он немного стеснялся этого своего рвения, и когда с ним в палате оказывалась Мэри или профессор, он старался вести себя как можно более безразлично. Но, уходя, непременно незаметно дотрагивался до неподвижной руки мальчика.

Мартина буквально собирали по частям. Сконструированные профессором роботы-манипуляторы создавали из новейших материалов новый скелет, отливали тонкие детали, которые должны были позволить новому искусственному телу двигаться пластично.

Раз за разом профессор переписывал программу сборки, чтобы сделать новое тело внука идеальным.

— Да у вас тут настоящее производство! — выдохнул Рон, нечаянно заглянувший в лабораторию.

Лаборатория действительно была наполнена трудящимися роботами. Новые протезы проверялись на прочность, управляемость, мощь. На стендах пробные фрагменты рук, ног сгибались, хватали воздух, тянулись вперед. Потом, когда эти элементы были доведены до совершенства, профессор принялся за сборку — и новые, новые, новые тесты.

Он моделировал ситуации, в которые может попасть человек: автомобильная катастрофа, падение с высоты, выстрел или ножевое ранение. И изготовленная секунду назад модель летела с высоты на бетонный пол, поскрипывала под прессом, отражала пули. Профессор остановился, только когда осознал, что на скелетном каркасе и подключенных к нему протезах уже не остается даже царапин и вмятин, а все механизмы работают безупречно.

Он разработал дополнительные функции для тела Мартина. Из фаланг пальцев механической руки при определенном сигнале выдвигались тонкие и острые шипы.

— Покрытие, которое я разработал уже давно, заменяет и превосходит по прочности и способности к регенерации человеческую кожу, — спокойно размышлял профессор. — Даже если шипы пронзят оболочку, рана не причинит Мартину ни малейшего беспокойства, она заживет в ту же секунду, он даже не успеет почувствовать боли.

Зрение и слух Мартина доставили профессору больше всего хлопот. Тончайшие микрочипы, предназначенные для передачи сигналов в мозг, были готовы только через месяц активной работы. Миниатюрная камера была встроена в искусственное глазное яблоко, практически неотличимое от настоящего, а тончайшие мембраны и усилители были предназначены для модификации слуховых данных.

Тестируя зрение, профессор доводил до совершенства цветопередачу, возможности увеличения и ночного функционирования. На огромном экране он видел, как при желании Мартин сможет различать бактерии в стакане с водой и приближать предметы, находящиеся за сотнями километров от него. Настраивая слуховые датчики, он не шел на компромисс и доводил до совершенства восприятие на всех частотах. Мартин сможет слышать, как переговариваются киты под водой, сможет определить точное место источника звука, как бы далеко он ни находился, а главное — он сможет отделить значительное от общего звукового фона.

Колонки, передающие звук, проходящий через слуховые мембраны, взорвались неразберихой звуков. Профессор, поморщившись, нажал несколько кнопок и услышал уже более стройный шум улицы; нажав еще одну комбинацию, он улыбнулся: ему стал отчетливо

слышен голос девушки, которая, проходя под окнами клиники, что-то сердито говорила в трубку, и неуверенные ответы юноши, звучащие в ответ.

— Кажется, получилось, — проговорил он. — Но не будем, не будем вторгаться в личную жизнь граждан. — Он улыбнулся и отключил прием сигнала.

«Боже, как многому придется ему научиться», — думал про себя профессор.

Он начинал опасаться, что, оказавшись запертым в этом сверхтеле, Мартин не выдержит психологического давления. И уж точно он никогда не сможет быть прежним. Пережив смерть, ему предстояло родиться заново и заново освоить тело. Причем каждый навык, каждое движение, каждый шаг к нормальной жизни ему предстоит проделывать, преодолевая боль. Захочет ли он жить так? Нужно, чтобы захотел. Не может не захотеть. Это шанс, который дан ему свыше, и отказаться от него, не использовать, когда столько уже было пройдено, невозможно.

Операция, операция, операция... Сколько их было сделано за этот год? Пятьдесят? Больше? Меньше? Профессор сбился со счета. Он знал, что восстановление Мартина идет по запланированной программе. Он заменил органы, которые перестали функционировать. Долго и мучительно заживали раны после ампутации недееспособных рук и ног. Тогда они боялись, что он не выдержит. Сколько переливаний крови было сделано тогда! Но Мартин справился, и они смогли приступить к приживлению новых конечностей. Было странно видеть эти невероятно сильные механизмы, соединенные с человеческим телом, неподвижными, безвольно лежащими на больничной койке. Новый глаз, вживленный вместо правого с сожженной роговицей, мог показать ему звезды, кратеры луны, движения рыб под толщей воды. По всем данным глазной аппарат работал безупречно, но Мартин не приходил в сознание. Он мог слышать рост травы, но его мозг не реагировал ни на какие звуки. О том, что он жив, говорили показания медицинских аппаратов — четко вырисовывались неровные волны пульса. Новые легкие функционировали нормально, и аппарат вентиляции уже был не нужен, Мартин дышал сам.

— Это ничего, — пытался успокоить себя профессор, — он справится. Он справился уже со стольким, что будет просто нелепо умереть, не сделав еще пары шагов до финишной ленты. Скоро органы станут функционировать активнее, и мозг отзовется на постоянно поступающие сигналы. Сейчас нам нужен сильный толчок. Нужно помочь Марти проснуться, каким-то образом нужно сделать так, чтобы его сознание, затерявшееся в темноте, захотело пробиться наверх, к свету. Но как?

.....

...Яркий свет бил в окна машины, слепил глаза. Это лето выдалось сухим и изматывающе жарким. В полдень солнце достигало высочайшей точки своего дневного пути и, будто бы само изнуренное жарой, ненадолго застывало в небе. Огромное и белое, оно нависало над городом, готовясь сделать усилие, перекатиться через эту небесную вершину и медленно поползти вниз, к закату, становясь розовее и мягче, ласково трогая крыши домов и кроны деревьев на прощание.

Но сейчас солнце было еще на середине своего пути — слепило, иссушало, раскаляло. Мелани прикрыла глаза ладонью и со вздохом подумала о сломанном кондиционере в их старенькой машине. Мысли в голове ворочались еле-еле, она будто бы перетаскивала с места на место тяжелые и пыльные мешки. На секунду ее укололо беспокойство — они проезжали полуразрушенный дом Стоунов. Мел убрала руку от лица и посмотрела за окно: там, выгибая шеи, будто экзотические животные, экскаватор и бульдозер доламывали останки стен и

сгребали куски кирпичей, черепицы, мебели, готовили мусор к вывозу. Теперь это мусор...

Мел вспомнила лицо Мартина. Припухшая губа, наливающийся синяк на скуле, смущенно и при этом радостно приподнятые брови. «Мел, ты придешь ко мне на день рождения? — Я спрошу у мамы». Как она была счастлива в ту секунду! И как боялась выдать свою радость, остаться совершенно безоружной. И как потом решилась. И корила себя за свою решительность, а потом успокаивала. Хорошо, что решилась тогда... Успела.

В зеркало заднего вида Саманта наблюдала за отражением дочери, видела, как потухли глаза, как строже очертилась линия губ, будто бы тень легла на лицо.

— Мел, мне очень жаль. Мартин и его родители... Все это ужасно. Это ужасное несчастье... — Она умолкла, не зная, что еще сказать.

Мелани повернула лицо к матери.

— Мам, я знаю, что Мартин сейчас в клинике его отца. Ты можешь отвезти меня туда? Вдруг я могу увидеть его, вдруг я могу как-то помочь? — Мел смотрит серьезно, в ее глазах не детская игра в траур, это взрослое горе.

— Конечно, я отвезу тебя. Не знаю, можно ли к нему сейчас... Но мы хотя бы попробуем, да? — Саманта ободряюще улыбается и выкручивает руль, разворачивая машину.

— Спасибо. — Ответная улыбка, та, детская, редкая в последнее время, которую Саманта так любит.

Они минуют особняки и выезжают на широкую улицу, где через каждые десять метров очередной плакат напоминает, что «голосуя за Хайдена, ты голосуешь за правду». Мэр серьезно смотрит с растяжек, прижав жирный подбородок к тугому белому воротнику.

— Как тебе этот, Мел? Хорош? — Саманта с усмешкой кивает в сторону очередного плаката.

— Противный. Да какая разница?

Она отворачивается. Ей противно не только его звериное лицо, его полумертвый взгляд, ей противны все эти приближенные к власти люди. Что они могут обещать, если в их городе может произойти то, что произошло с Марти и его семьей? Как они смеют говорить о чем-то? Фотографироваться в дорогих пиджаках и тесных отглаженных сорочках, когда Мартин прикован к кровати, когда родители и друзья его семьи мертвы? Даже дети не верят в то, что это несчастный случай. Не стоит и думать об этом мэре и ему подобных. Они того не стоят.

На территорию клиники их машину пропустил вежливый охранник. Светлое современное здание, окруженное зеленью, не казалось чем-то страшным, хранящим боль. Мужчина средних лет, насвистывая, подметал парковую дорожку, ведущую ко входу.

— Не волнуйся, я дальше сама. Тебе ведь еще забирать мальчишек. — Мел быстро чмокнула маму в щеку и открыла дверь.

Саманта не успела ответить. Ее дочь как всегда была права. Она запоздало крикнула в открытое окно:

— Будь осторожна, не пропусти свой автобус! — И сразу почувствовала себя немного беспомощной, потому что думала просто: «Будь осторожна».

Мелани быстро пошла ко входу. Она немного робела и не хотела давать неуверенности преимущества: в таких случаях нужно скорее действовать, иначе робость наберет силу и возьмет верх. Она уже была готова взбежать по лестнице и решительно открыть дверь, как споткнулась, увидев на газоне согнутого в три погибели человека в белом халате. Станный доктор опустился на колени, голову, насколько это было возможно, приблизил к земле, сосредоточенно рассматривая что-то, оказавшись в нелепой и какой-то детской позе.

— Вы что-то потеряли? — Мел сделала шаг к мужчине. Тот рассеянно повернул голову к девочке и поправил сползшие очки.

— Да нет. Вот, наблюдаю, — он смущенно улыбнулся. — Муравей тащил соломинку, а потом остановился, положил ее. Наверное, устал. И тут же подбежал другой муравей, решил помочь товарищу. Теперь они несут эту соломинку вдвоем. Интересно, да? — Он доверчиво, совсем по-детски посмотрел на Мелани. И она не смогла сдержать улыбку.

— Правда, интересно. Мартин говорил, что у муравьев коллективный разум.

— Верно, верно, — профессор закивал и начал подниматься с колен. Его рассеянность улетучилась, и теперь он серьезно рассматривал Мелани.

— А можно ли узнать ваше имя, юная леди? — спросил он галантно и немного шутливо.

— Я Мелани. Мы с Мартином учимся вместе, в одном классе, я сижу за соседней партой, той, что ближе к окну. А вы его дедушка, верно? Профессор кибернетики. Он мне о вас рассказывал. Скажите, можно увидеть его? Я не буду мешать, я буду совсем тихой. — Мелани выпалила все это одним махом и замолчала, чувствуя, что краснеет. Ну почему она такая несдержанная?

Профессор Стоун быстро закивал в ответ:

— Да, да, конечно, пойдемте. Зачем я буду мешать вам? Я очень рад, что у Мартина есть такой друг. Настоящий друг.

Он повел девочку ко входу, стараясь не делать слишком больших шагов. Несмотря на его усилия, Мелани все равно почти бежала, чтобы поспевать за ним. Сердце колотилось у горла, то ли от спешки, то ли от волнения. Сейчас, совсем скоро она увидит Мартина. Интересно, как он выглядит после всего случившегося? Наверное, он очень худой. А что она скажет ему? Ни в коем случае не упоминать родителей. Нужно будет рассказать о школе, ведь он так много пропустил, а скоро начнется новый учебный год. Вместе они быстро все нагонят! Скорее бы увидеть, как он улыбается...

Она не заметила, как, миновав белоснежные коридоры, они с профессором оказались перед дверью в палату. Профессор помедлил немного и открыл дверь, пропуская девочку вперед.

— Не бойся. Он чувствует себя лучше, чем может показаться. — Слова профессора едва донеслись до Мелани, будто она была где-то очень далеко. Она увидела Мартина. Осунувшееся лицо, бесстрастное, с закрытыми глазами, с торчащей изо рта трубкой. Безжизненная рука на покрывале повернулась кверху ладонью, беззащитно обнажив синеву вен и иголку капельницы. Мелани испуганно смотрела на пустоты под одеялом в тех местах, где должна была покоиться вторая рука, ноги Мартина. Она рассуждала, о чем с ним поговорить! Боже, как глупо, как нелепо, как страшно! В носу защипало, и глаза налились горячими слезами, чуть качнуть головой — и они прольются, потекут по щекам.

— Дедушка, он будет ходить? — Пытаясь оставаться взрослой и сильной, а не расплакаться в голос, сев на пол прямо здесь, в палате, она забыла про вежливость и назвала профессора этим домашним словом, так идущим ему.

— Ну что ты, что ты! Конечно, будет! Конечно, и ничего страшного здесь нет. Посмотри, какие у него теперь есть протезы. Получше твоих настоящих рук и ног. Будет и ходить, и бегать, и танцевать. Все будет хорошо, выше нос, Мелани! — Он аккуратно приподнял ее подбородок.

Мелани улыбнулась его словам и чуть сердито стерла со щек слезы.

— Я буду помогать! Можно, дедушка? За Мартином сейчас нужно ухаживать, а кто же

должен это делать, как не друг? Я справлюсь, обещаю!

Профессор неуверенно посмотрел на девочку.

— А как же школа? И что скажут твои родители?

— Я буду приходить после уроков. А мама разрешит, я уверена! — Глаза Мелани засияли, она уже знала, что профессор согласится, что она сможет помогать Мартину выздоравливать, что уже завтра она придет сюда снова.

— Ну, хорошо, Мелани. Я не возражаю, если это не будет отвлекать тебя от учебы и домашних дел. А сейчас надевай халат, ты в больничном помещении, а Мартину нужно принимать лекарство. — Профессор говорил это, озабоченно набирая в шприц синеватую жидкость из ампулы. Мелани серьезно следила за каждым его жестом. Она не замечала, что халат ей велик, ей было не страшно смотреть, как игла входит в светлую кожу Марти, она уже полностью погрузилась в эту серьезную и деловитую атмосферу больницы, где каждая минута — для этого тонкого мальчика на взбитых подушках, а глупым вздохам и страхам просто нет места.

Такие и потянулись дни — дни для Мартина. Летом Мелани вставала утром, делала домашние дела и бежала на автобусную остановку, чтобы скорее отправиться в клинику. Братья на лето остались с бабушкой, и она была совсем свободна. Когда началась учеба, стало сложнее, но она все так же бодро открывала дверь в палату Марти и надевала белый халат, только теперь уже не с раннего утра, а после обеда. Она оставалась в клинике до вечера, помогая медсестре, профессору, просто разговаривая с Мартином.

Сегодня, как обычно, она вошла в палату, будто освещая ее — солнце так играло в ее волосах, отражалось в глазах, что она сама казалась домашним солнцем, по крайней мере солнечным зайчиком. Она проверила данные аппаратов (этому она научилась уже давно) — стабильно. Она привычно уселась с ногами на кушетку рядом с кроватью Марти и принялась рассказывать о прошедшем дне. Она рассказывала, помогая себе жестами и движениями бровей в наиболее эмоциональных моментах, затем достала книгу и стала читать. Она старалась отгонять от себя усталость, но голова сама клонилась к валику кушетки.

«На три минуты», — подумала Мелани и сдалась.

Но и во сне она видела эту палату, видела Мартина, лежащего неподвижно, себя, сжимающую его руку. Мелани настолько погрузилась в эту неподвижную жизнь, что сны ее превратились в последовательное переживание уже пережитого, будто видеозапись, поставленная на постоянный повтор. Как было страшно, когда у Марти случился тот приступ... Она заново видела себя рядом с его койкой, слышала свой голос.

— И мистер Сандерс, Том Сандерс, помнишь его? Он открыл секцию карате. Как только ты окрепнешь, пойдем туда вместе, он сказал, что возьмет меня, если я захочу. О тебе спрашивают учителя. А еще я сегодня читала книжку про НЛО, мне кажется, тебе бы понравилось. Только я не понимаю, почему они не хотят с нами общаться? Просыпайся скорее, Марти. Я бы так хотела поговорить с тобой обо всем этом.

И тогда она взяла его за руку. Она и раньше так делала, когда проверяла пульс, когда меняла капельницу, но почему-то ей было неловко брать Марти за руку просто так, ей это казалось чересчур сентиментальным. Но сейчас она забылась и взяла его за руку, как если бы они шли рядом, как прежде, будто ничего и не было. И тут тело Мартина неестественно выгнулось, откинулась голова, плечи развело в стороны. Мелани кричала о помощи и пыталась удержать изгибающееся тело. Конвульсии ломали Мартина, из его рта пошла пена, он хрипел, а все датчики будто сошли с ума, мигая красными лампочками. Ломаная кривая

его сердечного ритма вдруг превратилась в тонкую нитку, тянущуюся под оглушающий высокий сигнал, а Мартин обмяк на койке.

— Дедушка! Скорее! — Мелани кричала, не замечая слез, катящихся по щекам.

Профессор уже вкалывал мальчику какой-то стабилизирующий препарат, но сердечный ритм не восстанавливался, продолжая свою высокую ноту неподвижности.

Мелани наклонилась к Мартину, она только сейчас ощутила, как легко он может уйти, оставив ее один на один с этим городом, школой, кошмарными снами и страхами.

— Мартин! Мартин, прошу тебя, не надо! Мартин, я же так не смогу! — Она кричала, наклонившись к койке, вцепившись в его руку.

— Мартин, ты слышишь меня? Ты должен быть сильным, ты должен жить. Нельзя сдаваться сейчас. — Профессор говорил негромко, голос его слегка подрагивал, он напряженно смотрел в лицо Мартина. Оно было бледным и бесстрастным, совсем лишенным жизни.

Профессор опустил на колени и обхватил плечи внука руками, он шептал ему на ухо:

— Не умирай, прошу, не умирай, ты нужен мне, ты мне очень нужен. Мальчик мой, прошу.

Мелани молча смотрела на них, забывая вытирать слезы, ее рот кривился от беззвучных рыданий, а она даже не замечала этого. Мартин умирал, и больше ей ни до чего не было дела, он умирал на ее глазах, а она не могла помочь, могла только молить его вернуться, молить Бога или тех разумных существ, что сотворили этот мир.

Профессор умолк, все еще стоя на коленях перед Марти. Тишина слилась с единой нотой, обозначающей смерть, — и вдруг прервалась. Прервалась бесконечная нота, тишина, смерть — так просто, всего лишь небольшой штрих на мониторе вместо прямой линии означал, что сердце Мартина забилось, означал новую надежду, веру, счастье, жизнь.

— Он жив! Профессор, он жив! — кричала Мелани, не помня себя.

— Спасибо, спасибо мой мальчик. Ты справился, ты смог, спасибо тебе. — Профессор осторожно пожал плечо Мартина. Он медленно поднялся с колен и подошел к окну.

— Теперь все будет хорошо, дедушка? — Мелани взволнованно следила за ним, не понимая, рад ли он.

Голос профессора звучал хриловато, он ответил, не поворачиваясь:

— Да. Я надеюсь, что да.

Он надеялся, но он ничего не мог знать наверняка. Мартину предстояло перенести еще окончательное подсоединение протезов, его мозг будет соединен с компьютером... Никто не мог сказать, преодолет ли он это испытание.

Мелани проснулась и резко поднялась на кушетке. На лбу выступила испарина, а щеки были мокрыми от слез. Она посмотрела на Мартина — он так же спокойно лежал на белых простынях, голова утопала в подушке, но он был жив, он был жив, а это значило, что он все еще борется. Она подошла к нему и аккуратно погладила его беззащитно раскрытую ладонь. Жаль, она не может отдать ему часть своих сил. Мелани снова легла и закрыла глаза. Вот бы заснуть без снов, просто отключиться и на несколько часов забыть обо всем.

Она не видела, что в эту минуту у Мартина дрогнуло левое веко, свело судорогой бровь. Подключенный к мозгу Мартина процессор вышел из режима сна и заработал. На мониторе открылся новый документ. На чистой странице появилась точка, затем еще одна и еще. Курсор перескочил на следующую строку, и на ней начали появляться буквы: сначала медленно, а затем все быстрее, будто бы ребенок начал бить ладонями по клавиатуре. Лист

заполнился бессмысленным набором знаков и тут же очистился. На чистой странице заново начали появляться буквы, которые на этот раз складывались в слова: «Это Мартин. Я слышу вас. Ответьте мне!» Послание оканчивалось строкой восклицательных знаков. Если считать, что восклицательный знак — возможность выразить повышение тона, то Мартин кричал изо всех сил, срывая горло, но показать это мог, только расцарапав чистую строку этим частоколом палочек и точек.

Утром профессор прошел мимо монитора, сонно потирая небритые уже два дня щеки. Он проводил в клинике по несколько суток в эти дни. Его взгляд невидяще скользнул по монитору, посланию Мартина. Он посмотрел на девочку, спящую на кушетке, подложив ладонь под щеку. Приоткрытый рот, веснушки на носу, длинные ресницы подрагивают во сне — совсем малышка. Профессор вздохнул и с сожалением прикоснулся к ее плечу.

— Мелани, девочка, пора просыпаться. Мэри приготовила поесть, а Рон сможет подвезти тебя до школы.

Мел, будучи еще в полусне, начала подниматься, шарить ногами по полу в поисках обуви. Но осознав, что она еще не опаздывает, хорошенько потянулась и взъерошила свои рыжие волосы, запустив в них пальцы.

— Кажется, сегодня хорошее утро, да?

Профессор улыбнулся. И откуда только в ней эта энергия, этот свет? Чтобы он делал без этой малышки...

— Теперь-то уж точно хорошее, — мягко ответил он, но тут же добавил серьезно: — После уроков зайди домой, узнай, как дела у мамы. Я совсем отнял тебя у нее.

— Конечно, зайду. Но не волнуйтесь, мама справляется и без меня. Она все понимает.

— Хорошо. Так, теперь не спорь. — Профессор достал из кармана несколько денежных купюр и протянул их Мелани. — Я нанимаю тебя на должность медсестры, на полставки.

— Но я же просто хочу помогать Марти. Мне не нужно за это платить.

— Я знаю, но у нас не хватает персонала, а ты делаешь работу, за которую мы обычно платим. Ты думаешь, эти деньги будут лишними? Или они тебя недостойны? Пожалуйста, давай ты не будешь меня обижать и сама не станешь обижаться — и все будет хорошо.

Мелани нехотя засунула купюры в свой школьный пенал.

— Я отдам их маме, можно?

— Это твои деньги, ты можешь распорядиться ими на свое усмотрение, — пожал плечами профессор. — Ну что? Новый день, новые дела! Что там у нас с утренними показаниями?

Мелани молча смотрела на монитор. Она вопросительно перевела взгляд на профессора, будто пытаясь понять, может ли это быть шуткой, затем снова пробежала глазами слова на экране.

— Ну, что там такое, Мелани? — профессор заглянул ей через плечо. Он прочитал текст, и сердце сразу же застучало очень громко, отдаваясь в голове, в груди, в пальцах. Он выдохнул и попытался успокоиться.

— Мелани, девочка, подумай сейчас хорошенько и скажи: ты написала это?

— Нет! Я ничего не трогала! Это значит... — Мелани испуганно, не веря в происходящее, оглянулась на профессора. — Мартин...

Профессор ввел какой-то код и начал быстро печатать: «Мартин, это дедушка! Ты здесь?»

Он и Мелани не отрывали взглядов от монитора. Мелани вцепилась в рукав профессора,

ее губы беззвучно шевелились. В таком напряженном ожидании прошла минута. Мелани разочарованно опустила плечи, смущенно убрала руку, осознав, что помяла белоснежный халат профессора. Тот досадливо поправил очки.

— Прости, моя девочка, мне показалось, что ему удалось... — Он прервался. Вдруг на экране снова начали появляться буквы. Они заполнили всю страницу, затем последовательно удалились. И на первой строке чистого файла появились слова: «Я здесь! Я могу отвечать! Я могу!»

Мелани закричала так, как это умеют только тринадцатилетние девчонки, и повисла на шее профессора. А тот обнял ее и все перечитывал слова на мониторе, не веря своим глазам.

Мелани, будто опомнившись, подбежала к Мартину, по-прежнему лежащему на больничной коке. Она ожидала увидеть изменения в его лице, но оно было прежним — белым, безучастным, неживым.

— Я знала. Я знала, что у тебя получится, Марти, — прошептала она ему в самое ухо. — Ты молодец!

— Мелани, — голос профессора прозвучал бесцветно. — Мелани, я не знаю, как ответить.

Она прочитала новое сообщение, высветившееся на экране: «Дедушка, а где папа и мама? Где маленький Ларри?»

— Мы не можем скрывать от него. Но... — Профессор еще раз взглянул на осунувшееся лицо мальчика, на его строгие тонкие губы.

— Мы должны сказать.

Мелани решительно придвинула клавиатуру и начала набирать: «Мартин, дедушка и Мелани здесь, с тобой. Но произошла катастрофа. Папы, мамы и Ларри больше нет. Будь сильным. Мы любим тебя». Она посмотрела на профессора, ожидая, что он остановит ее, но он молча смотрел на монитор. Она отправила сообщение, ощущая при этом, будто запустила в беззащитного друга камнем.

«Иначе нельзя», — стучало в ее голове.

Монитор белел пустотой страницы. Моргал курсор, ожидая появления новых символов.

Профессор повернулся к Мартину и увидел, что из его левого глаза из-под ресниц текут слезы, сбегая по виску и теряются в волосах.

— Тебе придется быть сильным, мой мальчик, так уж случилось, — тихо шепчет он. — Так уж случилось...

Мартин не выходил на связь весь день. Мелани подходила к монитору, но только курсор продолжал глупо подмигивать, будто обещая новые буквы. Она вставала ночью, но монитор так же светился белым. Следующие день и ночь Мартин не давал о себе знать. Не выдержав ожидания, Мелани набрала сообщение и после долгих терзаний отправила ему: «Мартин, скажи что-нибудь. Мы с дедушкой здесь, мы по тебе очень скучаем!» Она смотрела в монитор с отчаянным ожиданием, но курсор продолжал тихо подмигивать, и ни слова не появлялось в ответ...

.....

...Мартин не ощущал своего тела, он будто бы пребывал в огромной светлой комнате, где не было видно ни пола, ни потолка, ни стен, хотя они, конечно же, были, иначе что же это была бы за комната? Сообщение Мелани прозвучало в его сознании. Это произошло так странно: он видел слова, но не слышал голоса. Он вдруг понял, что эти слова были адресованы ему, и он мог ответить на них, лишь сосредоточенно подумав об этом. Сейчас

ему было так пусто, что отвечать что-то казалось просто сверхъестественным действием.

Он не понимал, что с ним, где он, он не помнил, что случилось. Но он знал, что родителей больше нет с ним. Они были мертвы, а это значило, что мама никогда больше не будет заливисто смеяться, откидывая назад голову, не будет ерошить ему волосы теплыми пальцами, не будет смешно целовать его по-эскимосски — носом, а папа никогда не посмотрит на него серьезно, смеясь при этом одними глазами, не скажет: «Ты все правильно понял, сын» — так, что Мартин почувствовал бы внутри тепло разливающейся гордости. И Ларри мертв... Маленький Ларри... Разве могут умирать малыши? Разве могут умирать папа и мама?

Он не чувствовал своего тела, но чувствовал, что плачет. Если бы он не плакал, то не смог бы дышать, он знал это. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как ему впервые удалось заговорить с дедушкой и Мелани. Иногда ему казалось, он слышит их голоса, чувствует тепло прикосновений, а иногда он словно оказывался совсем один, и в этой просторной светлой комнате становилось темнее и холоднее. В такие моменты ему совсем не хотелось двигаться, а, наоборот, закрыть глаза и свернуться калачиком на полу. Сейчас он вдруг почувствовал чье-то присутствие. Вдалеке очертились бледные силуэты. Они становились четче, приближались, и вдруг он различил фигуры родителей.

— Мама! Папа! — он бросился к ним, прорываясь через густой воздух, как через толщу воды. — Я боялся вас больше не увидеть, я думал, вас больше нет!

Он хотел обнять их, но не смог. Только ощутил тепло, но не твердость тел.

— Марти, мой милый, здравствуй! — Мама смотрела на него, а в глазах ее стояли слезы.

— Здравствуй, малыш, — голос отца звучал хрипло.

— Я соскучился! Мне страшно здесь одному!

— Не бойся, ты не должен бояться. Мы так любим тебя, что наша любовь защитит тебя от любой опасности.

— Вас больше нет? Это правда? — его голос сорвался.

— В этом мире — правда. Но мы будем всегда. И ты будешь всегда. Сейчас тебе трудно это понять, но, поверь, это так. Поэтому не нужно бояться, нужно радоваться и жить. Понимаешь? — Мартин ощутил тепло, будто бы его нежно и крепко обняли любимые руки.

— Не бойся жить, Мартин. Не бойся боли, не бойся испытаний, не бойся чувствовать — все это жизнь, а значит, все это счастье. Поверь нам, малыш. Возвращайся.

Если может быть горькое счастье, то Мартин ощущал его в полной мере.

Он понял, что должен делать.

.....

...Мелани не получила ответа на сообщение и целый день ходила из угла в угол, проходя мимо компьютера, заглядывала в монитор в надежде увидеть новые слова, напечатанные Марти, но каждый раз разочарованно опускала голову и снова проделывала свой путь к окну и обратно. «Очень скучаем!» — ей было так неловко и стыдно читать эти жалобные слова.

Она снова взглянула на экран и привычно сделала пару шагов к окну. Ей потребовалась секунда, чтобы осознать, что Мартин ответил. Она кинулась обратно к монитору. «Я хочу жить. Что я должен делать?» — читала она. Не верила, читала снова и снова.

— Дедушка, быстрее! Мартин ответил! — закричала она, опомнившись.

Профессор, разбиравший бумаги в дальнем углу палаты, быстро пересек комнату. Прочитав сообщение Мартина, он удовлетворенно улыбнулся, будто бы знал, что так все и будет.

— Хорошо, я не сомневался в моем внуке. Напиши ему, что мы его услышали. Напиши, что мы верим в него, что мы его поддержим. Напиши, что мы будем учиться!

Мелани удивленно свела брови.

— Учиться? Но как?

— Очень просто, смотри, — профессор наклонился к экрану. — Итак, найди-ка файл Мартина. Так, теперь подключайся к Интернету. Загрузим для начала учебную литературу, я подготовил список.

Они загрузили учебники по всем предметам. Мелани хотела напомнить, что они с Марти еще не проходят астрономию, химию, физику и высшую математику, это только для старшеклассников, и то не для всех. Но, посмотрев на сосредоточенное лицо профессора, примолкла.

Учебники были отправлены Мартину, их поглотило его сознание, а уж как он распорядится этой огромной информационной базой, Мелани и профессор не могли знать наверняка. Они оба восторгались, когда на экране появились новые слова, написанные Мартином: «Я могу выходить в Интернет?»

— Кажется, наш мальчик действительно настроен на работу. Инициатива в такой ситуации — это хороший знак. — Профессор держался деловито и сдержанно, но внутри него билась радость. Как хорошо, что он уже создал программу-помощника для мальчика! Он верил в Марти не зря!

— Мелани, оставь линию открытой, а вот эту программу скопируй в папку Мартина, — он протянул девочке флеш-карту.

— Что это? — Мелани все еще была ошарашена происходящим.

— Это программа искусственного интеллекта. Сейчас Мартин сталкивается с огромными объемами информации, ему нужно будет не только узнать много нового, но и заново научиться видеть мир, управлять своим телом, общаться. Ему нужна постоянная поддержка, для этого я и создал Ларри.

— Ларри? — Мелани переспросила. — Как щенка?

— Ну да, ведь на этом сложном пути ему потребуется преданный друг, а мы с тобой пока не всегда можем до него достучаться. Ларри же будет в его сознании всегда, готовый помочь.

Мелани вставила флеш-карту, и на мониторе появился анимированный белый щенок. Девочка нажала клавишу ввода, и щенок исчез.

— Ну вот, теперь Марти не один, а мы с тобой можем немного передохнуть, — профессор удовлетворенно кивнул.

.....

...Мартин не знал, что может читать и запоминать так много. Удивительное ощущение всеохватности его сознания не оставляло его с тех пор, как он увидел образы родителей. Родители ушли, растворившись в бесконечности окружающего его пространства, оставив ему ощущение теплоты. Мартину совсем не было страшно. Он почему-то чувствовал себя защищенным. Ему скорее было интересно — огромное количество информации поступало извне. Мартин сам не понимал, как, но книги проникали в его память и оставались там, превращаясь в знания. Он не пробегал глазами строки и не слушал чтение вслух. Книга, будто информационное облако, вдруг обволакивала его, заполняя окружающее пространство, и через секунду он понимал, что сигнал считан, книга усвоена. Мир становился все интереснее с каждой секундой, Мартин начал понимать, как сложно, интересно, прекрасно

он устроен. Он проглатывал книгу за книгой. Наконец он ощутил странный дискомфорт, но не понимал, в чем дело. Если бы он мог чувствовать свое тело, он бы ощутил ломоту в затылке и шум в висках — такому количеству знаний нужно время, чтобы улечься в мальчишеской голове.

Мартин напрягся, и ему показалось, что он поднял руку и помассировал ею затылок. Тело его лежало неподвижно на койке, где его и оставили профессор и Мелани, но в своем сознании он уже не мог быть бестелесным. Ему нужно было прыгать, бегать, отвлекаясь от постоянных умственных перегрузок. И сознание умело создало иллюзию физических телесных ощущений. Мартин не до конца понимал, как это произошло, он просто радовался возможности вновь ощутить себя полноценным мальчишкой.

— Ого, как это странно и здорово! — Колени пружинисто согнулись, он оттолкнулся и высоко подпрыгнул, приземлился и, не удержав равновесия с непривычки, упал на выставленные вперед руки. Он ошарашено покрутил головой и рассмеялся. Вскочил, потянулся, вскинул руки и сделал колесо. На этот раз он ловко вскочил на обе ноги и снова рассмеялся от радости и облегчения.

Вдруг он заметил, что кто-то приближается к нему издалека. Очертания были нечеткими, но он уже понимал, что это не человек, а скорее небольшое животное. Он напряженно вглядывался, и вдруг, разобрав, кто это, восторженно вскрикнул и кинулся со всех ног навстречу. Неловко переваливаясь, к нему спешил пушистый щенок. Он уже научился как следует ходить, но так размахивал хвостом от радости, что ему было трудно держаться на ногах. Белая пушистая шерсть, умные глаза и угольно-черный нос — это был Ларри, тот самый Ларри, неловкий и смешной малыш, которого Мартин так полюбил, по которому так горевал.

— Ларри! Это ты?! — Мартин уже хотел было зарыться пальцами в теплый мех, прижать к себе своего любимого пса, но неожиданно услышал в ответ размеренную речь:

— Я программа искусственного интеллекта, я создан, чтобы во всем помогать тебе. Я буду хорошим другом, Мартин.

Спокойный голос так не вяжется для Мартина с образом его глупого маленького щенка, что он остановился, не зная, как вести себя дальше.

— Так значит, ты не настоящий? Ты программа? — Его голос звучал немного разочарованно. — И о чем я только думал... Откуда здесь взяться живому щенку...

— Ты рассуждаешь не совсем верно, Мартин. Что есть реальность? Что значит настоящий? Я создан разумом человека, я мыслю, а следовательно, существую. Нам еще предстоит узнать, кто это сказал и по какому поводу. Нам многое предстоит узнать вместе...

— Да, прости, Ларри. Конечно, ты настоящий... Ты существуешь здесь, как и я. Я ужасно рад тебе, правда. Мы ведь станем хорошими друзьями, да?

— Конечно, для этого я и создан. Чем ты хочешь заняться? Я просканировал информацию, полученную тобой за последние несколько часов. Похоже, ты неплохо поработал, и теперь стоит дать голове отдых. Не хочешь поиграть во что-нибудь?

— Ура! Конечно, хочу! — Мартин подпрыгнул от радости.

— Перед тобой огромный выбор игр и развлечений — Интернет переполнен подобными ресурсами. Я подобрал для тебя лучшие игры из самых разных направлений. Начнем же?

Так потянулась новая жизнь Мартина, несмотря на то, что его тело неподвижно лежало на больничной койке. Это была насыщенная жизнь, сложная, интересная. Он постоянно

учился, огромные тома, найденные в электронных библиотеках, загружались в его память. Он давно одолел школьный курс и теперь продвигался вглубь наук, осваивая специальную научную литературу по физике, химии, биологии, медицине, математике. Он запоминал стихи, романы, философские трактаты и исторические документы. Ему удавалось совместить знания, полученные в самых разных научных отраслях, и, соединившись, подобно фрагментам пазла, они составляли для него новую полную и глубокую картину мира. Он ощущал зависимость каждой детали от общей конструкции, и чем больше узнавал, тем сильнее желал знать больше.

Его обучение не ограничивалось абстрактными знаниями. Под внимательным взглядом Ларри он постигал основы боевых искусств, обращения с оружием, учился водить машину и самолет. Его сознание запоминало, какие сигналы нужно будет послать телу во время прыжка с парашютом, обороны в ближнем бою, стрельбы из автомата и пистолета. Он учился медитировать, управлять своим телом, болью, страхом и возбуждением. Его тело пока было неподвижно, но Мартин знал, что наступит тот момент, когда он встанет с кровати, и его мозг будет подготовлен терпеть и принимать боль восстановления, а в памяти уже будут заложены приемы и трюки. Нужно будет только подождать, пока его тело немного окрепнет.

Когда же он чувствовал, что затылок начинает тяжелеть и виски сдавливают усталость, Ларри предлагал ему поиграть, и Мартин с радостью отдавался игре всей своей детской сущностью. Была ли это охота на вампиров, гонки «Формула-1» или соревнования на сноубордах, он со смехом или страхом, но всегда азартно тратил на эти забавы свое время без капли сожаления.

Моменты, когда в своем сознании Мартин особенно увлекался игрой, физическими испытаниями или погружением в дебри науки, можно было отследить, наблюдая за его физическим лицом. Профессор неоднократно замечал, как дрожат ресницы, как заливаются румянцем щеки, как учащается сердечный ритм и даже пробегает судорога по мышцам мальчика, казалось бы, атрофировавшимся. В такие секунды он спешил позвать Мелани и порадовать ее этими еле заметными проявлениями жизни. Только эта маленькая девочка могла понять, насколько они важны, как много они обещают и как о многом говорят.

Профессор и Мелани видели эти тени внутренней жизни Мартина и ликовали. Но внутренняя гроза, потрясшая его, осталась незамеченной ими. Мартин просматривал газетные архивы, заголовки мелькали, история города с огромной скоростью загружалась в его память. Вот возведение первого культурного центра, открытие музея, новые дома. Вот он вспоминал, что был там еще совсем малышом, вот празднование Дня города. Он вспоминал и новыми глазами видел все городские трагедии: кризис, крупные аварии, нелепые смерти. Но вдруг загрузка новых файлов остановилась. Мартин, не отрываясь, смотрел на газетный заголовок годичной давности «Взрыв в особняке доктора Стоуна». Он понимал, о чем пойдет речь, но не мог решиться и начать чтение. Наконец он сделал над собой усилие, и обрывки фраз замелькали в его голове: «при невыясненных обстоятельствах», «множество жертв», «невероятная трагедия», «не подлежит восстановлению», «ребенок вряд ли останется в живых», «дело закрыто за недостатком улик»... Он почувствовал, что его горло сдавливают невидимые клещи, впервые за долгое время он будто бы приблизился к своему физическому телу, ощутив боль и бессилие. Он чувствовал, что слезы текут у него из глаз, хотел крикнуть, хотел вскочить на ноги и начать ломать все вокруг, вымещая ярость, которая была так огромна, что казалось, она разорвет его голову, его тело, сведет его с ума.

Тело, подключенное к медицинским аппаратам, сводило судорогой, оно тряслось и выгибалось, будто от электрических разрядов, из закрытых глаз текли слезы, рот приоткрылся и грудь вздымалась от неровного дыхания.

Мартин почувствовал, что перестает контролировать себя и вот-вот потеряет сознание, ему стало страшно от того, какая ненависть поселилась в нем, от того, какую огромную власть она имеет над всеми его чувствами.

— По... помоги... — Он уже не понимал, говорит или думает, но услышал в ответ спокойный голос Ларри:

— Основы медитации, Мартин. Ты должен перестать думать, ты должен отключить разум и дышать. Только вдох. Только выдох. Больше ничего.

Мартин почувствовал, что он не один в этом ужасе, и смог выдохнуть. Вдохнул, насколько мог, глубоко и выдохнул снова. Постепенно контроль над телом и разумом возвращался к нему, и он обессилено повалился на спину. В это же мгновение его тело расслабленно застыло на сбитых простынях. О недавнем приступе говорили разве что упавшее на пол одеяло и испарина на лбу мальчика.

— Мне было страшно, и я не знал, что делать. Я был совсем один, и мое тело и мое сознание оставили меня. Я боялся, что умру. Ларри, ты слышишь? — Он испуганно смотрел на окрепшего за это время пса.

— Я слышу, я тоже чувствовал твою боль, твой страх. Но ты должен научиться использовать эту энергию. Сейчас ты не можешь управлять собой, и воспоминания, вызвавшие шок, чуть было не погубили тебя. Но ведь ты впервые почувствовал связь с телом, верно? А значит, скоро ты сможешь вернуться в физический мир. Мы вместе научимся делать так, чтобы эта ярость давала тебе силы для новых свершений, мы обуздаем и одомашим ее, понимаешь, Марти? Мы одолеем эту слабость и сделаем ее нашим преимуществом.

— Хорошо. Только... будь со мной рядом. — Мартин зарылся лицом в густую шерсть друга.

.....

...Ход жизни замедлился. Время не ощущалось, оно превратилось в густую массу, в которой можно было медленно плыть, расслабив руки и ноги, можно было заснуть и проснуться, не заметив перемен. Такой казалась Мартину его жизнь. Он продолжал много читать, следил за новостями и воспитывал свой разум и дух, осваивая все новые и новые дисциплины боя и самозащиты, постигая глубины медитации. Но его тело все еще не было готово к жизни, он больше не ощущал его и не знал, когда снова сможет ощутить физическую тяжесть своей руки, согнуть и разогнуть пальцы, почувствовать прикосновение живого человека. Дедушка и Мелани были рядом, он знал это, он рисовал их образы. Но он не видел их. А мечтал видеть, прикасаться, говорить и слышать ответные голоса, а не только воспринимать сообщения.

Он не чувствовал, сколько времени прошло, ему казалось, что бесконечность. И бесконечность могла длиться еще и еще, а могла оборваться в следующую секунду.

А в действительности времени прошло немало — пять лет. Мелани повзрослела, круглое личико обрело новые тонкие черты, и без того серьезные глаза — новую глубину. Она все так же проводила дни в больнице, только теперь она куда увереннее обходилась с оборудованием и больными, за эти годы став профессиональной медсестрой. Профессор чуть сгорбился, его волосы стали еще белее, но взгляд и улыбка по-прежнему озаряли

светом. Он все так же по-детски открыто и живо отзывался на все новое, читал научные статьи, забывая про все на свете. Они с Мелани превратились в небольшую семью, а центром этой семьи по-прежнему был Мартин.

За эти пять лет работа над восстановлением его тела не останавливалась. Профессор продолжал развивать и совершенствовать протезы, которые со временем стали неотъемлемой частью тела Мартина. Их уже не нужно было отсоединять. Механический глаз был окончательно готов к функционированию и казался естественным на фоне металлической полумаски, составляющей левую половину лица юноши. Профессор ждал, что его мальчик проснется и почувствует свое тело готовым к движению, а не тяжелой обузой. Мелани с удивлением следила, как меняется внешность ее друга. Несмотря на неподвижность, он все же рос, его черты становились строже и взрослее, темные волосы отросли и теперь лежали на подушке черной волной, даже плечи стали шире и не казались такими слабыми рядом с мощными механизмами протезов.

За эти пять лет профессор и Мелани видели разные признаки внутренней жизни Марти, научились по мельчайшим изменениям в линии губ и бровей, по дрожи ресниц, по усиленному дыханию понимать, радуется он или печалится, активно работает или медитирует, почти остановив сердцебиение. Они общались с ним, отправляя сообщения, часто оставаясь за монитором компьютера до утра, не в силах прервать разговор. Они жили как настоящая семья, поверяя друг другу радости и печали, спрашивая совета и делаясь мечтами. Они ждали только одного: когда тело Мартина оживет, когда они приступят к новой, невероятно трудной, но и невероятно радостной фазе его жизни. Они знали, что эта фаза наступит...

— Скоро, Мелани. Я знаю, что уже скоро ему придется выйти из темноты внутреннего мира. Помнишь, я говорил, что он глубоко под толщей воды? Так вот, сейчас он поднялся к самой поверхности. Еще один толчок, небольшое усилие — и он вынырнет из воды, а солнце, что кажется сейчас размытым и бледным, ворвется в его жизнь и ослепит. Сначала ослепит, а только потом согреет, сначала ослепит, а только после — поразит красотой. Понимаешь меня, Мелани? Это страшно. Поэтому он все еще ждет. Но это чудо, от которого нельзя отказаться, поэтому я верю в Мартина, я не сомневаюсь в нем ни на секунду.

— Я понимаю, я все понимаю. Все так, дедушка, все именно так.

.....

— Не пойму, что не так с этой штуковиной, — водитель Рон возился с насосом, подающим воду в фонтан. — Лето на дворе, жара. Наша Мелани меня спрашивает: «Дядя Рон, отчего не почините наш фонтан?» А я знаю? Он отродясь не работал... Но подождите, я с ним разберусь...

— Ты хорошее дело затеял, Ронни, — медсестра Мэри ободряюще похлопала его по плечу. — Будет нам радость в жаркие дни. А как красиво он будет играть на солнце, ты только подумай!

— Скоро, скоро, — отрывисто отвечал Ронни, не готовый тратить свое время и силы на разговоры. Он углубился в работу в полной уверенности, что скоро доведет дело до конца.

— Пять лет этот фонтан не работал, разве что чудо сотворится, а то торчать там тебе, милый мой, до зимы, — пробормотала Мэри, направляясь к лечебному корпусу.

Мартин по-прежнему лежал неподвижно на своей, хоть и оснащенной по последнему слову медицинской техники, но все же койке. Мэри привычно прошла через палату, занесла утренние данные в историю болезни и раскрыла плотные шторы, впусив в палату

солнечные лучи.

— Пусть немного погреемся на солнце, бедный мальчик, — приговаривала она, протирая пол влажной шваброй. — А то ведь совсем бледный лежит, как будто неживой.

Полоска света легла Мартину на лицо.

— Солнце — это ведь тоже лекарство. От солнца и растения оживают, — бормотала Мэри и взялась было поливать цветы на подоконнике, но замерла с лейкой в руке. С резким звуком столб воды прочертил небо и рассыпался брызгами, играющими солнечными бликами. Поток ослаб, но тут же ударил с новой силой, и вот уже несколько струй старого фонтана играли на солнце.

— Неужто получилось? Вот это чудо! — Мэри восторженно смотрела в окно.

В это время Мартин согнул руку в локте и поднес кисть к глазам, закрыв их от слепящего света. Он увидел блестящий механизм — каждый палец — техническое чудо, обвел глазами комнату: белый потолок, стены, яркие зеленые пятна слева — это цветы. Он повернул голову и увидел, что за окном, переливаясь и играя на солнце, ослепительно блестели водяные струи старого фонтана.

— Как... Красиво... — прошептал Мартин и закрыл глаза, обессиленный первыми впечатлениями новой, еще одной своей жизни.

Он не видел, как Мэри подбежала к нему, не веря своим ушам и глазам. Не слышал, как она звала профессора, захлебываясь, пересказывала ему:

— Поднял руку, видела своими глазами! Поднял руку, посмотрел в окно, прошептал что-то и снова уснул! Профессор, я работаю в клинике вот уже тридцать лет, мне ли не быть уверенной!

Он не видел счастливых слез дедушки. Не видел, как Мелани закрыла лицо руками и залилась смехом, таким счастливым, таким безудержным, что суровый старик Рон улыбнулся, услышав его из окна.

Пять лет стали ступенью к новым годам труда, к морю усилий и боли. Но ничто не могло сравниться со счастьем от преодоления этой маленькой ступени.

Когда ты впервые за пять лет поднимаешься, поворачиваешь голову, открываешь глаза — это боль. Солнце слепит, сами собой катятся слезы. Когда ты двигаешь руками — заново учишься управлять совершенно чужими тебе железками, которые должны стать твоими ловкими помощниками, а пока только рушат аппаратуру, отказываются подниматься или опускаться, — это боль, боль, боль в суставах, мышцах, во всем полуживом-полумеханическом теле. Когда ты впервые с усилием садишься на кровати — это счастье. Это победа и праздник. Но счастье — это секунда. Мартин теперь понимал это. Счастье — это секунда, ради которой нужно работать и чувствовать боль. Через секунду, ощущая слабую улыбку на губах, ты уже падаешь на пол, снова потеряв контроль над своими неловкими конечностями. Падаешь, ощущая новую боль. Боль во всем теле, боль, доходящую до самого центра мозга, будто бы прогрызающую себе дорогу, выующую гнездо где-то там, внутри несчастной головы.

Мартин научился договариваться с ней, научился задабривать свою боль. Они почти стали друзьями. Ведь когда проводишь с кем-то бок о бок практически все время, нужно находить какие-то компромиссы. Он убаюкивал ее, ложась спать. И просил: «Тише-тише-тише», когда медленно шел на онемевших ногах, опираясь о стену и бессильно сползая на пол. «Тише-тише-тише» — он знал, что боли не миновать, просто мысленно просил ее не свирепствовать над ним, побежденным. И когда он признавал себя побежденным, боль

слегка утихала, видно, почувствовав свою и без того беспредельную власть. Но с новой силой она взвивалась, когда он, уже было упавший и замерший на полу, поворачивался на живот и начинал ползти, сжав свои наполовину металлические челюсти, не замечая, как из левого глаза текут и текут злые слезы. Боль будто бы боялась проиграть. А Мартин будто бы знал, что когда-нибудь она действительно проиграет. И поэтому позволял себе это унижительное попрошайничество: «Тише-тише-тише», потому что за всеми падениями, ударами, судорогами и сдавленными криками лежала его, Мартина, победа над самим собой, над болью, над смертью.

Мартин ждал этой победы как резкого удара, как вспышки света, как оглушительного рева болельщиков, разрывающего тишину. Но она не была такой. Победа рассыпалась, как брызги фонтана, а он собирал ее по частям и все никак не мог собрать. Он почувствовал, что частица победного ликования у него в кармане, когда впервые, пошатываясь на слабых ногах, секунду простоял без чьей-либо помощи, а затем мешком повалился на пол, разбив губу. Еще кусочек победы он зажал в кулаке, когда, балансируя руками, прошел от койки к окну и, обернувшись, увидел зеленые искорки в глазах смеющейся Мелани. Когда под ободряющие крики деда прошел по еле ползущей ленте беговой дорожки свои первые пятьсот метров и упал без сил, еле дыша и обливаясь потом. Когда с испариной на лбу вывел кривую букву М в детском альбоме для рисования, зажав в руке огромную ручку для начинающих восстановление координации.

Иногда он забывал, что по частям он собирает свою победу, что его счастливая жизнь началась. Что сейчас, в эту самую минуту он должен быть благодарен судьбе за невероятную боль, потому что мог бы не чувствовать ничего и лежать неподвижно, быть мертвым. И тогда боль совсем забирала его, поражая не только тело, но и охватывая отчаянием его разум.

Так случилось, когда он, в очередной раз пытаясь подняться с пола после изнурительной тренировки, обернулся и случайно увидел в зеркале свое отражение: наполовину человек — наполовину робот, с лоснящейся от пота спиной, со спутанными волосами, падающими на бледное лицо.

— Ты ничтожество! — крикнул он отражению с негодованием. Ярость и отвращение захлестнули его, и он, сам не понимая, откуда берет эту нечеловеческую силу, согнул пополам и сломал металлическую раму для ходьбы. Он запустил обломками в зеркало, желая уничтожить это подобие человека, это проявление слабости там, где должна царить сила, желая уничтожить самого себя...

Он швырнул тяжелые обломки и застыл на полу, усыпанный осколками стекла. Тогда ему казалось, что сил не осталось совсем, что он не встанет никогда и умрет здесь, на полу, а из осколков зеркала ему будет ухмыляться неповерженная боль, непобежденная слабость. Его вывел из оцепенения голос, такой домашний, будто бы совсем не встревоженный, а скорее строгий, очень родной.

— Ну и что ты тут делаешь? — Мелани мягко прикоснулась к его плечу.

— Я больше не могу, Мел, — он умоляюще посмотрел ей в глаза, будто прося разрешения сдаться. — Посмотри на меня...

— А ты посмотри на меня. Нет, не отворачивайся, посмотри мне в лицо, — она удержала его подбородок и заставила снова поднять глаза. — Смотри и слушай внимательно. Ты, Мартин Стоун, даже и не думай себя жалеть. Ты самый сильный человек из всех, кого я знаю. И я верю в тебя. Слышишь? Ты справишься с чем угодно, потому что тебя так сильно любят, что мне даже страшно думать о том, что так бывает. Понимаешь меня, ты

понимаешь? — она слегка тряхнула его за плечо.

Мелани говорила строго, даже немного грубовато. И Мартин с удивлением открывал в ней новые стороны, новую, раньше не знакомую ему решимость, силу, страсть.

— Страшно подумать, как сильно тебя любят, Мартин Стоун. Так что перестань себя жалеть и улыбнись мне сию же минуту! — Мелани продолжала пристально и строго смотреть ему в глаза. — Улыбнись, а не то я так тебе всыплю, что мало не покажется!

Мартин представил себе, как хрупкая рыжеволосая Мелани решительно колотит его бездыханное тело своими маленькими кулачками, и усмехнулся. Мелани прыснула в ответ. И через минуту они оба уже покатывались со смеху, останавливались и, едва переведя дух, заливались смехом снова.

Этот безудержный смех, смех, соединившийся с болью, Мартин потом вспоминал как один из самых крупных осколков своей победы. Этот осколок он всегда считал наполовину принадлежащим Мелани.

...Тренировки чередовались с новыми операциями. Тело Мартина обтянули тончайшим слоем силикона со встроенными микрочипами. Он испуганно отдернул руку, впервые за пять лет ощутив возможность осязания. Он все не мог успокоиться и гладил свое лицо, аккуратно проводил пальцами по изрезанному морщинами лбу деда, по удивительно мягкой щеке Мелани, трогал гладкие листья деревьев, нагретую солнцем кирпичную кладку стены, грациозно изогнувшуюся спину соседской кошки и не смог сдержать смеха, когда та лизнула его пальцы своим шершавым языком. Новая кожа казалась совсем настоящей, и Мартин начал выходить за пределы клиники.

Поначалу ему казалось, что все прохожие смотрят только на него, его неуклюжую хромую походку, на его бледное лицо, на его нестройную мимику. Пройдясь вдоль больничного забора в третий, четвертый, пятый раз, он понял, что никому до него нет никакого дела, он сам придумал себе косые взгляды и кривые усмешки. И ему даже стало немного обидно, что никого не интересует человек, заново научившийся ходить.

— Ну ты посмотри на них, идут себе по своим делам, а я тут практически цирковое представление показываю! — шутливо восклицал он, когда Мелани сопровождала его во время очередной прогулки.

— И вправду! — она с готовностью поддержала шутку. — Но, слава Богу, хотя бы один постоянный почитатель у тебя есть. Давай-ка возвращаться домой. Или вернее сказать: бис!

...Шутя, отвлекая себя от боли, он отвлекал себя и от воспоминаний. Но рано или поздно они должны были догнать и ударить больнее любых несросшихся костей, любых растянутых связок. Он знал это и внутренне готовился к этому удару, не желая, чтобы он стал ударом из-за угла, ударом, перехватывающим дыхание.

.....

Но, видимо, к некоторым ударам невозможно быть готовым. Он стоял, опираясь на трость, и локтем чувствовал дедов локоть. Перед глазами прыгали и расплывались лица родителей, выгравированные на внушительной могильной плите. «Кристофер и Элен Стоун. Любящие и любимые», а дальше годы жизни, после несложных вычислений открывающие невыносимо короткие временные отрезки. Мартин уже отчаялся удержать слезы, и они катились из левого глаза, горячие и странным образом облегчающие дыхание, срывались с острой скулы и высыхали под порывами ветра. Он повернул голову и увидел лицо бабушки, его милого старика. Каким слабым он казался сейчас! Горе прибило его к земле, навело тень на лицо. Его вечно живые, любопытные, по-детски ясные глаза сейчас показались Мартину

выцветшими. Он поспешил стереть свои слезы и крепко сжал дедушкино плечо, как будто его внутренняя сила могла передаться через это грубоватое мужское прикосновение.

— За что их убили, дедушка? Это ведь никакой не несчастный случай, это понятно даже чудаку, проспавшему пять лет.

Профессор попробовал улыбнуться, но не смог. Он бессильно пожал плечами:

— Неизвестно. Твой отец был в тот момент на высоте. Многие сильные люди входили в его круг. Иногда, чтобы договориться с такими людьми, необходимо договариваться с собственной совестью, а твой отец не любил и не умел этого делать. Дело сдали в архив, мой мальчик, за неимением улик.

— С одной стороны я понимаю, но с другой — отказываюсь понимать. Папа, мама, еще десяток друзей нашей семьи... Дедушка, у отца были враги? Ведь это целенаправленное уничтожение. Такое нельзя совершить просто так, между делом.

— Не знаю, мой мальчик, не знаю. Он не говорил со мной о таких вещах, он не считал нужным отвлекаться на глупых, жестоких людей. С ним мы много говорили о будущем клиники, о его работе, о его идеях... Он был очень талантлив, знай это.

— Знаю... — Мартин вздохнул, будто решившись признаться в слабости. — Я очень скучаю, все еще невыносимо скучаю по ним, дедушка.

— Я тоже, Мартин, я тоже. Но мы должны продолжать жить! Я знаю, иногда это кажется невозможным, но это необходимо. Когда твоя бабушка умерла, умерла нелепо, слишком рано — от руки уличного грабителя, нам с Крисом казалось, что жизнь кончилась. Но потом мы поняли, что мы есть друг у друга. Я осознал, какое это счастье — растить чудесного сына. А как я гордился им! Он всегда был ужасно самостоятельным, с детства мечтал стать врачом. Я все пытался приобщить его к научной работе, но он отказывался. Он был мечтателем, мой мальчик. Он говорил, что хочет сделать этот мир немного лучше, и, оставаясь хирургом, он видел эти изменения после каждой удачной операции. Что ж... Он был гениальным врачом. Они с твоей мамой были чудесными... Чудесными... Ну, что это я, ты все знаешь и так.

Они медленно покидали кладбище: старик с белоснежной шевелюрой и яркими голубыми глазами медленно шел рядом с прихрамывающим юношей, чье тонкое лицо чуть кривилось то ли от боли, то ли от горечи. За их спинами от тени внушительного надгробья отделился человек в темной куртке и бейсболке с низко опущенным на лоб козырьком.

— Старик и калека. Удачно, — проговорил он себе под нос, глядя в спины впереди идущих. Он прикинул расстояние до машины, что дожидалась его недалеко от входа, еще раз оценивающе посмотрел на фигуры профессора и Мартина, сплюнул себе под ноги и ускорил шаг. Быстро поравнявшись с профессором, он резко рванул из его расслабленной руки портфель.

Профессор вскрикнул от неожиданности и на секунду встретился взглядом с грабителем — мелькнуло ожесточенное, грубое лицо, мутные, будто рыбы, глаза. В памяти профессора вспыхнула страшная ночь, насквозь промоченная дождем, пропахшая дымом и кровью, пропитанная горем. Тогда это лицо так же стремительно мелькнуло перед его глазами, и он остался стоять, чувствуя неловкую легкость в руке, еще недавно оттянутую ношей подарка. Робот для внука. Подарок для внука. Как странно снова наткнуться на этого человека спустя почти семь лет, когда робот перестал быть игрушкой для его внука, а обратился в неотъемлемую часть его жизни в буквальном понимании: Мартин теперь сам наполовину робот...

Мысли пронеслись в сознании профессора, он даже не успел испугаться, скорее удивление застыло на его лице. Грабитель по инерции отвел руку с портфелем назад и качнулся вперед, собираясь бежать к своему напарнику, но вдруг резкая боль пронзила его руку. Он закричал, обожженный неожиданной и непрекращающейся болью, и увидел перед собой широко раскрытые и будто остекленевшие глаза молодого человека.

Эти секунды растянулись для Мартина в бесконечность, все движения казались до невозможности плавными и тягучими, а в голове воцарилась глухая тишина. Будто бы он вдруг оказался под водой. Не отдавая себе отчета, он резко схватил парня в бейсболке за руку, еще даже не осознав, но почувствовав, что это нужно сделать. А затем, увидев его испуганное и ожесточившееся лицо, ощутил, как по телу, от головы и дальше, по рукам и ногам, растеклась ярость. Он сжал руку грабителя, и портфель упал на землю, под пальцами Мартина что-то хрустнуло. Он перехватил руку иначе и с силой швырнул мужчину на землю. Он заранее знал, как именно тот упадет, знал, какие именно кости потенциально могут быть сломанными. Это в памяти возрождались заученные когда-то навыки боевых искусств. Он прижал грабителя ногой к земле, тот уже еле дышал, распластавшись в пыли, а Мартин все давил и давил ногой ему на грудь, сладостно предвосхищая, как через пару мгновений захрустят кости в области солнечного сплетения и этот отвратительный человек перестанет жить. Он вовремя опомнился и убрал ногу, ощутив, что сдавленные крики грабителя заменились молчанием — бедолага уже потерял сознание.

Мартин еще смотрел на безжизненно обмякшее тело у своих ног, когда к нему подскочил второй парень с судорожно зажатой в руках битой. Он увидел, что его напарник упал, и решил, что лучше этого неудачника справится с калекой и стариком. У него под сиденьем машины была припасена укороченная бита, уже давно заботливо утяжеленная вкрученными в нее шурупами. Он разбил этой малышкой не одну голову и сейчас не сомневался в своем превосходстве.

— Эй, клоун, полегче! — Он замахнулся было, но бита скользнула по воздуху, не задев этого бледного парня.

Мартин видел, как бита медленно движется ему навстречу, как меняется напряженное лицо нападающего. Он неспешно отклонился, пропуская биту, и, сделав хороший размах, резко ударил парня кулаком в грудь. Он почувствовал, как она подалась под его рукой, как будто была сделана из сухих веток...

Грабителя с битой согнуло и отбросило назад к машине. Оставив спиной глубокую вмятину, он застрял в погнувшемся корпусе машины. Боковые стекла разлетелись на мелкие осколки, засыпав газон и сиденье в салоне машины. Стоная, парень пытался высвободиться, похоже, так и не осознав, что произошло.

Наваждение Мартина прошло, и он с недоумением смотрел на свои руки, на грабителей, на встревоженное лицо профессора.

— Что? Что это было? Как это у меня получилось? — он посмотрел на дедушку, будто оправдываясь и ища поддержки.

— Когда после взрыва я впервые увидел тебя в больнице, всего израненного и изломанного, я понял, что судьба коварна. Она дважды посмеялась надо мной, наказав за самонадеянность и наивность. Десять лет назад я написал статью, которая позже была опубликована в медицинском журнале. Статья называлась «Киборг — человек нового времени».

— Да, я помню ее, — Мартин качнул головой, еще не до конца понимая, к чему ведет

дедушка.

— Случилось так, что первый киборг в мире — это ты, Мартин. Я должен был изменить твоё тело, сделать его более выносливым, сильным, способным к регенерации и быстрому восстановлению. Я должен был сделать это, чтобы спасти тебя. Речь шла не об экспериментах или научном интересе, речь шла о твоей жизни. Теперь ты не только можешь вести полноценную жизнь, но и развивать возможности организма, которые я заложил в тебя за эти годы. Многие возможности трудно научиться контролировать, но ты должен преодолеть себя, тогда труд будет вознагражден, и ты станешь хозяином своей жизни.

Профессор окинул взглядом грабителей, отправленных в нокаут за какие-то доли секунды.

— О, это огромные возможности, мой мальчик. Огромные...

Мартин с испугом приблизил свои руки к глазам. Они выглядели по-прежнему — те же белые костяшки, те же ладони, почти лишенные естественных линий, линий судьбы — на новой искусственной коже они не отпечатались. В этих руках заключалась невероятная сила, которую ему придется контролировать...

— Мне немного страшно... — доверительно прошептал Мартин.

— Бояться не надо, мой мальчик, — профессор ободряюще потрепал его по плечу. — Пройдет совсем немного времени, и вживление новых органов, протезы, неотличимые от натуральных конечностей, микрочипы и другие механизмы в человеческом теле станут обычным делом. Человек станет более сильным, более здоровым. Он будет лучше и дольше жить. Представляешь это, Мартин? — Профессор поднял глаза к небу. Он уже видел мир будущего, где не было больных и несчастных, где людям жилось немного лучше.

— Да ты у меня настоящий мечтатель, — улыбнулся Мартин, обняв деда своей механической рукой.

.....

...Мартин ощущал себя как человек, долго проспавший в неудобной позе и проснувшийся с ломотой во всем теле. Сперва, проклиная все на свете, он не может встать и падает, наступив на онемевшую ногу. Но вот кровь снова начинает циркулировать в затекшем теле, к рукам возвращается гибкость, ноги снова готовы к ходьбе и бегу. Еще минуту назад встать с кровати, подойти к умывальнику, завязать шнурки казалось невероятно сложным, а теперь стало незаметным, вновь неоцененным.

Какие-то шесть месяцев назад попытка встать на ноги вызывала во всем его теле нечеловеческую боль. А сейчас? Неужели он вознагражден за свои муки? Неужели есть высшая справедливость, некое равновесие испытаний и вознаграждений, которые выпадают на долю человека? Так или иначе, Мартин наслаждался своим телом. Механические протезы, еще недавно казавшиеся ему уродливой заменой человеческих рук и ног, обрели в его глазах красоту и грацию. Его поражало, насколько легко эти совсем недавно неповоротливые железяки теперь отвечали на его внутренние сигналы. Теперь он не заставлял себя сделать еще один шаг, напрягая не только тело, но и сознание, его механическое тело научилось предугадывать его желания. Будто бы в окрепших мышцах и привыкших к послушанию руках и ногах проснулись рефлексy, и тело раньше, чем мозг Мартина, знало, когда нужно сделать шаг пошире и переступить через камень, когда увернуться от брошенного соседскими мальчишками бейсбольного мяча, когда подставить руку, чтобы поймать летящую на пол тарелку, соскользнувшую со стола.

Энергия разливалась в его теле, и он ощущал потребность в энергичных движениях. Ему

невыносимо хотелось бежать наперегонки с ветром, перепрыгивать через бездонные пропасти, плыть, разрезая волны резкими движениями рук.

Выйдя на легкую пробежку вместе с Мелани, он забылся, ощущая, как напрягаются мышцы ног, как ветер начинает свистеть в ушах, как хоровод деревьев по сторонам превращается в единую зеленую стену. Ему казалось, что он летит. Он смог остановиться только через пару минут, но и их хватило, чтобы оставить Мелани далеко позади, изумленно вглядывающуюся вдаль, приставив к глазам ладонь.

— Это было как в кино! — удивленно повторяла она. — Ты бежал с невероятной скоростью, я не шучу. Ты бежал не как человек, понимаешь, Мартин?

Он понимал. Те безграничные возможности его тела, о которых говорил дедушка, больше не пугали его. Он хотел все новых и новых испытаний, он хотел знать, на что способен.

Едва оттолкнувшись от края бассейна, он уже оказывался по другую его сторону, ничуть не устав.

— Я ведь и плавать-то как следует не умел, — с удивлением думал Мартин. — Не зря, не зря были изучены все эти стили плавания. Уже заложенные в память навыки быстро переходили во владение тела.

Уже однажды испытанная им сила рук снова удивила его, когда он решил попрактиковать пару ударов. Задний двор еще пару недель назад по его же просьбе оборудовали как небольшой спортзал: несколько боксерских груш, пара тренажеров, штанга и набор утяжелителей. Первый же удар с корнем вырвал железный крюк, вкрученный в деревянную балку, на котором груша спокойно висела до встречи с кулаком Мартина. Отлетев метров на двадцать, она застряла в дальних зарослях. Когда Мартин нашел ее, пробравшись сквозь высокую траву, то обнаружил, что в самой ее середине, там, куда пришелся удар, лопнула кожа и из дыры на землю тонкой струйкой высыпаются опилки.

«Пала жертвой технического прогресса, — усмехнулся про себя Мартин. — Да что уж — героически пожертвовала жизнью!» Он легонько пнул грушу ногой, подняв в воздух целое опилочное облако, и отдал честь, вытянувшись по струнке.

— Не ты первая, не ты последняя, дорогая моя, — проговорил он и быстро побежал к дому. В его голове уже кипел план тренировок. Если сейчас, не прилагая усилий, не зная хорошенько, как надо бить, плавать, бегать, просто оживляя воспоминания, заложенные в его мозге за эти пять лет накопления информации, он мог такое, то насколько же огромны физические ресурсы его тела?!

Он ворвался в кабинет деда, когда тот собирал какие-то бумаги со стола, явно собираясь уходить.

— Дед, ты уходишь? Мне нужна твоя помощь. Я пять минут назад пробил рукой боксерскую грушу и... — Он не договорил, профессор остановил его взглядом из-под бровей.

— Я видел, окна моего кабинета как раз выходят на задний двор. Я так понимаю, ты еще просто не успел убрать последствия своей короткой тренировки. Не думаю, что Рон будет рад перспективе тащить наполовину выпотрошенную боксерскую грушу к мусорным контейнерам. А когда разберешься с этим делом, спускайся в подвал, я тут кое-что уже рассчитал.

Краем глаза Мартин заметил формулы, написанные мелким почерком на листах, собранных профессором в плотную стопку, схематическое изображение механической руки

и ее мышц.

— И можешь не торопиться, по твоим нынешним меркам, я окажусь в подвальном помещении еще очень не скоро. — Из-под строгих бровей профессора блеснули насмешливые и лукавые глаза.

— Хорошо, я скоро. То есть, я потихоньку. То есть... — Мартин рассмеялся и, махнув рукой, ветром пронесся по лестничным ступеням.

Спустившись в подвал, Мартин удивленно присвистнул. Еще недавно заставленный коробками со старыми вещами, списанной аппаратурой и поломанной мебелью подвал теперь превратился в современный зал для спортивных тренировок. Профессор как ни в чем не бывало проверял что-то в настройках беговой дорожки.

— Ну что, мой мальчик, пора серьезно тобой заняться, как ты считаешь? — он похлопал рукой по приборной панели, приглашая Мартина приступить к тренировкам. Тот, все еще озираясь вокруг, шагнул на ленту.

— Эти датчики помогут нам понять, каков предел твоих физических возможностей, — проговорил профессор, подсоединяя присоски с длинными проводами к вискам, груди и запястьям Мартина. Он подошел к плоскому экрану компьютера, на котором появилась 3D-модель юноши.

— Если почувствуешь, что тебе слишком просто бежать, нажми вон на ту клавишу, она ускорит движение ленты. Но не старайся сейчас показать свой лучший результат, мне нужно понимать, какова твоя норма.

Мартин кивнул и легко побежал, нажимая на клавишу еще и еще, не ощущая напряжения и не чувствуя, насколько он разогнался. Человечек на экране компьютера, за которым следил профессор, так же заработал ногами. В таблице рядом с его изображением быстро менялись цифры: 5, 7, 12, 23, 58, 103, 185 километров в час. Профессор поправил очки, и пригляделся к показателям. В них не было ошибки, и все органы Мартина работали так же размеренно, как если бы он спокойно прогуливался, дыша полной грудью. Его легкие и сердце будто бы и не подвергались нечеловеческим нагрузкам.

— А теперь попытайся ускориться! — крикнул профессор через плечо, быстро записывая показания в карманную записную книжечку. Мартин кивнул и напряг мышцы, собираясь показать дедушке, на что он на самом деле способен. Сердце человечка на экране забилось быстрее, дыхание стало интенсивнее, окрасились в красноватый цвет ноги, демонстрируя мышечное напряжение. Цифра, показывающая скорость, резко скакнула до 312, сменилась снова, уже дойдя до четвертой сотни, но тут Мартин со смехом спрыгнул с еще движущегося тренажера.

— Похоже, что эти тренировки выльются для нас в целое состояние, дед, — немного смущенно проговорил он и запрыгал на месте, стараясь поскорее скинуть раскалившиеся кроссовки. Беговая дорожка замедляла свой ход, беспомощно шлепая по полу разорвавшейся резиновой лентой...

Сила и выносливость Мартина настолько превосходили человеческие, что компьютер не всегда мог отследить и зафиксировать результат. Мартин с легкостью поднимал груз весом в полтонны, ощущая в себе силы поднять штангу в десять, в двадцать раз тяжелее. Он разрывал боксерские груши ударом кулака, так и не израсходовав всю мощь, заложенную в напряженном бицепсе.

— Попробуй это. Твой кулак должен выдержать, но все же будь осторожен, — профессор указал Мартину на толстую стальную плиту, прислоненную к стене.

Мартин оценивающе окинул взглядом зеркальную поверхность и резко ударил в ее центр кулаком. На гладкой поверхности отпечатался след от сжатого кулака. Мартин выдохнул и начал бить кулаками в плиту, еще и еще, напрягая мышцы, не чувствуя боли в руках. В какой-то момент он испугался, что может испортить искусственный кожный покров на своих руках, и остановился, придирчиво осматривая костяшки. Перед ним, по-прежнему прислоненная к стене, стояла плита, вся испещренная вмятинами.

— Не волнуйся, руки будут в порядке. Я предвидел возможные нагрузки и укрепил состав покрытия, — успокоил его профессор. — Ты обладаешь огромной мощью, мой мальчик, но тебе нужно уметь контролировать свою силу. Ты должен понимать, что твое тело подчиняется твоему сознанию, — профессор легонько дотронулся пальцем до виска Мартина. — Когда я создавал Ларри, я знал, что он поможет тебе спастись от одиночества, страхов, но сейчас он может помогать тебе в управлении своими внутренними ресурсами. Пусть он рассчитывает силу удара, скорость бега, напряжение в мышцах, фокусировку зрения, тонкость слуха, пусть он станет твоим штурманом и проводником. Твои возможности безграничны, стоит только обратиться к глубинам своего сознания.

В этот день они оба забыли про время, не вышли из своей спортивной лаборатории ни к обеду, ни к ужину. Только уже поздно ночью профессор охнул, взглянув на электронные часы, висящие над входной дверью.

— Марти, тебе необходим отдых! И я, старый дурак, тоже хорош, забыл обо всем на свете!

— Я совсем не устал, дед, честно! — Мартин довольно улыбался, разминая плечи.

— Ну что ж, тогда я покажу тебе кое-что напоследок. Знаю, будет трудно, но сейчас ты готов.

Профессор достал из шкафа пару массивных ботинок на шнуровке и поставил перед Марином:

— Надевай, эти не должны расплавиться.

Мартин ловко зашнуровал ботинки и выпрямился, ожидая новых указаний.

— Ну что ж, теперь беги. Беги настолько быстро, насколько можешь, и не останавливайся перед привычными препятствиями.

Мартин кивнул и через секунду затормозил у противоположной стены, обернулся и вопросительно посмотрел на деда.

— Я не просто так сказал тебе не останавливаться. В тебе куда больший потенциал, чем ты можешь подумать. Ты легко можешь преодолеть эту стену и взбежать по ней к потолку, если только не остановишь себя сам. — Профессор серьезно смотрел на Мартина.

— Взбежать по стене? Но здесь несколько метров в высоту. Ты не шутишь?

— Твое тело управляется твоими мыслями, помни об этом. Если ты будешь знать, что пробежишь по стене и потолку, не замедлив скорости, не почувствовав сомнений, то твое тело подчинится приказу сознания. Ты должен суметь ввести себя в состояние самоконтроля. Вспомни дни, когда ты постигал основы медитации, боевых искусств и погружался в глубины научных исследований. Тогда твое тело было бессильно, но разум был невероятно развит. Сейчас у тебя в распоряжении все те же ресурсы, только теперь твое сознание может управлять физическим телом. Это новый шаг к развитию, который необходимо совершить. Не бойся начать, мой мальчик. Скоро ты поймешь, как это просто.

Мартин с готовностью кивнул. Он повернулся лицом к стене и сосредоточенно вгляделся в ее поверхность. Ни маленькой трещины, ни впадинки, ничего, за что можно

было бы зацепиться ногой. Он потряс головой, отгоняя лишние мысли, и рванул с места, приказывая себе не останавливаться. Дух захватило, он, сам не понимая, как, взбежал вверх по стене, не замедляясь, перевернулся вниз головой и сделал несколько шагов по потолку и, неловко взмахнув руками, упал на пол, пребольно ударившись спиной. Он все еще недовольно сопел, растирая ушибленную поясницу, когда к нему подошел улыбающийся профессор.

— Ты знаешь, почему ты упал?

— Я бежал недостаточно быстро? — Мартин посмотрел на дедушку снизу вверх, ожидая услышать математические данные о скорости его движения по прямой.

— Нет, ты упал, потому что думал о том, что упадешь, — профессор протянул Мартину руку и помог подняться. — Вспомни, как это было тогда, когда ты еще не был отягощен своим телом.

Мартин закрыл глаза и представил себя снова в той комнате без границ, без времени, без законов физики. Он снова увидел окружающий свет и ничего больше. В белом свечении потонули все лишние мысли, все страхи и неуверенность. Он будто бы со стороны посмотрел на свое тело и услышал голос Ларри: «Скорость соответствует задачам, организм в норме, расстояние достаточное». Он почувствовал приятное напряжение в мышцах и сорвался с места. Он видел, как его тело поднимается по вертикальной поверхности стены, переходит на потолок и спускается по противоположной стене. Он ощущал эйфорию и, не желая останавливаться, а лишь набирая скорость, кружил по комнате, оставляя следы от тяжелых ботинок на потолке и стенах.

— Я понял, я все понял. Я могу контролировать свое тело. Это нельзя описать! — выдохнул он наконец, остановившись перед довольно улыбающимся профессором.

— Я так рад, что вижу это, мой мальчик. Мы с тобой входим в технотронную эпоху, мы сами ее создаем! Сейчас ты должен осознать, что ты не имеешь права на страх и слабость. Твои возможности так велики, что не оставляют за тобой право на эти человеческие пороки.

— Ты хочешь сказать, что я уже больше не человек? — Лицо Мартина было по-детски встревожено, он был напуган тяжестью ответственности, лежащей на его плечи.

— Я хочу сказать, что ты теперь не такой, как все. Ты человек будущего. Человек совершенной эпохи. От тебя зависит то, каким образом эти новые технологии вольются в человеческую жизнь. Ты должен понимать, что в тебе заключена огромная сила, такая же спасительная, как и разрушающая. И необходимо, чтобы ты мог контролировать эту силу. Ты понимаешь меня, мой мальчик? Не нужно бояться. Ты тот, кто ты есть, ты первый технотроник Земли. И я верю, что это произошло неслучайно. Не каждый смог пройти через испытания, что выпали и еще выпадут на твою долю. Ты на своем месте и не должен бояться, ты должен спокойно делать свое дело, верно? — Профессор заглянул в испуганные глаза Мартина и почувствовал, как что-то в них изменилось, как будто глубже и спокойнее стал взгляд.

— Я понимаю, дедушка. Все будет так, как ты говоришь. Я не стану врать, я отдал бы все эти способности, все это блистательное будущее и власть за то, чтобы вернуть все назад, снова оказаться дома с папой и мамой. Но я понимаю, что все происходит так, как должно происходить, и я спокоен.

— Ты должен знать еще кое-что, — профессор обнял внука за плечи. — Я очень люблю тебя, мой мальчик. И для меня ты навсегда останешься тем смышленным мальчуганом, которому я рассказываю о коллективном разуме муравьев, объясняю, отчего небо голубое, а

морская вода — соленая. И этот мальчуган навсегда останется для меня важнее технического прогресса и технологий будущего.

— Ну, не такой уж мальчуган. — Мартин сконфуженно обхватил руками колени. — Если ты не забыл, твоему внуку завтра исполняется восемнадцать лет.

— Не тут-то было, я еще тоже не совсем уж выжил из ума! — профессор радостно рассмеялся. — Ну, а теперь пойдем чего-нибудь перекусим, а? Я бы не отказался от блинов с вишневым джемом.

На следующее утро Мартин встречался с Мелани в городском парке. Они любили иногда пройтись по нему, пока город еще только просыпался и на зеленых лужайках еще не было семей с крикливыми детьми, целующихся парочек и молодых шумных компаний.

— С днем рождения, Мартин! — Мелани протянула ему маленькую коробочку, перевязанную лентой. — Знаю, ты не любишь этот день, но все же...

Он улыбнулся и взял в руки коробочку, аккуратно развязал ленту и открыл крышку. На его ладони лежал белоснежный цветок, дышащий свежестью. Он удивленно переводил взгляд с цветка на отчего-то залившееся краской лицо Мелани.

— Ну вот, я так и знала, что тебе не понравится. Это с самого начала была глупая затея! Но я подумала, что учебный год почти закончился, скоро мы получим аттестаты и никогда больше не вернемся в школу, никогда уже не почувствуем себя детьми. И я бы хотела... Может быть, это глупость, но я бы хотела, чтобы ты пошел со мной на наш школьный бал. — Она подняла голову и прямо посмотрела на Мартина.

— Ну что ты, я просто не понял... Мел... Да послушай меня, Мел, — он взял ее за руку. — Конечно, мы пойдем, я сам хотел этого, просто боялся, что ты не станешь танцевать с неуклюжим киборгом. И я бы никогда не нашел такого прекрасного цветка. Мел, это лучший подарок, правда. А ты — лучший друг.

— Конечно, лучший. Тем более что выбирать тебе особенно не приходится! — рассмеялась она и состроила горестную гримасу. — О, тяжелая ноша человека будущего — танцевать на балах с кем попало! И вы только подумайте, попалась ему совершенно рыжая! Вот уж не было печали!

— Прекращай, я всегда говорил, что у тебя удивительные волосы! — Мартин хотел сказать что-то еще, но Мелани снова скорчила рожу, и он не смог удержаться от смеха.

— Дамы и господа, мне восемнадцать лет, я вступаю в пору взрослой жизни и смеюсь над полнейшей ерундой. Поприветствуйте, Мартин Стоун, человек будущего!

Они продолжали дурачиться, подходя к крыльцу клиники, но остановились в молчании, увидев, что у ступеней припаркован блестящий черный мотоцикл. Каждая линия его конструкции говорила о мощности, обещала скорость. На сиденье лежали два новеньких шлема.

— Как думаешь, это для... — Мелани вопросительно смотрела на Мартина.

— Да, конечно, это для Марти, — профессор, улыбаясь, спускался по ступенькам главного здания. — Тебе нужно будет получить аттестат. Школьный автобус тут не ходит, а это значит, что вам с Мелани понадобится какое-то средство передвижения. Я подумал, что глупо было бы покупать тебе на восемнадцатилетие велосипед, тем более что ты давно уже изучил не только правила и технику вождения мотоцикла, но и управление военным самолетом. Поэтому я за тебя спокоен. И если что, Ларри всегда на чеку.

— Дед, это супер! Я все детство о таком мечтал — и вот! — Мартин нетерпеливо провел рукой по мощному корпусу мотоцикла. — Можно?

— Узнаю того мальчугана, что не мог нарадоваться радиоуправляемому самолету лет эдак семь назад. Та же улыбка, тот же горящий взгляд, только игрушки стали побольше! — рассмеялся профессор. — Конечно, можно, это ведь теперь твой мотоцикл!

— Можно мне с тобой? — робко спросила Мелани.

— Конечно! И не волнуйся, на видеодроме я обошел самого Валентино Росси, а Ларри уже давно замучил меня инструкциями и правилами вождения! Перед тобой самый быстрый и при этом самый аккуратный гонщик в этом городе! — Он на секунду замялся. — Да что уж там — наверное, и во всем мире!

— Тогда я ничего не боюсь! — рассмеялась Мелани и надела защитный шлем.

Они мчались по трассе, лавируя между машинами. Мелани изо всех сил прижималась к спине Мартина, вцепившись руками в грубую куртку, и старалась не закричать от страха, смешанного с восторгом. Не снижая скорости, они пролетели мимо поста патруля, ветер от их движения вихрем закрутил штрафные талоны, аккуратно лежащие под стеклом полицейской машины.

— Ты что-то заметил? — упитанный полицейский на секунду оторвался от поедания пончика с глазурью.

— Кажется, ничего. Передай-ка мне еще кофе, Фрэнки, эта работа меня доконает.

А в это время черный мотоцикл, набирая все большую скорость, уносил Мартина и Мелани за пределы города, на свободную трассу, туда, где заканчивались узкие грязные улочки и открывалось чистое небо, сливающееся с линией дороги.

— Скоро будет резкий поворот, — голос Ларри прозвучал в сознании Мартина. Механический глаз считывал расчеты, прогнозирующие движение мотоцикла. — Советую сбавить скорость, Росси.

— Я тебя понял, друг, — тихо проговорил Мартин, крепче сжимая ручку газа. — Ничего страшного, я беру это под свой контроль.

Мотоцикл на огромной скорости вписался в поворот и мгновенно превратился в маленькую точку далеко на горизонте.

.....

...Лето с уверенностью победителя вступило в свои права, раскалило асфальт, машины и крыши домов, подняло повыше синее небо с клочковатыми обрывками облаков и вернуло ценность вечерам с их прохладой и мягкими сумерками. Будущие выпускники со страхом или с трепетным нетерпением ожидали итоговой аттестации, которая должна была положить конец школьным дням и, как им казалось, стать началом совершенно другой, взрослой жизни. Мелани просиживала дни за стопками учебников, пытаясь за последние несколько дней возместить пробелы в учебе, которые накопились за дни и бессонные ночи, проведенные в клинике. Она шепотом проговаривала формулы, которые, едва уложившись в памяти, обретая смысл и связь с типом алгебраической задачи или геометрической фигурой, тут же перемешивались, оставляя только досадный осадок и путаные обрывки цифр и знаков. Она, уже не пытаясь понять смысл, зазубривала теоремы и формулы, пока голова не начинала гудеть, а затем выходила в их с Марти любимый парк, где можно было лечь на траву и ненадолго забыть о предстоящем экзамене.

Мартин пытался помочь Мел с подготовкой, но, начиная объяснять простейшие теоремы, тут же увлеченно дополнял школьные задачки объяснениями из разряда семинарских занятий в университете. Ему казалось, что, узнав больше, Мелани тут же все поймет. Его мозг, молниеносно усваивающий информацию, не давал Мартину возможности

поставить себя на место обычной ученицы выпускного класса, у которой в голове перепутались треугольники, площади, косинусы, синусоиды и пределы. Он быстро забросил свои преподавательские попытки и просто приходил в парк вместе с Мел, считая вечер удачным, если заставлял ее рассмеяться.

В день экзамена жара, будто сжалившись над учениками, немного спала, и прохладный ветерок приподнимал пока еще чистые листы итоговых тестов, разложенные на партах. Преподаватель, записавший на доске точное время начала экзамена, пожелал ребятам удачи и разрешил приступать к решению тестов.

— Постарайтесь сейчас вложить в эти ответы все, что вы узнали за годы учебы. И главное — будьте спокойны, это едва ли не главная составляющая успеха, уж поверьте моему опыту. Ну что ж, начали!

Мартин окинул взглядом залитый солнцем класс, склоненные головы и забегавшие по страницам карандаши. Его старые знакомые — парни, докучавшие ему насмешками и задиравшие его в младших классах, ничуть не изменились, они так же переглядывались на задних партах, стараясь незаметно скатать ответы у какого-то заучки, сидящего впереди. Мелани все так же была рядом с ним. Она сидела за соседней партой, запустив одну руку в свою рыжую шевелюру, второй медленно переворачивая страницы теста, на лице — сосредоточенность и, кажется, отчаяние. Мартин знал, что она почти не спала, судорожно повторяя ночью параграфы учебников.

«Ну что ж, начали», — тихо проговорил он про себя. И, не останавливаясь на размышления, начал заполнять пустые графы в тестовых заданиях. Все эти вопросы казались ему азбучными истинами, но Ларри все равно внимательно отслеживал каждое движение карандаша, проверяя, не допустил ли Мартин случайной ошибки. Быстро покончив со своей стопкой листов, Мартин быстро взглянул на преподавателя. Тот внимательно следил за учениками, но на секунду отвлекся на свои часы, сверяя их с большим циферблатом, висящим над доской. Мартин быстрым движением заменил только начатые тесты Мелани на свои, испещренные пометками, и как ни в чем не бывало начал заполнять пустые клетки. Мелани вспыхнула и уткнулась лицом в свое спасение — правильные ответы.

Мартин быстро закончил с присвоенным тестом, вписал свою фамилию в пустую графу вверху страницы и, положив аккуратную тонкую стопку листов на стол преподавателя, вежливо кивнул ему и вышел из класса. Преподаватель удивленно взглянул на часы, а затем, пробежавшись глазами по ответам Марина, изобразил беззвучные аплодисменты: впервые на его памяти ученик спокойно покидал класс через пятнадцать минут после начала экзамена, сдав безошибочно заполненный тест.

Мартин вышел из здания школы и спокойно оперся о мотоцикл, припаркованный неподалеку. Мелани должна была выйти с минуты на минуту. Через десять минут он уже прогуливался перед крыльцом, через двадцать опустился на ступени... Мелани, смущенно улыбаясь, показалась в дверях школы только через час.

— Мне бы никто не поверил, если бы я сдала безошибочно выполненный тест через десять минут после начала экзамена. Мои любимые оценки — это тройки, ты же знаешь. Поэтому я исправила пару твоих правильных ответов и не спешила сдавать работу. Конспирация, Марти, ты же должен был что-то такое изучать! — Она хитро прищурилась, но тут же рассмеялась, а вслед за ней рассмеялся и Мартин.

— Кажется, мне нужно взять у тебя пару уроков! — шутливо ответил он.

Они не заметили, как остальные ученики высыпали на школьный двор: кто-то

взволнованно обсуждал варианты ответов, кто-то уже забыл о тестах и весело болтал о предстоящем лете. Новый мотоцикл Мартина тоже не остался без внимания, его тут же окружили любопытствующие, желающие прокатиться или хотя бы дотронуться до руля. Мартин со смущенной улыбкой поворачивался то к одному, то к другому, не успевая отвечать на вопросы. Неторопливо и уверенно к столпившимся подошли Стив, Джонни и Алекс — давние знакомые Мартина. Расшатанная походка, нагловатые взгляды, усмешки, застывшие на лицах, — все как прежде, будто бы и не было этих лет, будто бы Мартин снова оказался в начальной школе.

— Неплохой транспорт для калеки, да, Джонни? — Стив как всегда держался чуть впереди. Он будто бы обращался к своему дружку, но смотрел в упор на Мартина.

— Мне кажется, он будет рад дать нам его во временное пользование, Стив, — с готовностью откликнулся Джон из-за плеча своего главаря.

— Тем более что за это мы не станем вспоминать былое и портить его белое личико некрасивыми синяками, — лениво добавил Алекс, будто бы невзначай разминая пальцы рук, сжимая и разжимая кулак.

— Это верно, тем более что он стал совсем красавчиком без своих очков. Где же твои толстые линзы, дружок, или, может, ты их потерял по дороге? Тогда тебе тем более нельзя за руль. С твоим-то зрением я бы опасался на улицу выходить, да, ребята? На улице ведь так небезопасно, — Стив издевательски растягивал слова, подходя все ближе и ближе к Мартину, задиристо поднимая подбородок.

Мартин спокойно наблюдал за действиями своих бывших одноклассников, он даже не поморщился, когда Стив толкнул его в плечо и положил руки на руль мотоцикла.

— Он мне нравится, парни. А Марти должен отдохнуть после экзамена, он так старался — закончил раньше всех...

— Отдохни, Марти, — издевательски подхватил Алекс. — Возможно, тебе даже стоит прилечь.

Парни переглянулись. Джон будто бы невзначай поигрывал надетым на пальцы кастетом. Алекс резко выхватил нож, чем заставил толпу зевак отшатнуться, но, удовлетворенный произведенным эффектом, стал поигрывать им.

— Отдохни, а мы пока покатаемся. Немного. Ну, может быть, возьмем твою игрушку на пару дней, если понравится. Но ты же знаешь, что нужно делиться, верно? — Стив уже уверенно закидывал ногу, чтобы усестись за руль.

— Вы совсем не изменились, — голос Мартина прозвучал очень спокойно и даже тихо.

— Ты что-то сказал? — Стив резко повернулся к Мартину, готовый ударить.

— Все так же больше похожи на животных, — закончил Мартин, будто бы не замечая агрессии.

— Ты должен тихо радоваться, что ходишь по нашему району, и не раскрывать рот, придурак. Такие, как ты, должны ползать по земле, как тараканы. Не зря тебе переломали все кости, да дедуля подлатал, пошел против природы. Лучше заткнись и отойди, недоносок, или тебе мало, что твоих родителей завалили? Хочешь к маме с папой? — Стив подошел так близко, что Мартин чувствовал его дыхание. Еще секунду назад он ощущал ледяное, звенящее спокойствие, будто бы со стороны наблюдая за кривляниями этих неумных и жалких подростков, но стоило одному из них сказать что-то о родителях, как в голове у Мартина будто бы что-то взорвалось, ослепив его, оглушив, затуманив сознание.

Мелани видела, как лицо Мартина побелело, губы сжались, а в глазах появилась

невиданная ею раньше ледяная глубина. Она хотела что-то сказать, остановить Мартина, чувствуя, что он может сделать что-то страшное в это минуту, но остановилась, поняв, что этот человек перед ней — не совсем Мартин, ее смелый и при этом смешной и по-домашнему родной друг. Она видела в нем чуждую ее Мартину жестокую холодность.

— Ты зря вспомнил о моих родителях, — все так же спокойно проговорил Мартин. Но такой железный холод проступал в его интонациях, что окружившие его ребята опасливо отступили. Стив тоже ощутил толчок страха, но заглушил его, начав нападение первым. Он быстро, без лишних слов и предупреждений занес кулак для удара. Наверное, так же быстро исподтишка нападают шакалы. Но кулаку Стива не суждено было снова рассечь скулу Мартина, как это случилось когда-то в детстве, когда-то в другой жизни. Будто не совершая усилий, Мартин чуть отстранился и быстро перехватил руку Стива. Время словно замедлилось, и он успел заметить недоумение на лице парня, а затем сменившую это выражение гримасу боли — он сжимал своими пальцами кулак Стива, чувствуя, как кости, сначала упруго сопротивлявшиеся давлению, начинают хрустеть, как по одной из костей прошла трещина... Усилием воли Мартин заставил себя разжать руку и ударом в грудь отбросил скулящего Стива к ногам зевак. Он корчился на земле, не пытаясь встать, еще больше походя на жалкого раненого зверя.

В это время кулак Джона с крепко зажатым кастетом уже несся к виску Мартина. Такой удар мог бы убить менее быстрого противника, но Джон уже потерял способность оценивать свои действия, он видел, что Стивен упал, что кто-то покусился на неприкосновенность власти их банды. Он не думал, он, как разъяренный зверь, бросился в бой. Но Мартин снова ушел от удара и, продолжая движение корпуса, будто бы не совершая усилия, наклонился и, повернувшись в воздухе, нанес незадачливому Джону сокрушительный удар ногой в голову. Грузное тело Джонни отлетело на несколько метров и проехало по асфальту. Он еле слышно стонал, не пытаясь подняться. Лица ребят, окруживших дерущихся в ожидании обычной школьной разборки, выражали потрясение и ужас. То, с какой силой Мартин раскидывал своих противников, казалось им чем-то фантастическим, нереальным, их шокировала спокойная жестокость Мартина, не выработанная в азарте драки, а рассчитанная до последней мелочи.

Последний из уцелевших парней, Алекс, всегда был похитрее своих дружков. Сейчас он оценил, что не сможет сравняться с Мартином. Он, будто бы желая сдаться, поднял руки и как-то боком начал отступать. Оказавшись прямо напротив Мартина, он резко выхватил нож, но успел только замахнуться. Мартин тут же перехватил его руку и в этот раз, не давая себе времени одуматься, с силой сжал ее, превращая в месиво тонкие человеческие кости, сминая их, как сухие веточки. Мартин разжал руку, только когда понял, что до этого нечеловечески кричавший Алекс умолк и обмяк на земле, потеряв сознание.

Он осмотрел искаженные страхом, потрясенные лица школьников, все еще стоявших вокруг, тела бывших одноклассников, побелевшее лицо Мелани, ее широко раскрытые глаза.

— Мне нужно идти. Мел, ты со мной? — он проговорил тихо, с неловкостью эти бытовые фразы, будто бы только что закончил читать книгу, сидя на парковой скамейке.

Стивен поднял голову и попытался что-то сказать, но еще секунду назад почувствовавший раскаяние Мартин резко оборвал его:

— Теперь ты знаешь, что такое боль.

Мелани надела шлем и села позади Мартина, обхватив его руками. Она старалась вести себя как можно спокойнее, но он почувствовал, что ее бьет мелкая дрожь. Он рванул с места

и понесся, обгоняя машины, ощущая досаду за свою неожиданную жестокость и отголоски той нечеловеческой холодной ярости, которая заполняла его там, на школьном дворе. Он упрямо увеличивал скорость, хотя понимал, что едет уже слишком быстро, ощущал, что Мелани все сильнее и сильнее сжимает руки. Он будто бы безотчетно хотел показать ей, что эта его часть — пугающая, жестокая. Киборг, непохожий на того доброго мальчугана Марти семь лет назад, теперь всегда будет присутствовать в их жизни.

Мелани закрыла глаза и спряталась за спиной Мартина от встречного ветра. Она перестала думать о том, с какой скоростью они несутся по трассе, она бессознательно снова и снова воспроизводила в памяти лицо Мартина — спокойное, белое, со сжатыми в тонкую нитку губами, его руку, сжимающую неестественно искажающуюся кисть кричащего парня. Она бы и секунды не смогла выдержать, зная, что она — причина такой боли, а Мартин спокойно продолжал сжимать пальцы, наблюдая, как парень оседает на землю, будто не слыша его крика. Снова и снова вспоминая эту страшную сцену, Мелани с удивлением не находила в себе страха, она будто бы пропустила через себя ярость Мартина, ощущая ее каждым нервом, она не хотела крушить все вокруг, она чувствовала страшную потерянность, бессилие. Видя внутреннюю борьбу и злобу Мартина, она не знала, как ему помочь. Сегодня она вдруг ощутила, что Мартин не нуждается в ее помощи.

Эта мысль пронзила ее. Она на секунду раскрыла глаза и, увидев бешено мелькающие огни ночного города, сливающиеся в разноцветные мерцающие узоры, прижалась к спине Мартина, крепче сжав руки. Ей стало страшно не из-за скорости. Она вдруг ощутила, как легко может потерять его, как в нем нуждается и как хочет быть необходимой ему.

Мартин резко затормозил у дома Мелани. Сняв шлем, он пытливо посмотрел в ее лицо. Испуг? Отвращение? Холод? Он знал, что после того, как она увидела его настоящего, отношения между ними навсегда изменятся. В ее глазах ему виделась необъяснимая мольба. Неужели она теперь боится его? Неужели она допускает хотя бы мысль о том, что он способен причинить ей вред?

— Сегодня ты был другим, я не знала тебя такого. — Она говорила напряженно, стараясь выдержать спокойный тон.

— Да, ты права. Я сильно изменился с тех пор, как был маленьким мальчиком, рассуждающим о коллективном разуме. Ты... Наверное, теперь ты боишься? Я противен тебе?

Мелани резко вскинула опущенную голову, будто бы от удара.

— Противен? Ты думаешь, что можешь быть противен мне? — она смотрела на него с болью, и мольба в глазах читалась еще отчетливей. — Неужели за все это время ты совсем не узнал меня? Неужели ты так легко готов отказаться от меня, едва почувствовав себя другим?

— Нет, Мел, нет. О чем ты? Просто я чувствую, что изменился, и чувствую, что могу принять себя нового. Но не знаю, можешь ли ты.

— Я знаю только, что больше всего я боюсь потерять тебя. Раньше я знала, что нужна тебе. Теперь я не знаю, зачем я здесь... — Она снова опустила голову.

— Мел... Мел, глупая, — он усмехнулся. — Я бы не знал, что делать, не будь тебя у меня. — Он вдруг рассмеялся, будто бы освободившись от тяжелого груза, и подхватил ее, закинул на плечо, закружился, смеясь.

— Какая же ты дуреха, Мелани! Рыжая моя Мелани! Такая красивая и такая глупая!

— Мартин! Прекрати! Мартин! Я тебе не уличный хулиган! — она сама не могла сдержать смеха. — Поставь меня, Марти, у меня закружилась голова! Правда!

Он тут же поставил ее на ноги и испытующе посмотрел в глаза — на него смотрела прежняя Мелани, все те же лукавые искры в глазах, та же хитринка, в них не было этого непонятного умоляющего страха. Мелани снова рассмеялась, глядя в его радостное лицо.

— Похоже, мы с тобой все-таки не пойдем на выпускной бал. Я знаю как минимум троих парней, которые будут не рады тебя там видеть.

— Я почему-то чувствую, что в ближайшие пару месяцев эти парни намереваются исключить танцы из сферы своих многочисленных занятий, — в тон ей, стараясь не рассмеяться, ответил Мартин.

— Это смешно, но еще минуту назад ты был будто чужой. А сейчас... Чему ты улыбаешься сейчас?

— Не знаю. Мне кажется, я поверил в себя.

— Потому что теперь знаешь, на что способен? — Мелани снова почувствовала, что он не так близок ей, как может казаться.

— Я понял, что я никогда не останусь один на один с собой, это было бы невыносимо, Мел, и я благодарен тебе за это. Ты, наверное, не можешь понять, как. — Он сжал ее руки.

— Я благодарна... — Она замолчала, снова взглянув в его лицо.

— И ты права, я понял, что способен противостоять злу.

— Ты способен на многое, Марти. Иногда мне кажется, что ты можешь все. От этого мне становится немного страшно. Ведь я могу так мало.

— Больше, чем тебе кажется, — улыбнулся он в ответ. — Ну что, я заеду за тобой вечером?

— Я буду ждать.

Они не знали, что из окна небольшой кухни, забыв про остывающий кофе, на них смотрит мама Мелани. А на подоконнике, обвив ноги пушистым хвостом, сидит и, кажется, тоже наблюдает за молодыми людьми когда-то маленький смешной котенок, с трудом взбирившийся вслед за Мелани по ступеням крутой лестницы. Теперь котенок превратился в красивую, гордую, грациозную кошку.

— Она стала совсем взрослой, — тихо проговорила Саманта. Она неосознанно гладила кошку, а глаза ее смотрели туда, где дети говорили о чем-то очень важном, это она понимала по скованности их поз, по серьезности взглядов. Но вот Мартин подхватил и закружил Мелани, и, увидев это, Саманта с облегчением рассмеялась.

— Дети, хоть и взрослые... Дети...

Она быстро отошла от окна и поправила волосы, стараясь отвлечься, согнать выражение озабоченности с лица, услышав, что Мелани открывает дверь.

— Мама, я сдала экзаменационные тесты, поздравь меня, я так счастлива! — Её сияющая улыбка полностью подтверждала искренность слов. — Я сегодня очень боялась, а Мартин помог мне. — Взгляд Мелани слегка затуманился, но тут же снова озарился счастьем. Она порывисто обняла мать.

— Я рада за тебя, моя крошка, я так рада. — Саманта хотела бы всегда вот так держать свою маленькую дочку в объятиях. Она опустила руки с неким усилием и, отстранив Мелани от себя, посмотрела в ее лицо, будто хотела запомнить каждую черту.

— Моя такая маленькая, такая уже большая девочка. Тебя снова подвозил Мартин?

— Он очень хороший, мама. — Мелани опустила глаза, тут же смутившись.

— Я знаю, конечно, он хороший, — торопливо подтвердила Саманта. — Как он?

— Ему сейчас непросто, очень непросто. Я хочу быть с ним. Я нужна ему. — Мелани

говорила отчужденно, будто сама с собой, а не отвечая на вопрос.

.....

...Ветер трепал рыжие волосы, вырывал из руки тонкий подол платья, собранный у бедра, раззадоривал Мелани, и она смеялась, перехватывая летящую ткань, ближе прижимаясь к затянутой в кожаную куртку спине Мартина. Степенное движение в бесконечном и неповоротливом лимузине никогда не сравнилось бы с этой стремительной ездой, этот выпускной бал уже казался Мелани удавшимся. То, как Мартин удивленно вскинул брови, увидев ее в длинном вечернем платье черного шелка, то, как смущенно улыбнулся, накидывая на плечи кожаную куртку: «Я решил, это лучше, чем смокинг», то, как сейчас они неслись на мотоцикле сквозь сгущающиеся сумерки, — все это уже казалось ей потрясающим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я догоню тебя через минуту, ладно? — Мартин мягко улыбнулся, но она почувствовала, что этот вопрос не предусматривает отрицательного ответа.

— Все хорошо?

— Конечно, только сделаю один звонок.

Как по сигналу, в его кармане зазвонил мобильный.

— Я буду ждать внутри, — она еще раз обеспокоенно взглянула на Мартина. — Только недолго, хорошо?

— Конечно, это дело пяти минут.

Его голос стал отчужденным и жестким, как только он поднес к уху телефон.

— Я на месте, если вы все еще хотите встретиться. Задний двор.

Парни в объемных куртках, накинутых на голову капюшонах переговаривались, сгрудившись в подворотне неподалеку от здания. По изрисованной граффити стене мечутся их тени с острыми иглами арматур, качающимися цепями. Подвижными и беспокойными эти очертания делал непрочно закрепленный, колеблемый ветром фонарь.

Все взгляды обращены на крепкого парня. Стараясь не двигать зафиксированной у корпуса рукой, он говорит зло и жестко. Это голос Стива.

— Я хочу, чтобы вы замочили этого подонка. Понятно? Из-за него Алекс и Джонни еще в больнице, и неизвестно, скоро ли оклемаются. Это не игры. Он один. Мы сделаем все быстро и свалим, нас никто не засечет, а выродок будет наказан.

— Замочить? Я не хочу браться за мокруху... Я человека в жизни не убивал, — голос какого-то парня доносится из плотной группы, и Стиву трудно различить, кто именно из парней засомневался.

— Мы койоты, ты понял? Ты либо с нами, либо против. Либо ты делаешь общее дело и становишься одним из нас, либо мы будем разговаривать с тобой по-другому. Ты понял?

— Да не бойся, это кажется, что страшно. А вообще, адреналин знаешь как в голову фигачит! Считай, экстремальный спорт, — кто-то из парней ободряюще и грубо бьет засомневавшегося по спине.

— Все понятно? Быстро делаем дело — быстро уходим. Если возникнут проблемы — я их решу. — В руке Стива блеснул небольшой черный пистолет и увесисто оттянул карман его толстовки.

Парни двинулись к зданию школы, где вдали от освещенной территории их ждал Мартин, спокойно прогуливаясь вдоль высокого сетчатого забора. В его сознании прозвучал голос Ларри:

— Ты сказал, что это дело пяти минут?

— Не хочу, чтобы Мел беспокоилась. Поэтому нам нужно будет действительно все сделать быстро.

— Я понял тебя. Но их довольно много, нужно это учесть. Судя по приближающимся шагам, шесть человек. Думаю, они не пренебрегли оружием.

— Я понял. Помоги мне все просчитать. Главное, что я теперь совсем не боюсь оказаться среди этого зверинца, верно?

— Спокойствие и внимательность, как на экзамене. Нам не о чем беспокоиться, ты прав, Мартин. А теперь — сосредоточься.

Парни, показавшиеся из арки, приближались плотной толпой, ускоряя шаги. Вдруг Стив что-то резко и глухо выкрикнул, и парни перешли на бег, раззадоривая самих себя этим агрессивным и мощным общим движением.

Мартин, решительно шагавший им навстречу, сильнее оттолкнулся ногой и, стремительно преодолев разделявшее их расстояние, оказался в самой гуще еще не успевших сориентироваться койотов. Поняв, что Мартин уже совсем близко, они, немного потеряв в организованности, судорожно начали наносить беспорядочные удары, инстинктивно желая повалить жертву. Повалить и бить ногами, бить цепями и арматурой, чтобы гаденыш уже не поднялся. Они наносили удары. Но цепи разрезали воздух, куски арматуры не достигали цели и ударялись в асфальт.

— Что за... — парень, не хотевший идти на убийство, серьезно испугался этого бессилия.

Мартин уже отключился от человеческого видения ситуации. Его зрение робота замедляло движения молодых убийц, он успевал приблизить лицо каждого из них, при желании мог рассмотреть каждый шрам на лице испуганного паренька, сигаретный пепел на капюшоне Стива, недоуменно поднятые брови, гримасы злости, бессмысленное напряжение взмахов и ударов остальных парней. Он успевал без напряжения уходить от ударов, оценивая ситуацию.

— Тебе нужна помощь? — голос Ларри прозвучал в его голове.

— Рассчитай силу ударов, иначе я могу переступить черту. — Мартин развернулся и перехватил летящий в его голову кусок арматуры, с легкостью согнул его пополам и отбросил далеко к забору; не останавливая замаха, обратным движением локтя он отбросил на асфальт не успевшего понять хоть что-нибудь парня. Мартин продолжал поворачиваться вокруг своей оси, нанося удары, ломая кости, перехватывая цепи и арматуры, направляя их против их же владельцев. Он не чувствовал ярости, как сегодня утром. Он действовал спокойно и размеренно, будто выполнял простую, но не самую приятную работу.

Стив, стоявший чуть поодаль, меняясь в лице, успел заметить, как один из парней отлетел к стене, другой скорчился на асфальте, не в силах отползти подальше, и в его сторону отлетели два куска цепи, разорванной надвое. Он машинально затянулся сигаретой, не замечая, что она давно истлела, и на его толстовку упал длинный столбик пепла. Опомившись, он начал дергать пистолет, запутавшийся в свободном кармане. Наконец, высвободив его и направив в сторону Мартина, он понял, что вся его банда уже лежит на асфальте. Кто-то стонал, пытаясь подняться, кто-то лежал неподвижно и молча, потеряв сознание. Мартин оказался неожиданно близко к Стиву. Он смотрел прямо ему в глаза, видел его неловкость и суетливые попытки достать оружие. На секунду Стиву показалось, что Мартин наблюдал за ним уже очень давно, мог прочесть его мысли, знал его страхи,

легко мог предугадать, какое действие он совершит в следующую минуту.

Стив поборол страх, зародившийся где-то глубоко внутри и разворачивающийся сейчас во всю свою мощь, и уверенно направил пистолет в голову Мартина.

— Ты покойник! — он выкрикнул это отчаянно, подстегивая себя, и нажал на курок, ожидая увидеть опрокинутое лицо, падение тела, кровь, лужей растекающуюся по асфальту. Но Мартин спокойно продолжал смотреть ему в лицо, лишь насмешливая улыбка чуть коснулась его губ.

Мартин видел через мгновенно фокусирующийся искусственный глаз, как ужасом исказилось лицо Стива, как он, совладав с собой, снова с ожесточением нажал на курок. Он видел пулю, что, вращаясь вокруг своей оси, летела ему в лоб, и мгновенные расчеты, производимые компьютерной системой Ларри. Он сделал движение с минимальной затратой энергии и времени, изменяющее траекторию движения пули, и, качнувшись в сторону, вернулся в исходное положение, будто бы ничего и не произошло.

Стив не мог уловить движение, сделанное с такой скоростью, он был уже не в силах контролировать нервное напряжение, пистолет из его руки упал на асфальт, со стуком отскочил в тень, разом превратившись из смертельного оружия в бессмысленный кусок железа.

— Я не могу изменить тебя. Твоя смерть не принесет мне удовлетворения. Я просто возвращаю тебе долг и надеюсь, что больше не увижу твоей искаженной звериной злобой морды. — Мартин ударил опустившего руки Стива в солнечное сплетение, вложив в свой удар максимальную силу, совместимую с жизнью жертвы. Стив с глухим стоном отлетел к решетчатому забору и затих на земле, оглушенный страхом и болью.

Мартин быстро осмотрел себя. Кажется, куртка цела. Царапины на руках затягивались прямо на глазах. Он озабоченно провел рукой по волосам:

— Сколько времени мы потратили на них, Ларри?

— Ты любитель поговорить, Мартин. Поэтому мы уже растянули мероприятие: вместо обещанных пяти минут — восемь.

— Тогда поспешим! — Мартин легко обежал здание и снова оказался в свете фонарей у крыльца главного входа. Мелани показалась в дверях, ежась от налетевшего холодного ветра.

— О, Марти, ну где ты? Выдача аттестатов уже началась, скоро наша очередь! — Она не нашла в облике друга ничего тревожного и протянула руку. — Идем!

— Идем, идем.

Ладошка Мелани спокойно легла в его раскрытую ладонь и увлекла его в здание, ставшее незнакомым из-за непривычного освещения, цветных гирлянд, мерцающих блесток и музыки, разливающейся в коридорах вместо обыденного гула голосов. Мартин последовал за Мелани, полностью доверившись ее спокойному покровительству. Обычно он чувствовал себя скованно среди людей, но сейчас он забыл обо всем и просто наслаждался приподнятой атмосферой скорого взросления, свободы, легкости. Отдельные моменты, слившиеся для него в единое, странно приятное ощущение счастья, вспыхивали в его сознании. Директор вручает ему аттестат, отмечая отличие — высший результат среди всех выпускников этого и прошлых годов. Кто-то дарит ему цветы, а он смущенно молчит в поднесенный микрофон, не находя, что сказать, кроме неловкого «спасибо, не стоит». Какие-то речи, счастливые лица одноклассников, фотовспышки и хлопочущие родители. Мартин не ощущает неловкости и одиночества, рядом с ним — Мелани. Рука прикасается к руке, ободряюще улыбаются губы, волосы то и дело спадают на лоб, играют рыжими отблесками в лучах

праздничного света разноцветных лампочек. Медленная музыка заполняет пространство актового зала, и Мелани доверчиво протягивает ему свою маленькую руку:

— Потанцуем?

И он спокойно идет за ней, увлекаемый вглубь зала, укачиваемый неспешным ритмом музыки и плавными движениями покачивающихся пар. Они танцевали с Мелани в школьном зале, а ему казалось, что они одни где-то очень далеко. Она склонила голову ему на плечо, а он осторожно держал ее за талию, боясь сделать лишнее движение и разрушить это волшебное покачивание, кружащее голову. Мелани поднимает голову, и ее сияющие глаза оказываются совсем близко.

— Я хочу, чтобы так было всегда. Быть с тобой всегда, — шепчет Мартин, привлекая ее ближе, будто кто-то может отнять ее.

— Мы будем вместе, — она улыбается и говорит очень тихо, но Мартин различает каждое слово. И его пронзает счастье. Разве так бывает? Разве от счастья сдавливает грудь так, что становится трудно дышать? Теперь он знает, что бывает.

А потом медленный танец, похожий на сон, как и слова, услышанные и сохраненные в памяти, будто бы выкраденные из чудесного сна, сменяются яркими вспышками светомузыки. Колонки оглушают, и их басы отдаются во всем теле, заставляя подчиняться и двигаться под быстрый отрывочный ритм, будто бы это танец первобытного племени — танец ощущений и чувств, где нет места рассчитанным па и стеснению.

Зрение Мартина выхватывает лицо Мелани, на долю секунды освещаемое яркими огнями и исчезающее в темноте, будто бы мгновенные фотографии, сделанные на бегу: летящие волосы, опущенные веки, закушенная губа и вдруг — прямой взгляд ему прямо в глаза, ударяющий новым зарядом энергии, которой нет конца. Они смеются: Мартин, пластично двигая ногами, в точности повторяет лунную походку, двигает руками и корпусом, как робот. Мелани заливается:

— Ты не оставляешь другим шанса, человек новой эры!

А потом — огни дороги, складывающиеся в свой дикий ритм, будто бы соревнуясь с бешеными вспышками светомузыки, ветер, бьющий в лицо, скорость и руки Мелани, крепко обхватившие его. Так он помнил счастье.

Поздно ночью они вошли в здание клиники, которое давно стало для Мелани вторым домом. Часть здания, в которой находились жилые комнаты, давно погрузилась в тихую темноту. А они со смехом разрывали ее, шикая друг на друга, стараясь не потревожить сон профессора, зажигая свет в кухне, отыскивая в холодильнике что-нибудь съестное. А потом будто бы подчинились тишине и, сев прямо на пол, продолжали говорить, понижая возбужденные голоса до доверительного шепота, строя планы, мечтательно рисуя самим себе свое будущее.

А когда небо начало светлеть, они оба ощутили тяжесть своих уставших тел и, помогая друг другу подняться, поплелись к разложенному в гостиной дивану — раздеваться и лечь в постели не было сил. Хотелось упасть и заснуть. И не хотелось разлучаться.

Мартин засыпал усталый, и все же сознание его было возбуждено, воспоминания вечера, воспоминания детства вставали перед глазами. Визуальные образы менялись с дикой скоростью: смеющаяся Мелани протягивает к нему руку; Мелани еще маленькая девочка, она кивает и смущенно опускает глаза; отец протягивает ему боксерские перчатки, мама улыбается и говорит ему что-то — слов не разобрать. Мартин чувствовал, как счастье утекает, словно песок сквозь пальцы, ощущение легкости заменяется все возрастающим

беспокойством: заметки о несчастном случае мелькают перед его глазами, он чувствует, что ужас, как лавина, накрывает его, но не может заставить себя освободиться от сна и прекратить этот кошмар. Мартину казалось, что он снова умер и не может контролировать свое тело: он хотел закричать, но воздух только царапал горло, он хотел поднять руку, но она была слишком тяжела, он чувствовал, как по щеке текут слезы, но был не способен поднять веки.

— Марти... Марти... — он слышал голос, доносящийся издалека, и, как за последнюю возможность спастись, ухватился за этот проблеск реальности. Он сосредоточился на голосе, и оглушающая его боль в висках немного унялась.

— Эй, проснись! — Мелани второй раз прикоснулась к плечу Мартина. На его лбу выступила испарина, губы беззвучно шевелились и голова металась по подушке.

— Марти! — Мелани встряхнула его чуть сильнее, и Мартин резко вскочил, хватая ртом воздух, будто бы вынырнул из воды. Она успокаивающе гладила его по спине.

— Все хорошо, Марти, я здесь, я с тобой. А это был страшный сон, просто сон, ты слышишь?

— Страшный сон... — повторил Мартин. — Страшный сон. Ужасно болит голова, Мел, так больно, — он сдавил руками виски.

— Тише, тише. Сейчас пройдет. — Мелани гладила его по голове, прохладные пальцы касались разгоряченного лба, и Мартин чувствовал, что боль действительно уходит.

— Что тебя тревожит, расскажи, — Мелани говорила спокойно, тихо, чуть нараспев, словно баюкая ребенка.

— Мне страшно... Почему тех, кто убил моих родителей, не нашли? Неужели это действительно невозможно? Почему они мертвы? Почему именно я? Почему это произошло именно со мной? — Он не замечал, как из левого глаза по щеке покатилась слеза.

Мелани провела пальцем по соленому следу и повернула к себе лицо Мартина.

— У каждого из нас есть свой путь. Ты справишься с этим страхом. Ты найдешь тех, кто сделал это с твоей семьей. А я буду с тобой. Я всегда буду с тобой, — шептала она.

Мартин видел все будто бы погруженным в туманную дымку, но вдруг его взгляд выхватил глаза Мелани, большие, немного печальные, глубокие глаза. Он не отрываясь смотрел в них, и страх отступал, дыхание выравнивалось, прекращался шум в ушах и исчезала боль, сводящая с ума.

— Я буду с тобой, я с тобой, — повторяла Мелани, заговаривая боль, отгоняя страхи.

— Мел... — Мартин прикоснулся к ее щеке, он смотрел в ее глаза и хотел сказать ей так много, что не стоило даже пытаться подобрать слова. Он мог только повторить ее имя в надежде, что она все поймет по его голосу, взгляду.

— Я знаю, Марти, я знаю, — она улыбнулась.

— Я люблю тебя. — Мартин с удивлением осознал, что это любовь заполняет его всего, что любовь дает ему силы, побеждает его страхи. И, произнеся эти слова, он почувствовал спокойную, освобождающую ясность, будто бы, долго вглядываясь в размытый силуэт, наконец различил знакомые черты.

— Я люблю тебя, — эхом отозвалась Мелани, повторяя его слова, повторяя его самого, сливаясь с ним.

Они не заметили, как соединились их губы, не заметили, как уснули, обнявшись. Это был мираж, который невозможно потрогать руками, рассмотреть, аккуратно расправив, как узорный платок, невозможно воссоздать и описать словами. Это было свободное падение,

захватывающее дух и соединяющее все эмоции и чувства в одном непередаваемом ощущении.

.....

...Кошмары Мартина не прошли. Он продолжал просыпаться от собственного крика, с мокрой от слез левой стороной лица, охваченный паникой и неконтролируемым страхом. Мелани приносила ему холодной воды и помогала прийти в себя, нашептывая на ухо что-то ласковое, гладя по голове, будто успокаивала испуганного ребенка.

Обычно эти сны напоминали видеозапись, состоящую из разрозненных кадров, но имеющую отношение к смерти его родителей. Огромный массив информации давил на Мартина, он не мог не видеть образы, реальные и смоделированные в его сознании, возможные варианты развития событий, предположительные причины, ходы предотвращения этих страшных смертей, страницы и страницы текстов, прочитанных Мартином когда-то об этой трагедии. И, конечно, лица, лица, лица — родители, гости, люди в масках. Мартин видел, как меняется выражение этих лиц, как радость сменяется страданием, ужасом, вместе с ними раз за разом переживал смерть.

В эту ночь кошмар удивил его своей связностью. Мартин не был больше сторонним наблюдателем, он снова оказался закрытым в кладовке тринадцатилетним мальчиком, сон в точности повторял его отрывочные воспоминания. Он четко, будто наяву, увидел сквозь замочную скважину, как киллеру в лицо выплескивается кипящая вода, как в стороны разлетаются брызги, как человек кричит от боли и срывает с лица черную маску. Мартин с жадностью запоминал черты его лица — тяжелые надбровные дуги, ослепленные злобой глубоко посаженные глаза, покрасневший шрам через все лицо. Человек вдруг перестал кричать и, усмехнувшись, посмотрел Мартину прямо в глаза.

— Мало тебе, что твоих родителей замочили? — говорит он насмешливо голосом Стива и с улыбкой направляет пистолет прямо в лоб Мартина. Мартин увидел, как медленно пуля выползла из дула и, разрывая воздух, пробивая фанеру двери, впилась в его грудь и навывлет прошла через сердце. Он почувствовал, что летит в бездну, и резко открыл глаза. Мелани ровно дышала во сне, по-детски подтянув колени к груди. Он встал с постели и прошел в ванную. Холодная вода остудила разгоряченный лоб. Он посмотрел в зеркало на свое полуметаллическое лицо.

— Сон, просто сон, — поговорил он себе под нос, но замер, вспомнив, с какой четкостью он запомнил все черты лица человека со шрамом.

— Просто сон? — Мартин нахмурился. — Ларри, кажется, я вспомнил что-то очень важное, — торопливо вызвал он своего вечного помощника.

— Я уже сканирую информацию, но у меня недостаточно ресурсов, нужно подключиться к более мощному процессору. Придется спуститься в кабинет, Мартин.

У Мартина в голове будто что-то щелкнуло, он начал действовать очень спокойно и быстро, как во время драки с уличными хулиганами или решения тестов. Он видел цель и знал, какие действия предпринимать для ее наискорейшего достижения. Раньше, думая об убийцах родителей, он чувствовал свое полное бессилие, рождавшее страх и панику. Теперь все изменилось: его память подарила ему настоящую крепкую зацепку, которую он уже не выпустит из рук. Он найдет убийц. Он отомстит.

Мартин включил компьютер в кабинете. Поморщился, подсоединяя длинный провод, тянувшийся от процессора, к микроразъему у себя в виске, обычно скрытому волосами. В темноте только белый свет экрана освещал его сосредоточенное лицо: тысячи файлов,

существующие в пространстве Всемирной сети, мелькали фотографиями лиц возможных подозреваемых, но совпадений не возникало.

— Мы могли бы посмотреть данные архива местной полиции, но эти ресурсы закрыты для сторонних пользователей, — объясняет Ларри.

— Значит, мы взломаем эту систему. Они не оставили нам выбора. Я вспомнил лицо убийцы, Ларри, я не отступлюсь, ты понял меня? — Мартин говорит, не отрывая взгляда от экрана, пробегая глазами краткие сведения о местном полицейском управлении.

— Хорошо, мне потребуется пара секунд.

Ларри начал подбирать пароли для входа в систему. Через секунду они уже могли соотнести воспоминание Мартина с огромным количеством личных дел преступников города. Мартин напряженно свел брови: он не дотрагивался до клавиатуры, все команды передавались системе только его сознанием, и лица возможных убийц его родителей мелькали, сменяя друг друга с дикой скоростью. Но дойдя до, казалось бы, самой высокой скорости, движение остановилось. С экрана на Мартина смотрело лицо того самого человека, что он видел во сне. Черно-белая фотография, хоть и не лучшего качества, не оставляла сомнений — это тот самый, что убил Розы на глазах Мартина, тот самый, что стрелял и в него, тот, что вместе с остальными киллерами за один вечер уничтожил его счастливую жизнь.

Мартин смотрел в лицо убийцы, перечерченное линией уродливого шрама. С новой четкостью он вспоминал страшный вечер, выстрелы и искаженное болью, обожженное лицо. Он сам не заметил, как сжались его кулаки, побелели скулы, и не сразу смог заставить себя прочитать информационную сводку.

Майкл Робертсон — лейтенант полиции, назначен командиром особого отряда по борьбе с организованной преступностью. Награжден нагрудным знаком — отличник полиции.

Он снова и снова пробежал глазами эти слова. По борьбе с организованной преступностью... Награжден... С организованной преступностью... Видимо, родители и их друзья были не настолько хорошо организованы, чтобы противостоять этому бравому лейтенанту с его отрядом.

— Кто это? — Голос Мелани прозвучал за его спиной очень тихо, но Мартин все равно вздрогнул от неожиданности.

— Это один из них. Один из убийц. Я вспомнил его лицо этой ночью, и Ларри смог найти его личное дело в государственной базе данных. Ему не повезло, он снял свою черную маску перед тем, как стрелять в меня. Мы нашли его, и мы найдем тех, кто стоял за этими убийствами. Теперь я знаю, что рано или поздно расплата нагоняет человека, и ему воздается по его делам, где бы он ни был. А если это не так, я сделаю все, чтобы претворить эту новую простую теорию в жизнь. Это проще, чем коллективный разум. — С последними словами он обернулся к Мелани, добавив в голос немного тепла. Мелани прикусила губу и кивнула, ничего не ответив. Мартин сильно изменился, но на то у него были причины.

Мартин не отходил от компьютера всю ночь, сканируя данные. Когда утром в кабинет зашел профессор, внук спал, положив голову на клавиатуру. С оставленного включенным экрана смотрели пять фотографий. Отряд лейтенанта Робертсона в полном составе. Профессиональная команда убийц. Люди, способные, сдерживая в себе человеческое или полностью искоренив его в себе, убивать беззащитных людей, стирая следы преступных махинаций, выполняя заказы крупных политических шишек, просто избавляя кого-то от

«проблемы».

— Марти, — профессор потряс внука за плечо, и тот тут же вскинулся, будто бы убийцы могли застать его врасплох.

— Дедушка... Ты напугал меня. А впрочем, хорошо, что ты здесь и что ты разбудил меня. Ты видишь этих людей?

— Ты нашел что-то очень важное, я вижу это, мой мальчик, — профессор успокаивающе положил руку Мартину на плечо. — Расскажи мне все, что тебе удалось узнать, не торопясь.

— Я почти уверен, что именно эти люди убили папу и маму. Нужно узнать, кто отдавал им приказ, кто захотел, чтобы мои родители и все, кто был у нас дома, замолчали навсегда. Кому помешал отец? Все виновники должны понести наказание.

— Я не могу спорить с тобой, но не нужно принимать необдуманных решений. Мы должны связаться с Сэмом Риверсом, этот человек в свое время обещал твоему отцу любую возможную поддержку. Крис был чудесным хирургом, он фактически спас маленькую дочку Риверсов — сложнейшая операция на лице! Высший уровень, поверь мне. — Профессор на секунду умолк, задумавшись о своем талантливом сыне, но тут же снова сосредоточился. — Мы должны узнать у него все об этой группе, мы не имеем права на ошибку. Идем, проще будет связаться с ним из другого места.

Профессор легко нажал на клавишу, скрытую между книг старинного шкафа, и громада красного дерева плавно отъехала в сторону, открыв потайной проход.

— Дед, ты меня удивляешь! — Мартин даже рассмеялся от неожиданности.

— Профессор! Сколько еще тайн хранит эта голова? — Мелани с улыбкой прикоснулась к седой шевелюре профессора.

— Вы прекрасно знаете, что я всегда был большим мечтателем. Поверьте, иногда в такой лаборатории, вдали от всех мечтается намного продуктивней, — профессор лукаво сощурился. — Ну, не будем медлить!

Помещение, в котором они оказались, действительно можно было назвать только лабораторией: множество приборов, назначение которых даже Мартин не мог определить с первого взгляда, множество мониторов показывали изображение и точные координаты разных точек земного шара.

— Вот это да! — Мелани не могла сдержать восхищенного восклицания.

— Дед, да это настоящий секретный штаб! — Мартин говорил беззаботно, но сам уже нетерпеливо смотрел на мониторы.

— Ну что ж, — усмехнулся профессор, — так и будем называть мою скромную лабораторию — штаб. А теперь примемся за дело.

Он подошел к одному из мониторов и быстро набрал какую-то комбинацию знаков на клавиатуре. На экране отобразились наблюдения спутника: сначала отдаленный город, затем, сфокусировавшись, камера выхватила большой особняк из числа остальных зданий. Приблизившись еще сильнее, камера передала изображение большого бассейна и человека, откинувшегося на спинку плетеного кресла рядом с плещущейся голубой водой.

— Это Риверс. Не думал, что он живет в подобной роскоши. Я знал его скромным семьянином. Но это не нашего ума дело. Я набираю. Тишина! — Профессор поднес микрофон к губам, нажал пару клавиш, сделав картинку на экране максимально четкой.

Риверс с наслаждением потягивал коктейль. Когда зазвонил его мобильный, он досадливо поморщился, поднося трубку к уху.

— Риверс слушает.

— Здравствуйте, Сэм, вас беспокоит Энди Стоун.

— Вы ошиблись, я вас не знаю, — резко ответил Риверс, готовый бросить трубку.

— Профессор Стоун, отец покойного Криса Стоуна. Мой сын когда-то оперировал вашу дочь, вы должны помнить его. — На экране можно было различить, как лицо Риверса тут же приобрело встревоженное выражение. Он весь как-то подобрался, в его позе не осталось и капли прежней вальяжности.

— Ах, да, извините, профессор. Я сейчас нахожусь на важном совещании. Работаем в авральном режиме, совершенно ничего не соображаю. — Марти еле слышно хмыкнул, кивнув на бассейн и полупустую бутылку вина у кресла Риверса.

— Чем могу помочь? — Риверс сосредоточенно слушал.

— Это не совсем простой вопрос. Дело в том, что мой внук, Мартин, остался в живых после той трагедии, думаю, вы в курсе.

Лицо Риверса переменялось и слегка побледнело.

— Да. Да, да, конечно, слава Богу!

— Так вот, мальчик вспомнил лицо одного из убийц. — Профессор говорил как ни в чем не бывало, но глаза его все серьезнее следили за изображением на экране.

— Как это возможно? Ведь он был совсем ребенком. Тем более все эти потрясения... Не думаю, что воспоминания юноши могут быть достаточными...

— Имя Майкл Робертсон о чем-то вам говорит? — профессор досадливо прервал сбивчивую речь Риверса.

— Я сейчас же проверю вероятность такой информации по базе данных, но сразу хочу вас уверить, это очень сомнительное предположение.

— Я позвонил вам как раз для того, чтобы не допускать неловких ошибок. Иначе я бы связывался напрямую с ФБР. Если вы можете оценить вероятность того, что Робертсон со своим небольшим отрядом промышляет заказными убийствами, я буду вам признателен. До связи, Сэм.

— Хорошо, я свяжусь с вами, как только что-то прояснится, профессор.

Риверс положил трубку, но спутник продолжал отслеживать его местоположение и передавать видеоизображение.

Профессор, Мартин и Мелани продолжали следить за начальником полиции. Они увидели, как он резко встал и нервно прошелся вдоль бассейна. Внезапно он зло ударил ногой подвернувшуюся винную бутылку, она отлетела в сторону и со звоном покатила по плиточному полу. Он начал судорожно набирать какой-то номер, и спутник, тут же перехватив сигнал, нашел координаты его абонента. На соседнем экране отразился небольшой квартал, один из тех, которые называют неблагополучными. Зрители в лаборатории внимательно следили, как условные координаты и отдаленные крыши зданий сменились изображением, снятым на камеру внутреннего слежения, расположенную в одном из бильярдных баров.

За одним из столов игроки, неразличимые из-за завесы сигаретного дыма, недовольно охнули, когда намечавшийся удар прервала мелодия звонка мобильного телефона.

— Я должен ответить! — микрофон хорошо уловил и передал уверенный голос мужчины. — Это шеф. — Мужчина отложил кий и отошел как раз к тому углу, где, посвечивая красным огоньком, за ним наблюдала видеокамера.

— Да, шеф!

На соседнем экране Сэм Риверс раздраженно кричал в трубку:

— Майкл! Ты не в участке? Где тебя носит, мать твою? У нас проблемы.

— Да я же в отгуле, ты в курсе, шеф. Шары катаю с парнями.

— Какие, к черту, шары? Быстро бросай все и собирай своих. Вскрылась проблема. И эта проблема на твоей совести! — На лбу Риверса вздулась вена, он покраснел и последние слова уже почти прорычал в трубку.

— Да в чем дело? Мы всегда работаем чисто, ты знаешь это и без меня, — Робертсон заметно напрягся.

— Звонил старик Стоун. Мальчишка, которого ты со всем своим отрядом не смог прикончить, вспомнил твое лицо. Ты понимаешь, Робертсон, что это в первую очередь твоя проблема? Так примись-ка скорее за ее решение. Ты все понял? — Риверс перешел на почти ласковую интонацию, но в его голосе подрагивало такое пренебрежение, такая злоба, что Робертсон побледнел.

— Это невозможно. Мы работаем в масках. Этого мальчишку должно было разорвать в клочья, мы взорвали этот чертов дом, мы разнесли его по кирпичу. Неужели... — Он вспомнил обжигающую боль, оседающую толстуху, изрешеченную выстрелами, и дверцы чулана, которые ему было лень открывать.

— Он видел меня, когда эта стерва выплеснула мне в лицо кипяток.

Робертсон выпалил это, не задумавшись, что начальник все еще слышит его голос в трубке. Риверс тут же перестал контролировать свою ярость и сорвался на крик:

— Мне плевать, что там с тобой произошло! Ты должен все исправить сейчас же! Быстро! Пока они не связались с ФБР! Мы не можем облажаться сейчас, когда начинается предвыборная кампания мэра.

— Я понял. Выезжаю, — коротко ответил Робертсон.

— И на этот раз без лишних свидетелей. — Риверс оборвал разговор и с силой зашвырнул телефон в бассейн.

— Идиоты, — зло прохрипел он и упал в кресло.

В лаборатории стояла напряженная тишина. Будто оглушенные, профессор, Мартин и Мелани продолжали смотреть на экраны.

— Ненавижу их всех, — хрипло выдохнул Мартин сквозь сжатые зубы. — И этот человек обязан папе здоровьем своей дочери? Так он выражает благодарность? Я всегда думал, что существует некая объективная справедливость, но все, что я вижу вокруг, это хаос. Это бессмысленная жестокость, порождающая только новую жестокость.

— Мы должны быть выше, умнее... Мы должны быть добрее друг к другу, Марти, — профессор спокойно говорил, не отрывая взгляда от монитора, не глядя ни на Мелани, ни на Мартина, будто обращаясь в пространство. — Мир несправедлив, но в нем есть милосердие. Бог любит человека, он посылает ему испытания и ими укрепляет его.

— А что делать тем, кто не может пройти через эти испытания? Иногда они слишком трудны и рожают только отчаяние! — Горящие глаза Мартина были обращены к профессору, но тот не повернулся, продолжая смотреть прямо перед собой.

— Я не могу спорить с Богом. Он дает каждому испытания по его силам, и пути его неисповедимы.

— Я бы очень хотел поспорить с ним! — Мартин упрямо смотрел на профессора. — Зачем создавать мир, в котором умирают невинные, страдают дети, а убийцы, чьи руки по локоть в крови, спокойно попивают вино, не мучаясь совестью или даже неприятными

воспоминаниями? Что это за хитрый план, по которому он нас испытывает?

Профессор повернулся к Мартину, и тот замолчал, увидев, какая бездна мудрости кроется в светло-голубых, будто выцветших, глазах деда, сколько в них сокрыто любви, сколько искренней надежды, неиссякаемой, чистой.

— Ты поймешь, мой мальчик. Ты все обязательно поймешь. А сейчас нам нужно действовать. Эти люди будут здесь через полчаса. И мы должны подготовиться. Хорошо что я уже принял кое-какие меры. После смерти твоих родителей я понял, что нужно быть готовым ко всему...

Робертсон действовал быстро. Не более чем через полчаса у ворот клиники затормозили два черных джипа. Умиротворенную тишину парка нарушил звук захлопывающихся дверей, грубые голоса.

— В жилом здании на данный момент находятся пять человек. Ваша цель — убить. Убить наверняка. Каждый из пятерых должен получить контрольный выстрел в голову. Я должен лично видеть их тела. Цель ясна? Тогда наступаем. Не бойтесь пошуметь, мы успеем уйти раньше, чем здесь соберутся зеваки.

— Майк, мы проводим работу над ошибками, верно? Теперь уж начисто! — усмехнулся один из киллеров, перезарядив пистолет с глушителем.

— Мы с ними как следует разберемся, будь спокоен. Только я не понял, как этот сопляк сумел выкарабкаться, да еще и распознать твое лицо?

— Гаденыш мог увидеть его, когда я снимал маску. Неважно! Это глупая ошибка, и она должна быть исправлена. Я не помню, чтобы давал команду задавать тупые вопросы. Пошли, пошли! Изрешетите эту больничку как следует!

Они двинулись к зданию, разряжая обоймы, паля в стены и окна. И вдруг их будто отбросило назад: из стен внезапно выдвинулись пуленепробиваемые щиты. Они соединились, образовав непроницаемый слой брони, защищающий здание от любых внешних воздействий.

— Твою мать!

— Это еще что?

— Майк, какого...

Наемники, на секунду замешкавшись, снова открыли огонь. Но пули, словно щебенка, отлетали от защитных пластин, закрывающих дом. Гильзы покрыли траву под их ногами, магазины автоматов опустошались, но никакого эффекта это не производило.

— Отставить огонь! — Робертсон зло сплюнул на землю. — Похоже, они нас ждали. Или эта защита заранее спроектирована старикашкой. Не зря он что-то там получил за свои писульки о роботах и технических разработках.

— Это настоящая крепость, шеф, пулями это не возьмешь.

— Что будем делать? Гранатомет в багажнике, но, боюсь, от него будет слишком много шума.

— Мы успеем убраться. Не теряй времени! — наемник услужливо кинулся к джипу. Из открытого багажника, заваленного оружием, он с осторожностью извлек гранатомет и прицелился, опустившись на одно колено.

— Огонь! — отрывисто выкрикнул Робертсон.

Горящий след снаряда мгновенно прорезал темноту сгустившихся сумерек, раскрывшись широким шлейфом, окутав киллеров дымовой завесой. Их оглушил громовой удар взрыва, но когда дым рассеялся, они увидели, что на защитной плите не осталось даже

вмятины, только темный след копоты.

Робертсон зло выругался и крикнул, повернувшись к своим людям:

— Нужно уходить. Такие же разработки старик предлагал министерству обороны. Нам нужно что-то более внушительное, чем пара гранат и автоматы. По машинам!

Они уехали так же быстро, как и появились, оставив после себя только море гильз, усеявших газон. Мартин видел в окно все их действия, и когда один из наемников направил в сторону здания гранатомет, его горло на секунду сжал страх, взявшийся откуда-то из глубин памяти. Он снова почувствовал себя мальчиком, прячущимся в чулане. Мартин быстро отогнал от себя это чувство.

— Теперь все будет иначе, — прошептал он и поднял взгляд на профессора, так же тревожно следящего за черными фигурами. — Ты создал меня заново, слепил по кусочкам. Ты сделал меня таким сильным не просто так, верно? — Мартин не отрываясь смотрел на профессора. — Ты еще тогда, пять лет назад, понял, что эти люди получают свое наказание, верно?

— Я знал, что изменившаяся жизнь уже не станет прежней. Я взглянул на мир по-другому и стал защищать себя и своих близких. Но я никогда не думал о том, что ты обязан превратиться в машину для мщения. Единственным моим желанием было оградить тебя от новой опасности, сделать сильным для защиты, не для нападения. — Профессор смотрел тревожно, четко проговаривая каждое слово. — Ты понимаешь, что действия против этих людей навсегда сделают тебя человеком вне закона?

— Меня это не пугает. Я не смогу жить обычной жизнью, зная, что эти люди ходят, разговаривают, что они едят и пьют, целуют на ночь своих детей, дышат воздухом, будто бы ничего и не происходило.

— Хорошо, мой мальчик, — профессор сжал плечо Мартина. — Ты отомстишь. Ты восстановишь равновесие. Но тогда ты должен стать другим.

— Что это значит? — Мартин взглянул на закусившую губу Мелани, которая все это время молча стояла за его спиной.

— Марти Стоун не может участвовать в этой войне. За твоих родителей ответит Мститель, а Марти должен жить другой, прежней жизнью. — Мелани говорила это отрывисто, будто запрещая себе думать о сказанном, тут же смиряясь с ним. Она испуганно посмотрела на профессора, поняв, что не должна была вмешиваться в этот разговор, но он как всегда внимательно и ласково встретил ее взгляд.

— Все верно, Мелани. Мартину придется разделить свою жизнь надвое. Обычная жизнь продолжится, и Мартин Стоун будет по-прежнему ездить на мотоцикле, носить растянутые футболки, как вот эта, рассказывать мне за чаем о своих планах, а жизнь Мстителя будет тайной, совсем иной, никто, кроме нас, не будет знать о ней. Это будет непросто, Мартин, это будет очень непросто. Ты готов принять это?

— Я готов, — отвечал Мартин, не замешкавшись ни на секунду. — Пусть будет война. Кажется, без нее невозможен мир, как бы страшно это ни звучало.

— Но помни, помни, Марти, ты не принадлежишь только себе одному, — голос профессора дрогнул, но он не отводя глаз смотрел на Мартина. — Ты очень дорог мне, ты единственное, что у меня есть. И ты должен беречь себя, ради меня, ради Мелани. — Его голос сорвался, и он опустил глаза, но тут же, словно собрав все силы, снова заговорил, но уже тише: — Но я верю в тебя, верю в твои силы, в твою волю, в твой разум. Ты уже не раз доказал мне, что ты сильнее, чем я могу себе представить. И я знаю, что ты принял

единственно верное решение. Да, наши враги — могущественные люди, их много, но мы сможем одержать верх в этой борьбе. Я знаю, твой отец гордился бы тобой, мой мальчик. Они с мамой так гордились бы тобой... — Он закончил еле слышно, будто разом обессилев.

— Я знаю, я все знаю. Все детство нам твердят, что нужно быть честными, нужно быть добрыми, нужно быть справедливыми. Но дети вырастают, и мир предстает совсем не таким простым и понятным. Ложь и зло так часто берут верх, что добру пора обрести силу, обрести шанс защитить себя. И я должен дать этот шанс стороне добра.

— Ну что ж, — профессор с усилием улыбнулся, — мы должны помочь тебе преобразиться, мой мальчик! Моя лаборатория наконец заработает в полную силу. — Он хлопнул в ладоши: — За дело! Добро должно быть не только с кулаками!

Активная, почти судорожная работа была необходима это маленькой семье, чтобы отвлечься от волнения, страха, неуверенности. Профессор то и дело сверялся со старыми расчетами, записанными в многочисленных блокнотах. На щеках Мелани разгорелся румянец, она не спускала глаз с Мартина, а он то и дело острил, вертелся, не давая ей измерить ширину его плеч, как попросил профессор.

— Кажется, все верно. Этот костюм должен будет защитить тебя не только от взглядов любопытствующих, но и от огня и пуль. Я сам разработал эти полимерные материалы и провел ряд испытаний. Я спокоен, если это выражение вообще уместно в сложившейся ситуации, — озабоченно оглядывая пластинчатое покрытие черного облачения Мартина, проговорил профессор.

Он поспешно подошел к стене и нажал на незаметную кнопку. Новая скрытая в стене дверь открыла взорам удивленных ребят ряды разнообразного оружия.

— Знаю, знаю, это выглядит слишком внушительно, но я ведь не зря сорок лет проработал на министерство обороны. И наш противник вооружен не хуже, можете мне поверить, — проговорил профессор спокойно, не дожидаясь вопросов и потрясенных восклицаний.

— Думаю, вот эти пистолеты будут тебе полезны, — он умело снял с подставок пару блестящих стволов.

— Я не думал... Я не предполагал, что ты подготовлен настолько... серьезно, — выдохнул Мартин, принимая оружие.

— Мой мальчик, я ведь работал по программе создания солдат нового поколения. Как ты понимаешь, это лишь малая часть той обширной секретной программы.

— Да, ты рассказывал о своих разработках. Что ж, глядя в зеркало, я вполне могу сказать, что ты вполне преуспел, — усмехнулся Мартин, дотронувшись до металлической вставки, проходящей через его лицо.

— Но почему они закрыли ваш проект? Все, что я вижу сейчас, — потрясающе, — проговорила Мелани.

— Они сделали предложение, которое я не смог принять.

Трансляция новостей, включившаяся на одном из мониторов, прервала профессора.

— По предварительным подсчетам голосов избирателей, мэр города Эрик Хайден снова уверенно обходит своих конкурентов. За него намерены проголосовать более семидесяти процентов жителей нашего города.

На экране появилось взятое крупным планом лицо Хайдена, окруженное частотомикрофонами. Его небольшие глаза смотрели прямо в камеру, он громко говорил, перекрикивая ветер:

— Самое главное для меня — это счастье простых граждан нашего города. Я объявляю войну коррупции и преступности в нашем городе!

На экране снова появилось приятное лицо ведущей.

— Кажется, управление городом снова будет под его уверенным руководством, но не будем делать поспешных выводов, — дикторша улыбнулась в камеру и перелистнула страницы, имитирующие стопку документов на ее столе. — К новостям спорта.

Монитор снова потемнел.

— О да, уверенное руководство, — грустно усмехнулся Мартин. — Похоже, с преступностью я должен немного помочь этому толстяку, верно, Мел? Только я хочу немного замаскироваться. Поможешь мне с этим?

— Конечно. Кто, если не я? — она улыбнулась ему в ответ немного дерзко, делая вызов своим сомнениям и страхам.

— Но сначала отработаем защитную систему и проверим боевое снаряжение, друзья мои. Это нельзя откладывать на потом, — строго проговорил профессор. — Итак, разведи руки. Костюм снабжен множеством датчиков. Твое сознание управляет его функциями. Представь, что ты вступаешь в бой с противником и тебе нужно поразить его ударом руки.

Мартин с готовностью занес руку для удара и увидел, что из костяшек кулака выдвинулись острые шипы. Он поднес руку к глазам и сосредоточенно посмотрел на нее. Под его взглядом шипы стали плоскими, заточенными с двух сторон.

— Я смог приказать им измениться!

— Все зависит от тебя. Ты отлично справляешься. Костюм — это продолжение твоего тела, и с каждым разом он будет слушаться тебя все лучше. Думаю, ты откроешь в нем еще немало новых возможностей.

— Мне уже не терпится пробежаться в этом облачении в более свободном пространстве.

— И кое-что еще, — профессор дотронулся до небольшой пластины на горловине костюма. — Это устройство помогает менять голос. Совершенно не обязательно всем знать, что ты — Мартин Стоун.

— Как это? — спросил было Мартин, но тут же осекся, не узнав в металлическом звуке своего обычного голоса.

— Понятно! — он рассмеялся, и его смех прозвучал как помехи в сломанном телефоне.

— Да, стоит немного подрегулировать настройки, но суть ты понял, — рассмеялся в ответ профессор.

Уже глубокой ночью они закончили с новым обмундированием Мартина. Ларри мгновенно подстраивался под новый тип оружия, оказывавшегося в руках Мартина, и тот без малейших усилий мог прострелить цель, сколь угодно отдаленную и маленькую. Его скелет теперь видоизменялся по его желанию, и шипы молниеносно становились лезвиями, менявшими длину и форму по внутреннему приказу Мартина. Он осваивал все эти изменения в его теле с радостью, будто бы когда-то давно у него отняли крылья, а сейчас вернули, и он заново обучался искусству полета, попутно вспоминая ощущение силы и свободы, ему присущее.

Завершающим штрихом стал маскирующий грим на его лице, который аккуратно, поученически округляя в старании губы, наносила тонкой кисточкой Мелани.

— Но я подготовил для тебя маску, Мартин, она бы так же скрыла от людей твое лицо, — недоуменно заметил профессор.

— Я не сомневаюсь, что она — потрясающая технологическая находка, как и все, что ты создаешь, дед. Но я не могу отказаться от ощущения ветра на лице, поэтому обойдусь этим простым вариантом, — примиряюще ответил Мартин.

— Ну что ж, ты вполне заслужил это, и я не смею требовать, чтобы ты отказался от этой радости, — с улыбкой развел руками профессор. — Я хочу немного передохнуть. Голова гудит от наших забот, но вы обязательно должны показать мне, чем завершится это преобразование.

Молодые люди остались одни в лаборатории. Мелани продолжала старательно закрашивать лицо Мартина густой белой краской. Закончив с этим, она взялась за черный карандаш и уверенным движением нарисовала на его левой щеке крупную слезу, как ее обычно рисуют грустные клоуны. Она отстранилась и, еще раз оглядев свою работу, четко подвела глаза Мартина.

— Все же мне странно, что ты выбрал именно такую маску. Грустный клоун — разве это ты?

— А мне наоборот кажется, что этот образ мне очень подходит. Я всегда думал об этих странных существах. Грустный клоун — разве это не оксюморон? Ведь клоун должен быть непременно связан с весельем, праздником, смехом. А эти ребята всегда казались мне особенными на всех детских вечеринках. Они развлекали людей, выполняли свое предназначение, но при этом все равно оставались нераскрытыми окружающим. И сейчас, мне кажется, я начал понимать, что они чувствуют. Иногда я думаю, что я вовсе не человек, а что-то другое, постороннее, чуждое.

Мелани отвела карандаш от его века и посмотрела ему в глаза. В тени черной краски они казались еще более печальными, чем всегда.

— Нет, Мартин, ты самый настоящий человек. И ты не знаешь сам, насколько этот человек хороший.

— Ты правда так думаешь? — он грустно улыбнулся.

— Я знаю это.

За окнами шумел ветер, и деревья гнулись от его порывов. Дождь стучал в стекла. Мелани с опаской поглядывала на улицу. Она знала, что Мартин не остановит и шаровая молния, залетевшая в комнату. Он встал и подошел к зеркалу, с интересом разглядывая свое лицо в образе печального клоуна.

— Ну что ж, здравствуй, Мститель, будем знакомы. Мы долго шли к этой встрече, — с грустной усмешкой проговорил он, обращаясь к собственному отражению. — Похоже, погода как раз для ночной прогулки, как ты считаешь? — спросил он и тут же согласно закивал, отвечая на свой вопрос.

— Я скоро, Мел, не волнуйся. — Он поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты, не дожидаясь ответа. Она так и продолжала сидеть, бессильно опустив руки. Она понимала, что сегодня ее жизнь так же, как и жизнь Мартина, разделится надвое. Будет счастливая Мелани, рядом с которой — обычный парень Марти Стоун. И будет Мелани вечно ждущая, всматривающаяся в темноту, просыпающаяся от ночных кошмаров. Эта Мелани будет ждать, когда Мститель вернется домой. Именно такая Мелани сейчас медленно подошла к окну, пытаясь различить знакомую фигуру в темноте ночной улицы.

Мартин уже несея через квартал, набирая скорость. Не отдавая себе отчета, он перемахивал через машины, едва касаясь их крыш, отталкивался от стен, используя любую поверхность как возможность увеличить скорость. Он на секунду замедлился перед

небоскребом, уходящим в темноту неба своими бесчисленными окнами, и тут же с усилием оттолкнулся ногой от земли. Набирая скорость, Мартин побежал к стене; когда ее близость уже грозила разбить его лицо, сделал широкий шаг и, резко изменив траекторию, продолжил бежать вертикально вверх. Он перестал чувствовать напряжение и с ощущением радости огибал окна, в которых горел мягкий свет. Но стоило ему расслабиться и потерять бдительность, как перед ним выросла специально закрепленная деревянная люлька, невидимая в темноте, оставленная чистильщиками окон. От неожиданности он остановился, потеряв скорость, тут же сорвался вниз и, пролетев несколько десятков этажей, упал на асфальт. Его костюм защитил тело от переломов, но он все равно поднялся не сразу, постанывая от боли и досады.

Он упрямо поднял голову и снова посмотрел на скрывающуюся в темноте крышу высотки.

— Я слишком хорошо знаю, что ничего нельзя получить просто так. Я бы удивился, если бы не заплатил за эту вершину болью. Что ж, я переношу ее все легче... — пробормотал он. Из пальцев и подошв ботинок Мартина беззвучно выдвинулись цепкие шипы, он начал карабкаться по стене подобно пауку, все увеличивая скорость. Оттолкнувшись руками, он выпрямился и уже снова бежал вверх по стене, внимательно глядя перед собой.

— Ларри, следи, чтобы я больше не делал таких глупых ошибок, — строго проговорил он.

— Я подумал, это будет неплохим уроком. Но как скажешь, — легко согласился тот.

Мойщик окон в это время без чувств лежал в одной из комнат. Завтра он будет рассказывать жене, что явственно видел человека, бежавшего по отвесной стене прямо вверх.

— Да, прямо бежал! Перебирал ногами, как мы с тобой, только не по земле, а вот так, вверх! Клянусь тебе, видел вот этими глазами, как он влетел в мою страховочную люльку и вниз сорвался. Я думал, он со страховкой какой, спортсмен. Так перепугался, думал, концы отдаст парень. Там ведь этаж тридцатый, не меньше. Смотрю, а он снова поднимается. Пронесся мимо меня, я видел. Ни одной веревки, клянусь сердцем матери! На стекле оставил отпечаток подошвы. Мне поплохело, когда я это представление увидел, а как очухался — понял: не показалось, на стекле след от его ботинка. Здоровый такой. Не веришь? Эх ты! — и он разочарованно и беспомощно махнет на жену рукой.

Луна плавно вышла из-за рваных туч и выхватила из темноты крышу высотного здания. На самом ее краю, расправив плечи и подставив ветру лицо, стоял человек.

«Не человек. Не машина. Мсти-тель», — раздавалось в голове Мартина. Мысли падали гулко отдаваясь эхом, будто камни в колодец.

Он окинул взглядом темный город, сверкающий огнями. Как он может быть красив, этот город... Как он может быть страшен... Ветер подул сильнее, охладив лицо Мартина, он почувствовал его прикосновение на левой щеке.

— Мир так прекрасен, но его заполнили зло и насилие. Если я смогу изменить хоть небольшую часть этого огромного мира, остановить хотя бы одного негодяя, оградить от беды хотя бы одного человека, сохраню хотя бы одну жизнь, я буду знать, что мое существование не напрасно. Моя главная потеря стала моей удачей. Я больше не человек. Я больше не чувствую боли и страха, кажется даже, что смерть не тронет меня, ведь она уже потратила на меня достаточно своего времени и ушла ни с чем. Я должен восстановить равновесие, а для этого заслуживающие наказания должны получить его, а понесшие страдания — успокоение и отмщение. Мое имя — Мститель.

Дождь смыл краску с правой стороны его лица, и она блеснула металлом.

— Мое имя Мститель, и я начинаю игру.

.....

...Настало утро, и при свете солнца город уже не казался таким загадочным, таким манящим и пугающим одновременно. Обыденность стала его главной чертой: и ливень, и ветер, и рваные тучи в один миг превратились из знаков судьбы в атрибуты обычного пасмурного утра. Солнечный свет слабо пробивался сквозь запылившиеся окна учебного полицейского центра, делая видимой внимательному глазу пляску пылинок над старыми матами. Но до таких мелочей никому из присутствующих в спортивном зале не было дела — очередная утренняя тренировка спецотдела лейтенанта Робертсона требовала сосредоточенности. Кроме того, вся обстановка и действия были настолько привычны для них, приходящих сюда на тренировки ежедневно год за годом, что детали и мелочи давно слились с облезавшей синей краской на стенах, с душным запахом пота, с гулом недавнего сна в головах, стали их утром.

Разминка уже закончилась, кое-кто прокачивал мышцы на грубых, сделанных с расчетом на вечное пользование тренажерах. Около ринга собрались желающие посмотреть на рукопашную лейтенанта Робертсона. Он был самым старшим из всех, но годы будто бы только закаляли его тело, еще никому не удавалось победить его в тренировочном спарринге. И на этот раз противник Робертсона сложился пополам от мощного удара в печень, осел на пол с еле сдерживаемым стоном. Робертсон возвышался над его скорчившимся телом. Без тени жалости, но снисходительно он проговорил:

— Тебе еще тренироваться и тренироваться, парень, — и прочерченное шрамом лицо искривилось в самодовольной улыбке.

Каждый спарринг с Робертсоном заканчивался так, и бойцы с привычным сочувствием посматривали на поверженного товарища. Сейчас им предстояла последняя пара боев, и новый день в спецотделе пошел бы по привычной линии...

Но эта линия прервалась. Резко распахнулись двери зала, и звук удара, отразившись от стен, разнесся по помещению. Человек, без смущения прервавший тренировку, распахнувший двери ногой, продолжал стоять в открывшемся проеме, спокойно оглядывая удивленных полицейских. Длинные волосы темными волнами ложились на плечи, их линии продолжал тяжелый плащ. Лицо человека было покрыто толстым слоем белой гримировочной краски, из-за которой он напоминал печального Пьеро. Его появление не только разорвало тишину. Оно стало неожиданностью среди однообразного быта этих грубых людей. Они смотрели на это очевидное несоответствие, как на диковинное представление. В зале зазвучал недоуменный смех.

— Это что за клоун? — выкрикнул один из них.

Мартин, будто не заметив окрика, спокойно прошел вперед к центру зала. Он осматривал помещение, каждого из присутствующих, сохраняя в голове схему их расположения.

— Я не понял, этот фокусник в плаще как вообще сюда попал? Паренек, ты нарвался на неприятности. Ты кто? — со смехом окликнул его другой боец.

— Я Мститель, — впервые произнес он свое новое имя. Не для себя, дедушки или Мелани — он назвал себя так перед лицом агрессивных противников.

— Я Мститель. И я пришел вас убить. — Он говорил совершенно спокойно, он был уверен в себе, в своем теле и разуме. Пять минут назад он еще сомневался, стоя перед входом

в здание учебного центра полиции, но сейчас, когда позади оказалась короткая схватка с пятью вооруженными охранниками... Он вспомнил, как вытянулись их лица, когда он уверенно прошел сквозь раму металлодетектора и все его тело высветилось на экране аппарата под пронзительный сигнал тревоги. Как отлетел спиной в стеклянную дверь попытавшийся остановить его мужчина в форме, и разлетелись, словно брызги, кусочки стекла, будто тот упал спиной в водную гладь. Уверенность и спокойствие наполняли его. Он не был Мартином, неуверенным в себе, сомневающимся, рассуждающим. Он был Мстителем, и он точно знал, что нужно делать.

— Ты пришел нас убить? — растягивая слова, повторил один из бойцов. Ему сложно было подобрать шутку, так нелепо звучало для него это высказывание. Он усмехнулся, а за его усмешкой потянулся и нестройный хохот всех остальных спецназовцев.

— Ты хотел сказать, что пришел сюда, чтобы умереть, придурок?

Голос Мстителя, искаженный изобретением профессора, отдавал металлом:

— Вы чувствуете себя героями, убивая невинных, незащищенных людей. Но я не боюсь вас!

Он зафиксировал в памяти каждое лицо, а Ларри уже соотнес их с делами спецотдела Робертсона. Все были в сборе. Все участники массового убийства в доме Стоунов сейчас были в этом зале, они еще не знали, что действительно скоро умрут. Они смеялись. Когда-то и отец Криса смеялся, перед тем как открыть дверь незнакомцу в черной маске...

Этим незнакомцем был Робертсон, скомандовавший своим людям:

— Выбросите отсюда этого шута!

На Мартина наступали с четырех сторон люди, давно привыкшие убивать, без тени неуверенности в глазах, с ухмылками, кривящими их губы.

— Можно я? Ненавижу чертовых неформалов. Этот, наверное, тоже очередной фрик, пришел побороться за мир во всем мире. — Двухметровый здоровяк разминал пальцы, хрустя костями.

— Не боишься, клоун? Может, сам уйдешь, по-хорошему? — наемник напряг бицепсы, показывая, с чем Мартину в противном случае придется иметь дело.

Мартин продолжал спокойно стоять. Он видел своих противников насквозь, он знал, что они сделают в следующую секунду. Один из них успел только занести руку для удара, а Мститель уже делал резкий и мощный выпад: из побелевших костяшек беззвучно выдвинулись острейшие лезвия. Он лишь почувствовал небольшое сопротивление, а лезвия уже прошли сквозь человеческую плоть и вновь исчезли в его напряженных кулаках, единственный след — несколько красных капель, брызнувших ему на лицо.

Это движение было недоступно человеческому зрению, но остальные наступавшие увидели, как на теле их напарника появились четыре длинные царапины, проходящие наискось — от шеи к животу и ребрам. Лицо здоровяка стало удивленным, он опустил голову, чтобы посмотреть на порезы, но тут удивление сменилось испугом, из его рта потекла кровь. Царапины налились кровью, и вдруг только что стоявший человек плавно съехал на пол, как порубленный кусок мяса. Мартин не поцарапал его. Лезвия прошли насквозь, и здоровяк умер, разрубленный на ровные части, не успев даже осознать этого.

Мститель не дал себе времени остановиться и осознать, что произошло. Он продолжал свое дело. Резко разведя руки в стороны, он почувствовал, что из рук естественным продолжением его тела выдвинулись два тонких лезвия. Они пронзили двух собиравшихся наброситься на него бойцов и, блеснув окровавленной сталью, тут же спрятались в ладони.

Резко повернувшись, в повороте снова оголяя лезвия своих рук, Мститель легко снес голову стоявшему позади него человеку, проведя лезвиями по его шее. Будто в комичном фильме ужасов, голова бойца упала на пол и, пару раз перевернувшись, застыла, показывая Робертсону часть искаженного злобой лица, причем тело парня еще пару секунд стояло на ногах, перед тем как, качнувшись, обрушиться на пол...

Робертсон стоял, хватая ртом воздух. Он не успел испугаться, первой эмоцией этого человека в критической ситуации давно стала ярость, а не страх.

— Что происходит, черт возьми? Ты убил их?! Кто ты, мать твою?!

Мартин все так же бесстрастно смотрел на убийцу своих родителей.

— Ты должен понести наказание за зло, которое совершил.

— Какое еще зло? Ты чертов псих, что тебе нужно? Из какой психушки ты сбежал? — Робертсон нервно оглянулся и сделал пару шагов назад.

— Не помнишь маленького мальчика, что прятался в чулане, пока ты расстреливал его безоружных родителей? Не помнишь тех людей, что оказались в тот день в доме семьи Стоун? Беспомощную домработницу? — металлический голос звучал все громче, заполняя собой все пространство, оглушая Робертсона. — Нет, я не дам тебе забыть этого! За это ты понесешь наказание!

Робертсон, сжав кулаки, бросился на сумасшедшего. Он знал, что в рукопашном бою уложит любого из своих бойцов, а уж этого психа он и вовсе не должен бояться. Он наносил удары, какими отправлял в нокаут лучших своих парней, он бил в голову, в печень, в солнечное сплетение, но человек с маской Пьеро стоял неподвижно, будто и не замечая усилий лейтенанта.

Робертсон окончательно выдохся, когда Мститель нанес ему единственный удар. Мститель вложил в него столько накопленной ненависти и силы, что мощное тело Робертсона перевернулось в воздухе перед тем, как обрушиться на пол.

Робертсон только сейчас осознал, что перед ним существо, обладающее невероятными способностями. Он ощутил тот ужас и беспомощность, которые обычно видел в глазах своих жертв. Он закричал истошно и зло, призывая на помощь других бойцов. Он знал, что в здании тренировки идут круглые сутки, и ряженный зря заявился сюда, даже с этой нечеловеческой силой ему не справиться с таким количеством спецназовцев.

— Это нападение! Скорее! Тревога! Все сюда! — он кричал, не замечая, что зал постепенно наполняется новыми бойцами.

Они застывают, в недоумении и страхе глядя на изрубленные тела знакомых бойцов. Один из них не смог сдержать крика, случайно коснувшись ногой откатившейся головы. Робертсон прохрипел, указывая на Мстителя, по-прежнему спокойно стоявшего в центре спортивного зала:

— Что вы встали?! Это он! Вы должны его уничтожить! Сейчас же! — он сплюнул кровь на пыльный пол.

Оправившись от шока, бойцы сошлись плотным кольцом вокруг Мстителя. В их руках мелькали нунчаки, длинные японские мечи со свистом разрезали воздух. Восточные боевые искусства были основой их тренировок, виртуозное владение подобным оружием — нормой. На некоторое время Мстителя стало не видно, он исчез за плотным кольцом нападавших. Он не ощущал своего тела, а металлические конечности не передавали в мозг сигналы о боли. Рубящие и режущие удары сокрушали его тело, но он продолжал двигаться как ни в чем не бывало, все ускоряясь и ускоряясь, не замечая, как иссечено его лицо, как сходит с рук

искусственный кожный покров, открывая металлические суставы. Его противники с испугом отступили на секунду, осознав, что ведут бой с чем-то неестественным.

— Что за дьявол?! Какая мерзость! — выдохнул один из них и тут же упал, раскроенный лезвием на две ровные половины.

Мартин приказывал лезвиям выдвинуться из рук на максимальную длину, он видел новые и новые тела, которые нужно было резать, кромсать, терзать, которые нужно было превратить в лежащие без движения куски мяса. И он делал свое дело сосредоточенно и умело. Спецназовцы ложились под его ударами, не понимая, что происходит, что за дьявольская сила поселилась в этой тонкой фигуре, какой властью обладает этот парень с лицом грустного клоуна.

Руки Мартина продолжали вращаться, превратившись в разящие мечи, хотя им было уже некого ранить — его окружали неподвижные тела. Весь искусственный кожный покров был уничтожен, и его тело блестело металлом, выдавая сущность киборга, а не человека.

— Оглянись, уродец!

Мартин спокойно повернулся к говорящему. На него смотрел лейтенант Робертсон. Он тяжело дышал, направив в лицо Мартина дуло пулемета. Едва поняв, что бойцы падают, разрубленные на куски, не причиняя Мстителю существенного вреда, он, припадая на одну ногу, добрался до оружейного склада.

— Пулемет взрывает машины, сбивает вертушки, — сквозь зубы говорил он, целясь в белую маску Пьеро. — Думаю, это средство как раз против таких паразитов, как ты, уродец. Да, перед тем, как продырявить тебя, скажу. Ты настоящий урод, Мартин Стоун. Твой дед создал выродка, и это неудивительно! Это ваша семейная черта. Я помню твоего отца. Помню его лицо, когда я убивал его. Да, да, я и сейчас могу ощутить это приятное чувство. Эту легкость, с которой отправляешь на тот свет очередного мечтательного ублюдка. Мне было легко. Мне было весело смотреть, как он корчится от страха, а потом от боли. Я ненавижу тех, кто мнит себя рыцарями без страха и упрека, борцами за справедливость. Знаешь, почему, уродец? Потому что справедливости нет, и нужно иметь храбрость, чтобы признать это. Поэтому я сейчас стою перед тобой, и у меня в руках пулемет. А ты, столько выстрадавший, сейчас умрешь, несмотря на все твои глупые идеалы и мечты.

Мартин спокойно слушал монолог Робертсона. И его тонкие губы, закрашенные белым гримом, тронула улыбка. Это была грустная улыбка превосходства.

Робертсон начал стрелять и остановился, только израсходовав всю пулеметную ленту. В тело Мартина ударили сотни пуль, и он инстинктивно закрыл лицо, вскинув руку. Полиметаллическая конструкция разлетелась на куски, но Мартин продолжал стоять, принимая на себя ливень из пуль. Его предплечье превратилось в беспомощный обрубок. И лейтенант рассмеялся, прекратив огонь.

— Кажется, ты распадаешься на запчасти, тупой робот! Твой дед просчитался, ты не так уж неуязвим, как...

Он осекся, увидев, что из предплечья Мстителя, так же как и лезвия, теперь выдвигается новая, сверкающая гладким металлом рука. Мартин спокойно продолжал стоять, сгибая и разгибая новую кисть, оглядывая новые пальцы, разминая суставы.

— Чертова машина! Не думай, что я сдамся! Я убил столько, что тебе и не сосчитать, и не тебе останавливать меня! — Робертсон снова вжал гашетку пулемета, и новая волна пуль ударила в Мартина.

Мартин не чувствовал боли. И с удивлением, будто бы следил за происходящим со

стороны, смотрел, как новая рука заменила отстреленную конечность. Сейчас он заметил уголком зрения зеленые формулы расчетов, создаваемых Ларри. Он повернулся и, не успевая осознать, какие именно сверхбыстрые процессы сейчас совершает его компьютерный мозг, побежал от ливня пуль, набирая скорость, ступая по стене и потолку. Пули, попадавшие в его тело, разрушали внешнее покрытие, но металлический скелет остался цел, и когда Мститель приземлился на обе ноги за спиной лейтенанта Робертсона, его тело, лишенное имитирующей человеческую кожу оболочки, было телом робота. Вершина технологических исследований — его тело, состоящее из металлических соединений, простых и гениальных в своей простоте суставов и связок, почти повторяющих человеческие, сейчас блестело от покрывающей его крови убитых людей.

Робертсон успел развернуться с тяжелым пулеметом в руках, но удар в челюсть тут же отбросил его к стене. Он беспомощно сполз на пол, раскинув руки. В его глазах плавала мутная злоба без проблесков сознания, лейтенант вот-вот должен был отключиться. Но Мститель резко вскинул его на ноги, прижав к стене. Железная рука сомкнулась вокруг горла Робертсона и сжалась, едва оставляя ему возможность дышать.

— Я убью тебя! — Искусственный голос Мстителя теперь казался органичным его внешнему облику робота, человеку, сделанному из железа.

— Я просто выполнял приказ! — прохрипел Робертсон. — Я просто исполнитель.

— Кто тебя послал? — Рука Мстителя крепче сжалась на горле лейтенанта, и тот судорожно задергал ногами, хрипя. Мститель резко разжал пальцы, и тело Робертсона бессильно свалилось к его ногам. Он кашлял и пытался перевернуться со спины на живот, но ему не хватало на это сил.

— Кто тебя послал?! — громче повторил Мститель и поставил тяжелый ботинок на извивающееся тело еще недавно такого смелого противника.

— Это все он, отпусти меня. Отпусти, прошу. — Робертсон перестал извиваться и теперь со страхом смотрел на нависшего над ним Мстителя.

— Имя! — Мститель с новой силой вжал тело Робертсона в пол, и тот снова начал хрипло кашлять, задыхаясь.

— Сэм... Риверс... — еле слышно выдохнул он. — Не надо...

Он еще продолжал умоляюще смотреть на Мстителя, но в его грудь уже вонзились острые шипы, выдвинувшиеся из металлической руки.

— Ты сам лишил меня жалости. Ты сам нанес себе этот удар. — Лезвия мгновенно вернулись в напряженную руку, и только кровь на костяшках пальцев алела напоминанием и свидетельством этой смерти.

Мартин, не до конца сознавая, что делает, еще раз посмотрел на неподвижное тело Робертсона.

«У меня нет жалости...» — единственная мысль, отчетливо звучащая в его голове.

Он направился к двери, попутно захватив пулемет, лежавший на полу в грудe отстрелянных лент. Легко закинув оружие на плечо и толкнув ногой дверь, Мартин не рассчитал силы, и на этот раз створки слетели с петель: стеклянные вставки осыпались на пол, подошвы ботинок Мартина прохрустели по стеклу, оставляя на полу тонкую пыль.

— У меня нет жалости к убийцам...

Мартин не замечал ни мертвых тел, ни застывшего с умоляющей гримасой на лице Робертсона, ни звона разбитого стекла. Он быстро оказался на улице и оседлал свой мотоцикл. Он не замечал последствий, потому что мог думать только о своей новой цели:

сейчас в полицейском участке спокойно сидит за своим столом Сэм Риверс, человек, по вине которого жизнь Мартина изменилась раз и навсегда. Человек, приказавший уничтожить его родителей, будто они были не людьми, а надоедливými тараканами. Человек, предавший его отца семь лет назад, а вчера предавший и самого Мартина. Этот человек должен был умереть как можно скорее, и Мститель действовал быстро.

— Мартин, у нас появилась компания, — сарказм в бесстрастном голосе Ларри уже давно стал неотъемлемой нотой. Мартин повернул голову и усмехнулся, увидев, что за его байком следовала целая колонна полицейских машин.

— Немедленно остановитесь! Водитель черного скоростного мотоцикла! Немедленно остановитесь! — громкоговорители делали голоса полицейских схожими с голосом Мстителя.

— Спасибо, но я предпочитаю высокие скорости. И одиночество. — Он выжал газ и, оставив на асфальте след от форсажа, оторвался от своих преследователей.

— Какая ирония — уезжать от преследующих нас полицейских машин в полицейский участок, — прозвучал голос Ларри.

— Ты слишком много читаешь, друг. — Мартин чуть заметно улыбнулся. — Скоро начнешь открыто шутить, станешь более человечным, чем я.

— Не самая высокая ступень человечности, — парировал компьютер. — По моим расчетам, пора притормозить.

— А по-моему, этими данными можно пренебречь. — Мартин отвечал, а стеклянные двери дежурной части уже разлетались на мелкие кусочки под мощным корпусом байка. Мартин быстро соскочил с летящей машины и откатился к стене. Мотоцикл проскользнул по гладкому полу и врезался в турникет. Раздался взрыв, которого ожидал Мартин, прижавшийся к стене, но не ожидали полицейские. Они все еще пребывали в тех нелепых позах, в которых попытались укрыться от внезапного взрыва, прикрывая лицо и голову руками, пригнувшись, спрятавшись под столом, растянувшись на полу. Они не успели переменить поз, и испуг не сошел с их лиц, когда дым рассеялся и перед ними предстал Мститель в развевающемся черном плаще, с маской печального Пьеро на лице, с пулеметом в руках. Он не сказал ничего, а просто открыл огонь, с каждой очередью сжимая бледные губы все сильнее. Не стараясь поразить насмерть, он крушил стены, выбивал окна, взрывал дорожками выстрелов пластиковые, деревянные, бетонные покрытия, и они разлетались, осыпая осколками и пылью головы людей, сжавшихся на полу, парализованных страхом.

Он остановился, когда пулеметная лента опустела. Бросив на пол бесполезный теперь кусок железа, Мартин оказался у фойе с лифтами. Двери раскрылись, и он быстро нажал кнопку последнего этажа. Скорее всего, там и будет Риверс. Такие люди любят роскошь, просторный кабинет с хорошим видом из окна — без этого Риверсу никуда.

Цифра десять высветилась на небольшом табло — последний этаж. Мартин вышел и, не целясь, выстрелил из пистолета в закрывающиеся двери. Несколько пуль успели достичь цели — напоследок Мартин увидел, что панель с кнопками заискрилась и дымится, а значит, людям снизу потребуется чуть больше времени, чтобы подняться сюда.

Мартин уже привычным движением ноги резко распахнул дверь в кабинет Риверса. Направил дуло своего пистолета в голову сидящему за столом. Это был Риверс — глаза Мартина жадно ощупывали его лицо, его крупную фигуру, его позу, которая не изменилась с тех пор, как Мартин появился на пороге его кабинета.

Сэм Риверс спокойно смотрел на Мартина, не пытаясь бежать, укрыться под столом или

хотя бы повернуться боком к дулу.

— Я не ожидал, что все произойдет так быстро. — Риверс поднялся и спокойно подошел к Мартину, продолжая всматриваться в его лицо. — Так значит, ты — Мартин? Я узнал тебя сразу, как только ты вошел, такой сильный и разъяренный. Это удивление у тебя на лице? Неужели ты думал, что, намазав на лицо эту краску, ты скроешь черты своего отца? Ты очень похож на Криса... А я хорошо его знал, поверь. Что же теперь? Его сын благодаря усилиям профессора Стоуна превратился в машину для убийств? Я ведь правильно понял, Мартин?

Мартин смотрел на спокойное лицо Риверса и не чувствовал в себе сил уничтожить его сейчас же. Просто выстрелить в этого человека, так легко вспоминающего о его отце.

— Это вы приказали убить Криса и Элен Стоун? — дрожь слышалась даже в металлическом отзвуке его голоса.

— Меня заставили, Мартин, — Риверс пожал плечами и печально улыбнулся. — Это волчья стая. Либо ты со всеми, либо тебя уничтожают. — Он смотрел на Мартина снисходительно, будто бы объяснял школьнику таблицу умножения.

— Крис Стоун считал вас своим другом, он вылечил вашу дочь, он спас ее. Это вы помните?

— О, я помню это очень хорошо! И я был ему очень благодарен. — Лицо Риверса стало очень серьезным. — Я обещал ему сделать все, что смогу, чтобы помочь. Я сделал все что мог. Крис сам виноват в своей смерти, в смерти жены, в смертях этих невинных людей, что оказались в его доме. — Спокойный тон Риверса улетучился, он почти кричал. Тысячу раз повторял он сам себе эти слова, и наконец ему представилась возможность выплеснуть свое переживание, то, что он скрывал все эти годы.

— Я предупреждал его, я пытался его образумить. Я пытался вбить в его голову, что идти против системы — это идти на смерть. Убедить, что он совершает добровольное самоубийство, думая, что вершит справедливость. А это была блажь! Глупость! Наивная глупость! Система съедает живьем. Она сжирает людей, даже не распробовав их вкуса. Перемалывает, не оставляя следа. Крис не хотел подчиниться, думая, что у него есть выбор. А это раздражает сильных мира сего, они-то понимают, что выбор всегда за ними.

Слова Риверса потонули в потоке воспоминаний. Мартин внезапно в мельчайших подробностях заново увидел празднично украшенную гостиную, стол, за которым не уместились все гости, поэтому улыбающиеся люди столпились вокруг, чтобы видеть, как именинник задует свечи на праздничном торте. Мартин загадывает желание и старательно задувает все свечи, все до одной. Что он тогда загадал? Что же? Тогда ему не пришло в голову просить у Вселенной продления жизни родителей, а стоило... Он видел улыбки родителей, слышал их смех так явственно, так отчетливо, как будто это не было воспоминанием.

— Имена. Ты скажешь мне имена всех, кто замешан в этой подлой системе. — Он старался говорить обычным голосом, но ощущал, что он уже на пределе сил и чувств. Из его левого глаза выкатилась неконтролируемая слеза, пробежала по щеке, смешавшись с и без того неровным гримом, размыла четкую линию нарисованной Мелани слезы. Смешавшись с краской и став совсем черной, слеза упала на пол.

Сэм Риверс молча подошел к окну. Там, внизу, из нескольких массивных джипов один за другим появлялись человечки в черных костюмах. С высоты десятого этажа они казались маленькими и безобидными. Они появлялись один за другим и выстраивались перед

машинами, меняли положение и вытягивались в линию вдоль стены, заходили в подъезд — один за другим, один за другим. Казалось, эта армия бесконечна. Они напоминали рой саранчи. И, как саранча, они были готовы уничтожить свою цель, ничего не жалея на своем пути.

— Это страшные люди, Мартин! Они намного могущественнее, чем ты можешь себе представить. Я пытался защитить твоего отца, но он отказался платить взносы. Он вышел из игры, даже не попытавшись соответствовать, и верхушка боялась, что за ним последуют другие. И они правильно сделали: стоит одному поднять голову, как тут же кто-то повторяет за ним этот неосмотрительный жест. Честно говоря, я и сам был готов последовать за ним, но потом... Я не мог сопротивляться — они могли сделать с моей семьей то же, что случилось с твоей. А я не мог жертвовать ею. Что ж, ирония судьбы. Эшли ушла от меня, забрав малышку, едва заподозрила, что я могу иметь отношение к трагедии семьи Стоун. Я потерял то, чем дорожил больше всего на свете... И ради чего?

— Мне нужны имена, Сэм. Сейчас же. — Механический голос Мартина не передавал эмоции.

— Имена! Чьи имена тебе нужны, мальчик?! — Риверс на секунду потерял самообладание, он оттолкнул кресло и приблизился к Мартину. — У них нет лиц, нет имен! Это все, кто правит этим миром. Это банкиры и чиновники, полиция и правосудие! Ты думал, что я — убийца твоих родителей? Думал, что это те головорезы? Но ты ошибся, мы — всего лишь винтики, пешки! Не будет меня — придет другой, точно так же сядет на мое место и будет делать мою работу. Тех, что ты уложил, заменят новые наемники, ничуть не хуже старых. Ты понимаешь меня, ты слышишь меня? Ничто. Не может. Измениться.

— Кто же тогда должен думать о простых людях? — Мартин внимательно следил за тем, как Риверс нервно отвернулся к окну, но продолжал говорить, уже глядя Мартину в лицо.

— О простых людях? Да ты еще совсем наивный ребенок! Кто и когда вообще думал о простых людях!? Люди — это разменные пешки, не более. Стадо овец, подгоняемое пастухом.

— По-вашему, хороших людей нет, как и смысла помогать им?

— Нет хороших и плохих. Есть просто люди. Быть жестокими, хватать и тащить кусок побольше — это их сущность, их слабость. Те, кто не хочет подчиняться общему инстинкту, одиночки, вроде твоего отца. Одиночки и мечтатели, Мартин. А мир устал от мечтателей! — Риверс почти кричал. — Мир устал от мечтателей и правдоискателей! Где он, этот наивный романтик, верящий в правду, Крис Стоун? Он думал, что живет в мире, который можно изменить, но он ошибался, и поэтому сейчас ты стоишь передо мной с лицом, разукрашенным в черное и белое. Хотя бы ты должен понять, что мир никогда не изменится. Есть две правды — для толпы и для избранных. И попытки соединить их в одну нарушают систему, рожают хаос. Приносят смерть.

Мартин покачал головой:

— Это не так, я не буду верить вам. Это очень удобная правда, правда для избранных, вы считаете ее такой. Но это очередная ложь, придуманная вами, чтобы совесть перестала грызть и мучить по ночам. Но она не перестанет. Послушай, Риверс, я даю тебе шанс бросить своей совести кость, успокоить ее на какое-то время. Назови их имена, и я сохраню тебе жизнь.

Риверс еще раз взглянул за окно и бессильно развел руками:

— Я боялся их. Я очень боялся за свою семью. Для них это очень легкое дело — убивать. Вот, возьми. — Он быстро набрал код и раскрыл дверцу сейфа, с нижней полки достал диск в прозрачной упаковке. Мартин, ничего не говоря, положил диск в карман плаща.

— Они убьют тебя! — Риверс кричал в спину Мартину, будто пытаясь оправдать себя, свой страх, свою бессмысленную жизнь, что продолжилась, когда жизнь Криса Стоуна так легко оборвалась. — Они убьют тебя, где бы ты ни скрылся!

Дверь закрылась за спиной Мартина. Риверс устало опустил в кресло. Убьют! Ну и что? Кажется, Риверс и без этого существует подобно труп — без семьи, без любви, без радости. И без спокойствия. Хотя бы одна спокойная ночь, хотя бы одна!

Он достал с другой полки открытого сейфа заряженный табельный пистолет и решительно направил дуло себе в подбородок. Закрыв глаза и напряг руку. Сейчас он нажмет на курок — и воспоминания о том вечере перестанут тревожить его. Он не будет больше видеть этот вечер в клинике, будто наяву...

...Официанты, разносящие шампанское, блестящий паркет, кругом свет, свет, много света. Женщины в красивых платьях, мужчины в смокингах. И Эшли, его Эшли держит его за руку. Он вспоминал улыбающееся, открытое лицо Криса, его жесткое и энергичное рукопожатие.

— Крис, вы знаете, как мы благодарны вам. Вы вернули нашу девочку к жизни. Наверное, это Бог послал вас нам! — Эшли говорила эти слова так искренне, так смущенно и при этом горячо.

— Вы знаете, доктор, что можете ждать от нас любой помощи. Любой. И в любое время. — Тогда Сэм обещал любую помощь, не думая, что сам станет причиной ситуации, в которой уже никто не сможет помочь.

— Надеюсь, помощь начальника полиции мне не понадобится! — Крис как всегда смеялся. Был легок и беззаботен. Неужели он действительно был так глуп, что не понимал всей опасности? Или не хотел разрешить себе понять?.. Сэм тогда вернулся, пробравшись сквозь толпу, схватил Криса за руку и, будто доверяя тайну, жарко прошептал:

— Я очень уважаю вас, Крис, но вы должны понимать. С этими людьми нужно договариваться. Вы должны считаться с мэром, нельзя просто делать вид, что его нет. Мы с вами оба внутри системы, и сопротивление ей может быть опасно.

— Вы угрожаете мне?

Каким жестким тут же стал его голос! Нет, он все прекрасно понимал, этот сумасшедший...

— Нет, что вы, просто предупреждаю. Даже я не могу гарантировать вашу безопасность... В мире, где все поклоняются деньгам, герои обречены...

— Герои обречены, — повторил Сэм и сильнее прижал пистолет к виску. На его сведенной усилием руке была видна каждая мышца, отчетливо выступили под кожей канаты жил. Выстрел оглушил его, но пистолет уже был опущен, и пуля застряла в противоположной стене. Он сидел откинув голову и тяжело дышал. Восстановив дыхание, он нажал на телефоне кнопку внутренней связи.

— Я знаю, кто под маской. Всех бойцов направить в этот корпус. Его необходимо уничтожить. — Риверс вытер пот со лба тыльной стороной руки, будто проделал тяжелую работу.

Мартин не успел далеко отойти от приемной Риверса. Ушные мембраны донесли до его

сознания звук вращающихся пропеллеров — вертолеты опускались на крышу здания, сотни ног сотрясали пол — спецназовцы поднимались вверх. Он сделал шаг к лестнице, но тут же увидел головы отряда, поднимающегося за ним. На уровне его глаз мелькнули ноги другого отряда, спускающегося с технического этажа под крышей. Один из них поднимает голову и несколько мгновений смотрит в лицо Мстителя, такое спокойное и немного грустное из-за грима.

— Он здесь! Десятый этаж! Цель на десятом этаже! — он кричит, будто спохватившись, но Мститель уже закрыл дверь. Он бежал по десятому этажу, преодолевая лабиринты кабинетов, то и дело меняя направление, поворачивая в новые коридоры. За спиной он слышал стрельбу, ощущал движение пуль, слышал их визг, но не обращал на них внимания. Выломав ногой очередную дверь, он оказался в тупиковой комнате, где не было даже окон.

«Работая в таком месте, немудрено захотеть убивать», — пронеслось в его голове, но он тут же отогнал эту нелепую мысль. После разговора с Риверсом он потерял в концентрации. Ему все чудилось, что отец и мама каким-то образом могут видеть его, он думал о них, об их улыбках, смехе, о том, как счастливо они жили раньше. И руки опускались. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и молча смотрел на входную дверь, не пытаясь бежать или атаковать.

Ворвавшиеся в помещение солдаты на секунду застыли с поднятыми автоматами наперевес.

— Руки подними, клоун! — деловито и дерзко, стараясь сам себя раззадорить, выкрикнул один из спецназовцев.

— Мы взяли его! Какие дальнейшие действия? — один из бойцов нервно кричал в рацию. — Не понял, повторите! — Он приподнял плечи, будто школьник, не готовый отвечать, когда из рации донеслось разъяренное:

— Стреляйте, мать вашу!

Это был голос Риверса.

Мартин стоял, раскинув руки, прижатый огневой волной к стене. Он смотрел, как красиво рикошетят пули от его металлических рук, ног, от его лба. Он без сожаления наблюдал, как сгорают последние кусочки искусственной кожи и он окончательно преобразается в робота.

— Что ты делаешь, Мартин?! — голос Ларри будто пробудил его ото сна. — Действуй! Думай и действуй!

— Я понял, Ларри. Все будет хорошо. Сейчас.

В эту же минуту пораженные спецназовцы пришли в себя:

— Твою мать, он живой...

— У него броник! Бьем по лицу и ногам! Что встали? Огонь!

Два десятка солдат, сумевшие уместиться в небольшое помещение, открыли огонь. Два десятка пуль летели Мартину в голову, в ноги, в корпус. Он сосредоточенно прищурился, и время замедлилось. Мартин мог рассмотреть вращение каждой из смертельных капель свинца. Он на долю секунды задержался, не в силах отвести взгляд от этой красоты смерти, и тут же откинул корпус назад, уклоняясь от неминуемого приближения пуль. Сделав кувырок, он оттолкнулся ногами — суставы киборга не подвели, приземлился на потолок, зацепившись за гладкую поверхность шипами, мгновенно выдвинутыми из рук и ног. Солдаты еще не поняли, куда подевалась их живая мишень, секунду назад стоявшая напротив, безвольно разведя руки. Мартин, не дав им опомниться, сделал еще кувырок и

приземлился в самую гущу бойцов. Он не дал себе времени на размышления и тут же завертелся на месте, раздавая сокрушительные удары, совершенно не думая о чужой боли. Он выполнял техническую работу, рутину, не затрачивая лишних эмоций и сил. Через минуту он уже единственный возвышался среди лежащих тел.

— О, черт! Что здесь, черт возьми, произошло?

Солдаты отряда подкрепления отнюдь не ждали такого поворота. А Мститель не располагал временем, чтобы дать им оправиться от шока. В его руках уже блеснули пистолеты, пуля за пулей укладывая спецназовцев. На их лицах почти не было страха — удивление, недовольство, недоумение приподнимали их брови, а между бровей аккуратно зияла дырочка от пули, оставленная выстрелом Мартина. Солдаты падали как подкошенные, а задние ряды, понимая, что спастись не удастся, начали отступать. Они уже не обращали внимания на крики Риверса, раздающего команды в громкоговоритель, стоя за спинами бойцов.

— Убить его! Убить! Не смей отступать! Труссы! Труссы! Еще шаг, и я сам начну стрелять в ваши трусливые спины, мать вашу!

Солдаты не останавливались, толкаясь плечами, они продирались сквозь узкий проход. Но тут мерные и частые звуки выстрелов прекратились.

— Кажется, у него закончились патроны! — один из бойцов с надеждой посмотрел на Мстителя, понимая, что он как раз следующий в очереди на тот свет.

Мартин, не спуская глаз с бойца, вытянул руки вперед и отбросил пистолеты. Солдатик испуганно следил, как, подпрыгивая, поворачивается на скользком полу оружие, что мгновение назад несло в себе его смерть. Его тут же отеснили к стене, но воспоминание о грустном клоуне, отбросившем бесполезные пистолеты, еще не раз потом возвращалось к нему в снах. Он так и стоял, опустив руки, когда все остальные снова поднимали оружие. Из-за спин солдат ближе к Мартину продвинулся Риверс. Куда делось его понимающее выражение лица, где сочувствие, где сожаление? Он сумел задавить в себе все человеческое, лицо его было искажено звериной яростью. Он оскалился:

— Я предупреждал, что ты не уйдешь отсюда живым. Покинуть это здание ты сможешь только мертвым. Ну, что ж... Убейте его! — он крикнул последнюю фразу и резко опустил поднятую руку, призывая к дружному расстрелу.

Пули снова полетели на Мартина плотным роем, но он уже знал, что будет делать.

— Ты в порядке, Мартин?

— Порядок, Ларри. — Мартин развернулся спиной к летящим в него пулям и сделал несколько энергичных шагов к стене. С силой оттолкнувшись от нее, он побежал по замкнутой поверхности. Повернув к потолку, он пробежал еще пару шагов и, сделав последнее, самое мощное усилие, прыгнул прямо в стену, вытянув вперед руки. Бетонная стена поддалась удару, и Мартин, высадив кусок бетона, вылетел на улицу. Он чувствовал, как слой за слоем ему поддается отделочный материал, как разбегаются трещины и как ломается стена. Он чувствовал, что ему хватит сил, чтобы продолжить свое падение, практически превратив его в полет, и оказаться на крыше соседнего здания. Расчеты Ларри быстро мелькнули где-то в уголке сознания.

— Вполне можно попытаться, — слышался его голос, а в следующее мгновение Мартин уже упруго приземлился на крышу.

Бойцы во главе с Риверсом, пораженные, следили за невероятным прыжком. Многие не могли сдержаться:

— Клоун перелетел на соседнее здание! Ты видел?

— Да он чокнутый, это невозможно!

— Либо он, либо мы...

Риверс быстро пришел в себя:

— Он на соседней крыше! Быстро отряд на крышу соседнего здания! Откуда я знаю, как?! — Он зло нажал на кнопку разъединения.

Мартин пружинисто приземлился, сделал кувырок и продолжил бежать. Навстречу ему выбежали двое мощных охранников, но он просто выставил руки в стороны и, не замедляя шага, сбил с ног обоих ударом в солнечное сплетение. Охранники упали и, пытаясь вернуть дыхание, корчились и извивались на крыше, а Мартин уже пробил ногами стеклянную перегородку и оказался в офисном отделе. Гром разбивающегося стекла заставил всех сотрудников офисов вскинуть головы и забыть о своих бумагах и проектах. Мститель повел плечами, стряхивая осколки, и продолжил свой путь по коридорам офиса. Работники тут же падали на пол, закрывая голову руками, забиваясь под столы, прижимаясь к стенам. Их лица были бледны. Мартину хотелось остановиться, успокоить этих перепуганных людей, но он понимал, что у него мало времени, к тому же он знал, что даже самые ласковые интонации его металлического голоса не смогут никого успокоить.

Он бежал по светлому коридору. Лампы мелькали над головой, он набирал скорость, готовый вылететь на лестницу и прорваться на крышу, но путь преградил новый отряд.

«Кажется, пора перестать убивать этих оловянных солдатиков», — проговорил он про себя.

Сделав сальто, он, будто и не менял только что поверхность опоры, продолжил бежать, но уже по потолку, обратно, к разбитому им стеклянному перекрытию. Воздух ободряюще охладил левую сторону его лица, он оттолкнулся ногами в последний раз и, сделав кувырок в воздухе, будто ныряльщик в прыжке, приземлился на капот полицейской машины. Он почувствовал, как напряглись колени, но спокойно выпрямил их и, оглянувшись вокруг, понял, что машина смята в лепешку, а он — невредим.

— Неплохо, да, Ларри?

— Как и должно быть, — скромно отозвался друг. — Осталось оторваться от этих пяти сотен солдат, и все будет просто замечательно.

Со всех сторон к Мартину бежали люди в черной спецодежде. Они закрывали собой все пространство улицы. Мартин не видел ни одного свободного сантиметра. Он попятился и побежал назад, за угол дома. Ему в спину обрушился новый ливень из пуль. Редкие прохожие, не понимая, что происходит и куда им бежать, замирали на месте, пытаясь вжаться в стену. Совсем близко от Мартина застыл пожилой мужчина в старомодной шляпе. Он прижался спиной к стене и с ужасом смотрел на Мартина, даже не пытаясь оценить, несет ли этот странный персонаж большую опасность, чем свистящие над головой пули. Одна из них ударила прямо над головой мужчины, выбив фонтанчик кирпичной крошки. Мартин ухватил мужчину за плечо и подмял под себя. Пули застучали в спину, как град. Мартин стоял так, прикрывая своим телом мужчину, и чувствовал, что тот начинает терять сознание, чувствовал, что оказался в тупике, и солдаты приближаются.

— Простите, сэр. Но здесь нам с вами придется и расстаться, — проговорил он и повернулся, оставляя мужчине место за стенным выступом, где он мог бы быть в относительной безопасности. — А мне нужно идти...

Выстрелы продолжались еще около минуты, а мужчина в шляпе, на секунду

лишившийся чувств, теперь открывал глаза. Странного персонажа в маскарадной маске уже не было рядом. Солдаты продолжали постреливать, но уже без былой ярости. Улицы казались пустыми — все прохожие попрятались по подъездам, за машинами, вжались в стены домов. Несколько солдат подбежали к мужчине:

— Где он? Он был здесь! Говори сейчас же, старик!

Мужчина растерянно поправил шляпу:

— Он сказал, что ему нужно идти...

Никто из них не обратил внимания на неплотно прикрытую крышку канализационного люка.

— Ларри, как мне отсюда выбраться?! — Мартин несся по подземному тоннелю, не обращая внимания на потоки воды под ногами.

— Это проще, чем кажется.

Перед глазами Мартина возникла голографическая схема подземных тоннелей и переходов.

— Ты прав. Получится быстрее, чем на такси! — выпалил Мартин, перебегая по закругляющейся стене к потолку, делая резкий поворот и снова продолжая бег в темноте подземелья. Он ориентировался в темноте как при ярком солнечном свете благодаря своему зрению киборга. Стаи жирных крыс разбегались из-под его ног, вода капала с потолка, поворот за поворотом он преодолевал пространство города, приближаясь к моменту, когда диск, все еще лежащий во внутреннем кармане его плаща, окажется в дисководе и он сможет увидеть лица настоящих убийц, а не бездумных исполнителей. Тех, против кого боролся его отец, тех, кто уничтожил столько жизней, просто потому что так было удобно.

.....

...Зеленый экран. Тонкая рябь. И вот наконец на старой записи проступили очертания стола и людей, занявших места вокруг него. Последние нечеткости изображения пропали, и Мартин смог внимательно всмотреться в лица людей. Одни только мужчины, видно, бизнес такого масштаба — не женское дело или, возможно, не женское дело — убивать. Так или иначе, десять мужчин за этим столом, видимо, собрались для серьезного обсуждения.

Знакомое лицо мэра, на этот раз без налета добродушия, чуждая этому лицу улыбка не касается тонких губ.

— Мы собрались здесь, чтобы решить одну важную проблему. — Под его тяжелым взглядом из-за стола поднимается маленький толстенький человечек.

— Алекс Норман, личный помощник мэра, — короткая сводка от Ларри прозвучала в голове Мартина, не прерывая видеоряд.

— Вам известно, что Стоун отказывается вносить деньги в наш фонд. Он отвечает на наши просьбы в крайне непреклонной и грубой форме.

— Я хочу добавить к этим замечаниям, — из-за стола приподнимается Сэм Риверс. Он выглядит куда моложе, чем его запомнил Мартин. А ведь прошло каких-то пять или семь лет. Риверс сам убивает себя, грызет изнутри, обманывает. А это самое страшное, когда человек лжет самому себе, запутываясь и теряясь в этой липкой паутине.

— Я хочу добавить, что Крис Стоун — уникальный врач, его отец — известнейший ученый. Это люди, требующие особенного...

Он не успел договорить. Норман, не дождавшись завершения речи, продолжал:

— Мы посоветовали ему быть поговорчивее, но он не понимает. Для него мы просто не существуем. Он открыто бросает нам вызов!

— Возможно, стоит сделать исключение... — Риверс снова попытался взять нить обсуждения в свои руки, но все, кажется, было уже решено.

Мэр заговорил, глядя прямо на Риверса:

— Вопрос не в его деньгах, вопрос в системе! Если один отказывается подчиняться, то об этом быстро узнают остальные! Этот одиночка сразу становится героем, мучеником, предводителем. Сегодня только он будет одной рукой лечить калек, а другой раздавать милостыню, завтра же за ним последуют другие. Мы не можем упускать контроль, мы не можем потерять все из-за одной слабости.

— Тем более что он ставит под угрозу информационную безопасность нашего бизнеса. Вся информация по нашему финансовому фонду теперь может оказаться в прессе. Стоун знает ходы, знает наши слабые места, — высказался прокурор, сидящий рядом с мэром.

— Предлагаю обратиться к уголовным элементам. Это самое простое и действенное решение такого рода проблем. Так было всегда. — Малыш Норман ухмыльнулся, потирая пухлые ладошки. — Как говорится, нет человека — нет проблемы...

Крупный мужчина в белоснежной рубашке, сидящий дальше всех, положив руки на стол, будто отгородившись от присутствующих, спокойно кивает:

— Завалить его — дело двух минут. — На его шее блеснула золотая цепь, кулаки непроизвольно сжались и в тусклом свете стали видны татуировки на запястьях и фалангах пальцев.

— Нет, — мэр слегка повысил голос, и все взгляды тут же снова обратились к нему. — Это не должно быть незаметно и быстро. Это должна быть громкая расправа. Мы избавимся от Стоуна так, чтобы наше предупреждение было слышно всем. Они хорошенько подумают в следующий раз, перед тем как идти против мэра этого города. Сэм, да, да, Сэм Риверс, это дело будет поручено вам.

Риверс побледнел и несколько минут не знал, что ответить, беспомощно глядя на жесткое лицо мэра.

— Но, но... почему я? — выдавливают он чуть слышно. — Крис Стоун вылечил мою дочь. Я обязан ему. Я не могу...

Впервые за все время разговора лицо мэра тронуло подобие улыбки:

— О, вы не можете отказать нам, Сэм, а все остальное вы можете. И сделаете это сегодня же. И так, чтобы нам не пришлось сомневаться в вашей преданности. Ваши сегодняшние попытки защитить этого доктора поселили в нас сомнение. Избавьте нас, Сэм, и от Стоуна, и от этих напрасных сомнений.

Видео зарябило и прервалось, растянув последнюю фразу мэра:

— Сомне-ени-ий...

Диск выдвинулся из отверстия дисковод, и Мартин вложил его в пластиковый футляр.

— Осталось слегка подлатать меня, и можно отправляться на встречу с нашим подающим надежды кандидатом в мэры...

— Не беспокойся, мой мальчик, я все сделаю, — сухая рука профессора легла на его плечо, и сдерживаемый вздох вырвался из горла Мартина.

— Спасибо, ты всегда рядом.

Мартин постоянно отключался, будто падая в темную бездонную яму, он уходил в размышления. Он думал об отце, о людях за столом в темном зале, думал о лице того солдата, на которого не хватило смертельных пуль, о трясущемся мужчине в шляпе, прижатом к стене, о всех тех, чьих лиц он не запоминал, стреляя, нанося удары, уничтожая,

как неживые предметы...

Он открывал глаза и видел, что профессор за компьютером вводит новые указания для миниатюрных роботов-работников, что заново перебирали его побитое в драках тело. Он отвык чувствовать боль и не замечал, когда его руку отнимали от предплечья и заменяли на новую, более прочную и гибкую конструкцию. Голографическое изображение скелета Мартина перед глазами профессора поворачивалось, демонстрируя все меньше сломанных костей, все больше новых деталей. Демонтированные конечности сначала были беззаботно оставлены на полу в углу лаборатории, но внезапно разжавшаяся кисть до смерти напугала Мелани, проходившую мимо с чаем для профессора. Профессор едва заметно усмехнулся, но ввел новую команду — немедленную переплавку отработанных деталей.

— Ты станешь еще более неуязвимым, — бормотал профессор, увлеченно набирая новую комбинацию на клавиатуре компьютера.

И Мартин становился таким. Уже спустя сутки на его теле не осталось следов недавней стрельбы. Он с интересом следил за неприкрытыми кожей суставами руки, сжимая и разжимая кулак.

— Я чувствую столько скрытой силы в этом простом движении, дед. Ты ведь действительно сделал мое тело еще совершеннее. Тебе говорили, что ты гений? — Мартин с улыбкой взглянул на профессора.

— Нет, в основном упрекали, что я слишком часто предаюсь несбыточным мечтам.

— Ты мечтатель, это верно. Но разве твои мечты не сбываются?

— Да, Мартин, не все, но многие мои мечты исполнились. Ты должен запомнить, что первым шагом к открытию является именно мечта. Через наши мечты творец указывает нам путь к совершенству!

— Я запомню это...

— Хорошо, мой мальчик, а сейчас тебе нужно поспать. Я подготовил для тебя сонную капсулу, как я ее называю. Я подключу тебя к нескольким аппаратам, которые снимут напряжение с твоего нового тела. Я надеюсь, так тебе будет легче сосредоточиться на сне и ты сможешь по-настоящему отдохнуть...

— Спасибо. Сон — это, кажется, как раз одно из самых несбыточных моих мечтаний.

Мартин погрузился в сон. Лежа в белой капсуле с множеством проводов, подключенных к его рукам, ногам, сердцу, височным и затылочной долям мозга, он будто бы парил в невесомости. Но освобождающего, беспробудного, здорового сна ему так и не удалось достичь. Он чувствовал себя отдохнувшим физически, но в голове его царил беспокойство.

Профессор взглянул на румянец, выступивший на скулах его внука, от его глаз не скрылось и подрагивание ресниц.

— Ну что ж, видимо, это все, — он аккуратно нажал кнопку на пульте, и крышка капсулы отъехала. Мартин повернул голову и открыл глаза. Ничего не говоря, он смотрел на профессора, будто бы не готовый к тому, что с этого момента ему нужно продолжить свою жизнь.

— Как ты, Мартин? — профессор сверял последние данные по физическому состоянию пациента.

— Я все время думаю, дедушка, — голос Мартина звучал отрешенно.

— О чем?

— Возможно, я не прав. Столько человеческих жертв ради того, чтобы уничтожить десяток ублюдков...

— Но ты понимаешь, что зло должно быть наказано...

— Да, я понимаю. И стоит мне вспомнить запись, которую дал мне Риверс, я забываю все, кроме этого утверждения. Но разве не о милосердии говорит твой Бог? Разве не к нему призывает?

— Милосердие возможно по отношению к тем, кто искренне раскаялся.

— Но почему мне так плохо? Почему я чувствую огромный груз на плечах? — Мартин бессильно опустил голову.

— Потому что хороший человек никогда не хочет войны, Мартин. Не хочешь ее и ты, и это правильно. Но ты выбрал этот путь, взвалив на свои плечи груз мщения, и только ты можешь решить, когда пора остановиться. Я бы никогда не стал принуждать тебя к жестокости, я создавал тебя таким не для убийств, а для защиты. Ты выбрал этот непростой, страшный путь, и я поддерживаю тебя на нем, что бы ни случилось.

— Спасибо. Спасибо, дедушка. Это смешно. Смешно, верно? Слышать это домашнее слово от киборга, способного уничтожать живое щелчком пальца. Но ты не представляешь, как это важно для меня — на минуту почувствовать, что у меня есть дом, семья, что я не один.

— Ну что ты, что ты, мой мальчик, — профессор прикасается сухими пальцами ко лбу Мартина, проводит по волосам. — Все будет хорошо. Все будет хорошо. Отдыхай.

Мартин действительно отключился. Провалился в сон без мучительных раздумий, воспоминаний, страхов. Он проснулся вечером. В тусклом свете ламп приборной панели он различил лицо Мелани.

— Я просто хотела посмотреть на тебя, — она умолкла и отняла свою руку от его, механической.

— Как хорошо, что ты здесь. — Он снова осторожно взял ее за руку и накрыл своей металлической ладонью. — Спасибо, что ты здесь.

Она смотрела на него не отрываясь:

— Мне так страшно сейчас. Я постоянно смотрю новости. И там говорят ужасные вещи. И мне так страшно за тебя, Марти. Скажи, что мне нечего бояться, и я поверю тебе.

— Ну что ты, глупая. Конечно, тебе нечего бояться. Посмотри на эту клешню, которую ты так нежно гладишь своими пальчиками. Ну что с ней может случиться? Дед может собрать меня заново по кускам, если я попаду в передрагу. Ты же знаешь, что я уже слишком долго был совсем как мертвый, чтобы умереть сейчас. Я уже отдал этот долг. Веришь мне?

Она не ответила, но кивнула головой и спрятала лицо.

— Ну что ж, это смелый ответ, — усмехнулся Мартин и поцеловал ее в макушку. — Мне пора, я вернусь завтра, а ты даже не думай грустить. Когда я вернусь, все страшное будет уже позади. Обещаю.

Он прижал ее к себе и, аккуратно отстранившись, встал с кровати.

— Мне пора... — И он шагнул в открытое окно.

.....

...Новый байк гнал еще стремительнее, еще точнее следовал мельчайшим командам, посылаемым Мартином. Ночь почти наступила, но на таких скоростях Мартину казалось, что он может обогнать даже время. Луна еще не взошла, и ему нужен был этот короткий отрезок между днем и ночью, когда наступает самая липкая, непроглядная темнота. Небоскребы уже вырисовывались впереди, и он знал, какая цель его ждет.

— Мне нужна схема здания, — коротко обратился он к Ларри.

— Секунда, — отозвался Ларри, и тут же боковым зрением Мартин ухватил точную и подробную схему.

— Она наложится на твоё сознание, не мешая обзору. Она всегда подскажет твоё местонахождение.

Мартин кивнул, ни слова не говоря. Слова давно стали лишними в этих отношениях.

— Это будет трудно, Марти. — Ларри заговорил, только когда они уже были у самой высотки.

— Я знаю. Но я должен закончить начатое.

— Тогда за дело.

— За дело, друг.

Мартин действовал быстро, ни на секунду не замедляя шага, уверенных движений рук. Он шел от байка к зданию, на ходу отмечая присутствие телохранителей у главного входа, нескольких охранников, стоявших по углам здания. Он отметил их расположение, и оно тут же зафиксировалось на схеме в его сознании. Не сбавляя шага, он впечатал подошву в стену, и выдвинувшийся шип удержал его в горизонтальном положении. Он продолжал идти, набирая скорость и переходя на бег, и вот он уже несется вверх по стене, незамеченный ни одним из охранников. Он поднялся на самую вершину и остановился, встав на одну из огромных стеклянных пластин, составляющих огромный прозрачный купол из пуленепробиваемого стекла. Через стекло Мартин видел просторный зал. В его центре стоял стол, украшенный множеством закусок, а за столом, как и на видеозаписи, восседали старые знакомые: мэр, его пухленький и услужливый помощник, прокурор, мафиози, несколько политиков, чьи лица давно примелькались Мартину, вещая с телевизионного экрана. Среди сильных мира сего есть и Сэм Риверс. Его место теперь чуть ближе к креслу мэра.

Мартин раздумывал, как бы незаметно проникнуть в этот зал, и начал прислушиваться к разговору. Ушные мембраны напряглись, и до Мартина донесся сухой голос мэра:

— ...в нашем городе, у нас перед носом появился какой-то Мститель. Он не понимает законов этого города, не принадлежит ни к одной банде. Этот человек жестоко расправился с лучшими бойцами спецназа и в одиночку атаковал полицейское подразделение.

Риверс покорно кивал, подтверждая правильность каждого из утверждений, высказанных мэром. Наконец мэр умолк, и Риверс сдавленно проговорил:

— Это Мартин Стоун, сэр, тот, что чудом остался в живых. Сын погибшего Стоуна.

Лицо мэра напряглось, он наморщил лоб, вспоминая.

— Ах да, докторишка... Его сын? Ему лет восемнадцать-двадцать. Он уничтожил несколько отрядов. Очевидцы говорили о нереальной сверхсиле, о поражающей воображение скорости. Да, видишь, Риверс, я все вижу и знаю, хотя я и стар. У вас есть какие-то доказательства, что это все дело рук одного юнца? И даже если так — не стоит ли за его действиями более могущественная организация?

— Это Мартин Стоун, я знаю это точно. Я лично разговаривал с мальчишкой. Насколько я смог понять, его дед, профессор Энди Стоун, создал из полумертвого ребенка настоящую машину смерти. Киборга, сэр.

— Ты хочешь сказать, что моих людей уничтожил, как тараканов, робот, созданный полоумным стариком?

— Сэр, я лично видел, как от его тела отскакивают пули, как он перепрыгнул с крыши одного здания на другое, между которыми было около десяти метров. Я видел, как он бежит по потолку...

— Это возможно, сэр, — подал голос помощник мэра Алекс Норман. — Профессор был задействован в секретной деятельности Пентагона, он участвовал в разработках военных проектов. Похоже, что, отказавшись от сотрудничества с государством, работу над проектами профессор не прекратил.

— Пусть так, — мэр поморщился, как от зубной боли. — Но почему юноша действует таким образом. Откуда он знает, кто повинен в его жизненной драме?

— Я объясню, сэр. Два дня назад мне позвонил профессор Стоун и сообщил, что его внук Мартин вспомнил лицо одного из убийц своих родителей. Я был удивлен, ведь прошло столько лет. Но мальчик назвал даже его имя — Майк Робертсон. Я пообещал профессору, что лично займусь этим делом, и попросил не сообщать данную информацию в ФБР. Конечно, я сразу дал команду лейтенанту зачистить профессора и внука, но им, к сожалению, это не удалось. Клиника оказалась настоящей крепостью, это, очевидно, очередные профессорские изобретения. А на следующий день произошло нападение на спортзал и на полицейское управление, о котором вы уже знаете.

— И мы узнаем эти детали только сейчас?! — Лицо мэра пошло красными пятнами. — Почему вы не соизволили сообщить это мне в ту же секунду, как узнали об угрозе?!

Риверс, казалось, уменьшился в размерах. Он умоляюще смотрел на мэра:

— Я думал, мне удастся справиться своими силами. В тот же день я со своим отрядом выдвинулся к дому профессора, чтобы произвести зачистку. Я не мог предположить...

— Но почему он не убил вас? — прокурор оборвал Риверса, даже не заметив, как странно звучит его вопрос. — Да, он должен был прикончить вас первым, что пошло не так? Вы что-то рассказали ему? — Алекс Норман заметно нервничал, предчувствуя опасность, грозящую даже ему.

— Да, я рассказал ему все, — голос Риверса прозвучал на удивление твердо. — Теперь он все знает.

— Вы идиот, Сэм! Вы — трус! Как вы могли испугаться мальчишки?! Подставить под удар всех нас?! — Мэр наклонился над столом и кричал на Риверса, разбрызгивая слюну, будто старый бульдог.

— Мы должны немедленно что-то предпринять! — вторил ему прокурор.

— Если уже не поздно, — упавшим голосом, но так же твердо отвечал Риверс. Его слова заставили всех опасливо и напряженно переглядываться.

Над столом спокойно навис крупный человек в аккуратном костюме. Его прошлое выдавали разве что татуированные руки.

— Я могу решить эту проблему. Завтра мальчишка и старик уже никому не помешают.

— Не надо ждать до завтра. Пусть ваши люди поднимаются сейчас. Пусть они покончат с ними. Мы не можем ждать, пока какой-то умалишенный нападет на наши дома. Ведь у нас есть семьи, они могут быть под угрозой... — Мэр на секунду осекся, вспомнив причину этой вновь завязавшейся войны.

— Моим людям нужно только приказать, они выполнят все, что я потребую, в любое время. Это профессионалы.

— Так отдавайте приказ, — прошипел мэр.

Мартин слышал каждое слово так отчетливо, как если бы он сам находился за этим столом.

«Так отдавайте приказ!» — когда-то так же просто был отдан приказ уничтожить его семью.

«Отдавайте приказ!» — боль охватила его голову, а слова продолжали звучать в ушах.

«Отдавайте приказ!» — он упал на стеклянную поверхность купола, обхватил голову руками и застонал. Будто слепящая вспышка света, Мартина осветили воспоминания.

Весь ужас, пережитый им в детстве, который, казалось бы, уже не должен был снова возвратиться к Мартину, сейчас парализовал его. Он опять видел, как Робертсон снова и снова вонзает нож в уже бездыханное тело милой домработницы, сердобольной толстушки Роззи, а она оседает, все сильнее закидывая безвольную голову, придавливая спиной дверцы кладовой. Он почувствовал, как та слеза, пролившаяся из глаза маленького мальчика, впервые увидевшего смерть, узнавшего убийство и насилие так внезапно, так близко, так страшно, прокатилась по его щеке, оставляя обжигающий след.

Он заново почувствовал ударную волну, огневую вспышку, ослепившую его, силу и ужас взрыва, неподвижность собственного тела, нечеловеческую боль, которую он испытал тогда. Его кости снова дробились в крошку, в его грудь снова влетел кусок арматуры, пригвоздив тело к земле. Он хотел бы кричать изо всех сил, он совсем не боялся раскрыть себя, ведь ничего страшнее уже пережитого им не существовало в природе. Он хотел кричать, но чувствовал, что его гортань обожжена, как это было тогда, в тот страшный вечер.

Он мечтал, чтобы воспоминания оставили его. Он уже не двигался, а только тихо постанывал, изможденный этими невероятно сильными, яркими и осязаемыми переживаниями.

Последняя вспышка заставила его сдавленно вскрикнуть. Он ощутил себя лежащим на полу клиники. У него не было сил подняться, его тело не принимало команд, на любую попытку сдвинуться с места оно отвечало дикой болью. Беспомощность захватила его. Он хотел было подползти к краю купола, чтобы прекратить свои страдания. Но наваждения отхлынули. Он смог вздохнуть. Он вдыхал прохладный воздух, и с каждым вдохом в него вливалась новая сила, новая ярость.

Эти люди виной тому, что он испытал. Эти люди повинны в тех ужасных смертях. Эти люди должны понести наказание. Он зарычал по-звериному, впервые ощутив ярость такой силы. Еще недавно он осторожно осматривал купол, стараясь придумать, через какой секретный ход проникнуть внутрь зала. Сейчас он просто ударил кулаком с выдвинувшимися шипами в блестящую поверхность. Стекло треснуло и провалилось вниз, увлекая за собой Мстителя. Он оказался на столе, посреди своих врагов, а осколки осыпались с его плеч. Они покрыли стол и паркет и, отскочив, поранили некоторых присутствовавших.

Ему потребовалось мгновение, чтобы открыть огонь. Его зрение киборга выхватывало одно перепуганное лицо за другим. Он фиксировал закатывающиеся от страха глаза, дрожащие губы и тут же посылал в ненавистный лоб пулю, не размышляя, не сожалея, не медля.

Мэр, Алекс Норман, Риверс — выстрелы звучали без пауз, единой очередью. Политики, прокурор, мафия... Мститель поворачивал корпус, стоя на столе. Он уже прошел один круг, выстреливая в лоб каждому из виновников своих несчастий, но он не мог остановиться так быстро. Контрольный. Контрольный. Контрольный. Еда разлеталась грязными шматками, отлетали куски древесины от стола. Тела, изрешеченные выстрелами, замерли в нелепых позах. В зале перестала гореть главная великолепная люстра, и он тут же потерял свое роскошество. На стенах пестрели мелкие брызги крови.

— Смерть неожиданна, смерть нелепа. — Мартин осматривал дело своих рук. — Вы могли не ждать смерти. Но месть... Месть закономерна.

Он еще раз окинул взглядом разгромленную комнату. Тень сомнения пробежала по его лицу: и это все? Конец его долгого, мучительного пути? Он встряхнул головой, отгоняя от себя эти неподходящие мысли. Он отомстил. Он прошел путь до конца. Теперь ему остается только вернуться домой. Он вдруг почувствовал легкость, будто камень, так мучительно давивший на его плечи, наконец рассыпался в прах. Он спрыгнул со стола и, бросив на пол опустошенный автомат, уверенно пошел к балкону, доставая на ходу из встроенных в его пиджак креплений два скорострельных пистолета. Не сбавляя шага, он выстрелил в стеклянные двери и, кинув прощальный взгляд на тех, кому он так долго собирался отомстить, шагнул с балкона в сгустившуюся темноту ночи, как и рассчитывал.

Он приземлился мягко, внутренне поблагодарил профессора за обновленные суставы его механического скелета. Сделал кувырок и, не прекращая движения, выстрелил с двух рук по стоящим на парковке в ожидании своих хозяев дорогим лимузинам. Пули попали точно в бензобаки, и взрывы на минуту осветили темную площадку. Мститель видел, как в машинах корчились телохранители.

— Вы сами выбрали этот путь. Вы знали, чьи жизни берете под охрану. — Он говорил это тихо, но ему казалось, что несчастные слышат его голос, звенящий металлом.

Еще один охранник тяжело дышал, вжавшись в стену. Тонкий слух Мартина уловил звук его неровного дыхания. Он мгновенно нашел его лоб, лишь напрягая зрение, словно глядя в лазерный прицел, и пуля не заставила себя ждать.

Он знал, что пора уходить. Краем глаза он выхватил еще пару фигур, скрывающихся за длинным рядом припаркованных автомобилей, и, не глядя, послал очередь через стекла машин. Он уже быстро шел к своему байку, не оглядываясь на усыпанных осколками охранников. Он знал, что их лбы пробиты навывлет.

Он мчался по ночным улицам, зная, что его будут преследовать множество машин. У него была цель. Он гнал через город, по подсказке Ларри, внезапно слегка подрезая едущую впереди машину, заставляя ее притормозить, выскакивая на встречную полосу, поднимаясь на заднее колесо и привлекая внимание рассеянного водителя. Он знал, что его действия приведут к небольшим авариям, он знал, что не причинит этим людям большого вреда, и знал, что таким образом ему удастся задержать своих преследователей и оторваться от них. Ему уже казалось, что он ушел от погони, и, выжав газ до предела, он мчался вперед, не различая дороги, полагаясь на свой слух и на координирование Ларри. Внезапно Ларри просигналил тревогу — последний отделяющий Мартина от свободной трассы разъезд был заблокирован. Десять полицейских машин, открыты двери, один из офицеров кричит что-то в громкоговоритель, работает сирена, дула пистолетов направлены на него... Это все, что Мартин успел заметить. Увиденное, словно мгновенная фотография, запечатлелось в его памяти и потухло. Он, не снижая скорости, влетел на капот одной из машин, его подбросило вверх вместе с мотоциклом, и он почувствовал, что заходит на сальто. В момент, тот самый момент счастья, ради которого совершают подобные трюки, когда он с мотоциклом завис в точке невесомости, перед тем как снова, набирая скорость, обрушиться на землю, Мартин выхватил пистолеты и выстрелил в машины, которые оставлял далеко позади. Он знал, что попадет куда нужно. Он удовлетворенно услышал взрыв, и тень его байка на секунду бросило вперед из-за резкой огневой вспышки.

Пара чудом уцелевших машин продолжали погоню.

— Такое упорство должно быть вознаграждено. Жизнью как минимум. — Мартин обращался и к самому себе, и к Ларри. Он стремительно приближался к железнодорожному

переезду, но с обеих сторон по рельсам, мелькая освещенными окнами, уже неслись составы.

— Проскочим? — Мартин пригнулся к рулю.

— Тебе нужен новый плащ. — Ларри, как обычно, звучал невозмутимо.

Сильный поток ветра ударил Мартину в лицо. Он выжал газ и сощурил глаза.

«Быстрее! Быстрее!» — билось в его голове.

Он проскочил перед первым поездом и, закрутив форсаж, вылетел за пределы путей, как раз успев промелькнуть перед несущимся на него скорым. Мартин почувствовал рывок за спиной и понял, что плащ, зацепившись за состав, остался там, далеко позади. Он счастливо рассмеялся, сам не зная чему.

— Ты как всегда прав, Ларри!

— Рад помочь.

Последний рубеж был преодолен. Ужасы его прошлого, жажда мести, ярость ненависти вместе с истерзанным плащом остались далеко позади. Тяжесть покинула его плечи. Остался терпкий вкус горечи. Осталась боль в сердце за самых любимых людей. Но от этой боли он не отказался бы ни за что на свете.

Начался дождь, но, несмотря на это, самое темное время суток минуло, и из-за туч ненадолго вышла полная желтая луна. Она осветила надпись на надгробном камне, перед которым стоял Мартин. Кристофер и Элен. Папа и мама. Мартин вдруг почувствовал опустошающую усталость и опустился на колени. Он говорил тихо, он знал, что будет услышан.

— Кажется, все позади. Но в сердце осталась непроходящая боль. Эта боль, по-моему, совсем заменила мне чувство любви. Наверное, так и должно быть. Ведь когда твои самые близкие люди так далеко, любовь не может не стать покойным страданием. Страданием, которое я принимаю. Папа, я отомстил. Мама, слышишь, я сделал это для вас и для себя. Я сделал это... — Он не мог говорить, горло сдавило, и слезы смешивались с каплями дождя.

...Он сразу же увидел два исхудавших за эту долгую ночь бледных лица. И глаза, направленные на входную дверь, неотрывно следящие за ней уже много часов. Профессор и Мелани не смогли двинуться с места, они продолжали смотреть на него — высокого хрупкого юношу с длинными мокрыми волосами, упавшими на лоб. Плащ не скрывал его тонкости, а грим смыло дождем. Сейчас перед ними стоял не Мститель — это вернулся их Марти. Будто в подтверждение этих мыслей, юноша, секунду назад встревоженно оглядывавший их напряженные фигуры, робко улыбнулся.

— Я вернулся. Все закончилось. Я вернулся...

И эти слова словно освободили от оцепенения и пожилого профессора, и юную девушку. Они кинулись к Мартину, боясь поверить в то, что их мальчик снова с ними.

Мелани повисла у Мартина на шее. Она плакала, не замечая и не утирая слез:

— Я так боялась. Я так боялась. Я так боялась, — твердила она. — Неужели теперь ты со мной?

— Ну что ты, что ты, глупая, — смеясь, Мартин гладил ее рыжую шевелюру. — Я всегда здесь, я всегда с тобой.

Профессор, крепко обняв Мартина, отошел к мониторам. Он старался не смотреть на мальчика и внимательно изучал какую-то схему на экране. Мартин улыбнулся, заметив, что и на морщинистой щеке профессора поблескивает слеза. Он ободряюще положил руку на его плечо:

— Ну, что скажешь, мой дорогой волшебник?

— В течение тысячелетий пылливый человеческий ум пытается познать этот мир и преобразить его, — профессор смущенно пожал плечами.

— Но будут ли люди счастливы от этих знаний? — Мартин не хотел задавать этот вопрос, но он слишком давно терзал юношу.

— Непременно, только познание всех тайн жизни даст человечеству новый импульс к развитию. — Профессор очень серьезно взглянул Мартину в глаза. — Непременно.

— Вы прожили столько лет, потеряли жену и сына — и все еще продолжаете верить в людей! — Мелани не смогла сдержать этого восклицания.

Профессор повернулся к ней, и нежность осветила его черты. Он спокойно проговорил:

— Я верю в Творца. Придет время, и люди поймут свои ошибки. Человечество обустроит этот мир! Технократическая революция перевернет сознание людей. Она даст людям кров, покончит с голодом и болезнями, но самое главное — она даст новую цель и новую надежду.

Он говорил спокойно и убежденно, так, что у Мелани не осталось сомнений в его правоте. Мартин рассмеялся, взглянув в ее торжественное лицо:

— Мелани, ты такая еще маленькая девочка! А ты, дед, настоящий мечтатель!

— Только мечта может спасти человека! — с улыбкой отвечал профессор.

— И я верю в эти мечты! — уверенно ответила Мелани.

Профессор молча обнял Мартина и Мелани за плечи, притянув к себе. Он хотел сказать, что любит их, что ничего важнее и прекраснее никогда не случится с ним в его жизни, но почувствовал, что словами не выказать того, что было в его сердце. Он крепче прижал их головы к груди в надежде, что они лучше почувствуют, чем поймут то, что выказать словами было невозможно.

...

Тогда началась его новая, странная, двойственная жизнь Мстителя. Воспоминания, завладевшие Мстителем отступили, ночь прошла, солнце залило кроны деревьев и золотистой сеткой упало на серый асфальт. Мартин выехал с трассы на частную дорогу и вскоре оказался на территории клиники.

.....

Я продолжаю жить здесь, наш бункер стал мне настоящим домом. Я продолжаю совершенствовать свои навыки, данные мне моей непростой судьбой. Медитация помогает мне контролировать свои воспоминания, свою боль и свой гнев. Помогает проникать в глубины подсознания, и в эти моменты мне кажется, что я понимаю желания своих родителей, понимаю смысл своего существования и суть гармонии.

Слова отца звучат в моей голове: «Любой мужчина когда-нибудь терпит поражение, но важно то, какой урок он вынесет из этого: продолжить свой путь или сдаться на милость судьбы». Я всегда выбираю продолжение пути и знаю: в этом заслуга моего отца.

Я научился контролировать свое тело. Я не позволяю чувствам брать верх. Каждое утро я делаю упражнения, и с каждым днем лезвия выскальзывают из моих пальцев все легче и мягче, глаза видят все четче, а слух может вычленить самый тихий звук из шума любой толпы. Я совершенствую Мстителя каждое утро, и каждую ночь он доказывает, что тренировки не проходят зря. Я не проявляю бессмысленной жестокости, я просто пытаюсь сделать этот мир немного лучше. Как ты и хотел, отец.

А днем я снова становлюсь Марти, обычным парнем, студентом медицинского факультета. Я хочу быть похожим на отца, хочу помогать людям, и я стараюсь изо всех сил,

правда, Ларри все же очень помогает мне с запоминанием материала. Я люблю эту дневную жизнь куда больше, чем ночные приключения Мстителя. Каждый раз, надевая костюм, нанося краску на свое лицо, я чувствую ту боль, что мне пришлось испытать. Когда я возвращаюсь домой, надеваю привычные джинсы и футболку, целую мою милую Мелани и обнимаю дедушку, мне кажется, я могу забыть обо всем. Я смеюсь над шутками друзей, читаю книги, хожу в кино, я слушаю музыку и даже иногда танцую (поверьте, неплохо). Но я всегда чувствую тяжесть в сердце. Это давит та, забытая на время половинка. Это Мститель напоминает о себе.

Хватая на ходу булочку со стола, я выхожу на улицу. Я спешу, поглядывая на часы, и, только остановившись на светофоре, замечаю крупный заголовок в газете, которую внимательно читает мужчина, стоящий рядом: «Смех сквозь слезы: новое ограбление предотвратил таинственный герой в маске печального Пьеро». Я тут же заливаюсь краской. Придумают же такое: таинственный герой! Ненавижу, когда из обычного грязного дела раздувают сказку на три печатных страницы. Я помню, какой испуг был написан на лицах заложников, когда я вломился в банк, разрушив стену. Эффектные появления, конечно, всегда раззадоривают журналистов, но главное, что они ставят в тупик преступников. Я никогда не вмешиваюсь, если полицейские могут справиться с делом сами, но они собрались около дверей этого банка уже три часа назад. Они сами уже не знали, что делать, и только повторяли в свой рупор: «Выходите с поднятыми руками», как будто ничего другого от этих горе-грабителей они и ожидать не смели. А те бедолаги уже сами были на грани нервного срыва. Они не продумали уход и теперь были заперты в этой мышеловке с кучей свидетелей. Их выбила из колеи смерть охранника — шальная пуля, отскочившая от кафельного пола. Заложники все еще с ужасом посматривали на алую лужицу, засыхающую на полу возле его головы. Бандиты, скорее всего, не планировали никого убивать и теперь не знали, что делать. Один уже совсем потерял голову: схватил молодую девушку за волосы, грубо, у затылка. Я знаю, что это ужасно больно. Он принялся орать, что выстрелит ей в голову, если их не оставят в покое. «Не оставят в покое!» — вот это требование! Слава Богу, хоть потом догадался попросить подогнать машину ко входу.

Когда я вломился в это банковское фойе, они даже забыли, что делать. Стояли и смотрели на меня, пока один из них не крикнул:

— Это Мститель! Стреляй! — и они начали палить в меня, выпуская последние патроны. Тот, что требовал подогнать машину, оттолкнул девушку, и она сильно ударилась головой о стойку.

Иногда я перестаю себя контролировать. Я медитирую каждое утро. Я учусь быть хозяином своей ярости, но иногда что-то щелкает в моей голове, и я уже вижу, как рука сжимает горло одного громилы, а его ноги безжизненно повисают над землей, кулак сжимается для удара, и я чувствую, как хрустят лицевые кости второго парня. Третий пытается отстреливаться, спрятавшись за колонной, но я хватаю его за шиворот и с силой бросаю в стену. Я хочу топтать их ногами. Я хочу выпустить шипы из пальцев. Я хочу увидеть, как они мучительно умирают, но тут приходит спасительная концентрация. Я останавливаю себя на середине разрушительного движения и спешу скрыться. Мало того что в газетах уже есть вполне правдоподобные описания, скоро дождусь и фотографий, если буду продолжать в том же духе...

Я встряхиваю головой, отгоняя воспоминание. Красный свет мигает и сменяется зеленым. Я знаю, так бывает всегда — красный рано или поздно сменится зеленым. На той

стороне дороги меня уже поджидает Мелани. Я снова и снова удивляюсь своему везению. Она целует меня при встрече, она доверчиво вкладывает в мою руку свою маленькую ладонь. Она любит меня. Каждый раз, когда смотрю в ее смеющиеся глаза, я удивляюсь своему счастью.

Я живу обычной жизнью. Я счастлив, когда мне удастся быть простым парнем Марти. Просто иди, держа за руку свою девушку. Но когда рядом со мной зло начинает побеждать, я снова становлюсь Мстителем.

.....

В памяти пронеслись воспоминания минувшей ночи. Банда койотов, готовая убить любого прохожего ради потехи. Запуганная и озлобленная рыжеволосая девушка. Ночная схватка в грязном переулке, остановленная его рукой бита, человеческое тело, распадающееся под лезвиями его рук на куски...

Каждый человек мечтает стать героем, но не каждый может пройти этот путь, путь героя...

Мартин рассеянно улыбается, на прощание целуя Мелани в щеку. На этом перекрестке они всегда расстаются, а после занятий вместе идут в парк, как и прежде. Он идет в толпе прохожих: светофор только что мигнул зеленым, путь свободен. Но краем уха Мартин выхватывает странный звук, нарушающий его покой, шумную гармонию утренней улицы. Он поворачивает голову и видит, как из ряда машин, мирно остановившихся перед пешеходным переходом, будто в замедленной съемке, вырывается грузовик. Лицо водителя бледное как мел, он давит на педаль тормоза, но машина неисправна, его движения безрезультатны. Мартин видит, как шевелятся его губы, складывая слова проклятий и мольбы, видит капельки пота, выступившие у него над верхней губой.

Мартин поворачивает голову и видит, что справа от него дорогу переходит группа детей. Воспитательница высоко подняла красный зонтик, чтобы все видели эту резвую процессию. Мартин успевает захватить взглядом, как поворачивают в сторону грузовика головы дети и учительница. Как детские лица озаряются удивлением и любопытством, а лицо учительницы искажается ужасом, как в крике раскрывается ее накрашенный дешевой помадой рот.

Резкий удар прерывает едва прозвучавший крик, возвращая время в обычное русло. Грузовик застыл. Рука хрупкого юноши оставила глубокую вмятину на капоте, остановив машину за минуту до того, как та влетела бы в детскую толпу. Парень серьезно смотрит в лицо водителю, а тот не может вымолвить и слова, беззвучно хватая ртом воздух.

.....

...Мартин всегда останется Мстителем. Эта сторона — мой дар или мое проклятье. Она всегда со мной. Я ухожу, теряясь в толпе. Меня ждут обычные для студента лекции и семинары. Я оставляю за спиной парализованных потрясением людей. И не могу решить, отказался бы я от всего того, что пережил, зная, что тогда сегодня никто не смог бы остановить эту железную махину, несущуюся на детей.

Я знаю, что не стоит жалеть о прошлом и загадывать на будущее. Герой ли я или обычный парень, я знаю, что происходит то, что должно происходить. Я верю, что это имеет смысл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net